

Светлана Катеринкина



Огненное
сердце

Ахары — кочевой народ, терзаемый междоусобными войнами и тиранией своих ханов. Но самая главная опасность кроется в их родной Степи, где проживают жуткие монстры, прозванные степным лихом. Степь готова пожрать людей, обрушив на них чудовищ и испепеляющий огонь, вырывающийся из земных недр. Лишь маги, каждую ночь создающие защитный купол над обитаемыми землями, способны противостоять степному лиху. Но их силы иссякают, а сила Степи растёт. Среди ахаров ходят легенды о человеке с огненным сердцем, который объединит свой народ, создаст могущественную империю и защитит людей от чудовищ. Однако когда такой человек появляется, возникает опасность, что и он, используя свои сверхспособности, превратится в жестокого тирана. Что ждёт многострадальный народ? Будет ли он спасён или его ждёт гибель? Это зависит от главного героя романа, которому суждено стать человеком из легенд, человеком с огненным сердцем.

Зной стоял страшный. В это время года, когда лето всё ещё отчаянно пытается удержать свою власть, но уже чувствует приближение соперницы, особенно жарит солнце. Здесь, на краю человеческой цивилизации раскинулась Великая Степь. Лишь немногим племенам удалось закрепиться на этой суровой земле. Со временем племена смешались друг с другом, образовав народ, называемый ахарами. Но ахары, как и их предки, продолжали жить дикой, полной междоусобиц и лишений жизнью. Постепенно в их среде зародилось деление на кланы, что усилило военные столкновения между племенами. Кочевой образ жизни не позволял ахарам возводить величественные города, подобные западным. К тому же Великая Степь таила в себе колдовское зло, и лишь маги могли противостоять его губительному влиянию на людей.

Шли века. Ахары всё так же пасли скот, перебираясь с одного места на другое. Но кое-что изменилось: у них появились первые городки. Правда на вид эти поселения казались неказистыми, ведь здания возводились из навоза, смешанного с глиной и песком. И то такие жилища могли себе позволить лишь очень зажиточные люди, например, главы кланов. Среди кланов выделялись три самых могущественных: клан Кирыш, клан Арыш и клан Эльш. В главе каждого из них стоял хан. Эта аристократия, заручившись поддержкой самых могущественных магов, смогла подчинить себе все племена ахаров. Были и другие, менее могущественные кланы. Их члены владели не городами, а деревнями, состоящими в основном из круглых степных юрак. Да и то жить в юраке могли себя позволить лишь семьи ханов, возглавляющих какой-либо клан. Бедняки и рабы жили в обычных земляных норах.

К моменту нашего повествования в стране ахаров было всего три города. Самым удачным географическим положением мог похвастаться Амбухат, город, возведённый при слиянии двух рек: Великой Реки и Малой Реки. Амбухат мог бы стать столицей, если бы разрозненные племена ахаров, объединившись, создали государство с централизованной властью. Но бесконечные склоки между кланами и постоянная угроза, исходящая со стороны Великой Степи, существенно мешали формированию страны, например, какого-нибудь могущественного ханства. Тем не менее в этом году главный праздник ахаров решено было отпраздновать именно в Амбухате, что укрепило значение города. Ещё бы! Ведь теперь туда потекли торговые караваны, потянулись ремесленники со всех поселений, чтобы предложить свой товар на ярмарке, проводимой в праздник Харун-Дах. Праздник этот длился семь дней. Смысл его заключался в проводах лета и встрече осени. Лишь в эти праздничные дни смолкал лязг оружия, так как в такое священное время все военные стычки прекращались. Под запрет в течении празднования Харун-Даха попадали и смертная казнь, и публичные наказания провинившихся, и убийства рабов. Даже жертвоприношения не делались в этот праздник. Некоторые высказывались против этого последнего запрета, ведь ненасытная Степь могла отомстить людям, если ей долго никого не приносили в жертву. Тогда даже маги не сдержали бы степное лихо, рвавшееся к человеческим городам и деревням. Они и так еле удерживали защитный купол над территорией, заселённой людьми. Лишь человеческие жертвоприношения облегчали натиск Степи. Не раз провинившихся рабов отправляли при свете дня на незащищённую территорию и приковывали к столбам. Несчастный доживал до темноты, а потом Степь пожирала его. В преданиях говорилось, что степное лихо не сможет поглотить только того человека, у которого огненное сердце, но что

это за сердце такое огненное никто не знал, а люди продолжали гибнуть.

Но только не в праздник Харун-Дах. Ведь в священные дни не должно совершаться ничего злого. Поэтому- то в это время люди разъезжали всюду без оружия. Брать с собой оружие в такой священный праздник считалось кощунством. В эти дни главы кланов собирались в Амбухате, чтобы обсудить насущные проблемы, заключить торговые сделки или военные союзы, выслушать друг друга и своих подданных.

Итак, опалённые зноем, караваны стекались в город. Среди них был и верблюжий караван клана Марэк, идущий из деревни, располагавшейся к востоку от города. Во главе этого второстепенного клана стоял почтенный старец Азарк Марэк. Он прибыл в Амбухат вместе со своими сыновьями. Младший из них впервые был в городе, и потому его раскосые глаза с удивлением разглядывали окружающую обстановку. Юноша ещё ничего не знал, о том, что уготовила ему судьба и какой путь лежит перед ним.

Глава 1. В городе

— Хизар, мальчик мой! — услышал я голос отца. — Не отставай! А то чего доброго заплутаешь в городе, где тебя потом искать?

— Да он ошарашен величием Амбухата! — засмеялся мой старший брат Амбек. — Смотри, отец, как Хизар выпучил свои глаза! Эй, Хизар! Будешь так таращить глаза, они станут у тебя такими же огромными, как у бледнокожих рабов!

Взрыв хохота не позволил мне ответить. Верблюды, которого я вёл под уздцы, шарахнулся, недовольный поднятым гамом, я насилу его удержал.

— Да у Хизара и верблюд пугливый, как девица! — продолжал потешаться надо мной Амбек. Я сжал от злости кулаки и почувствовал, как изнутри рвётся ярость.

— Уймись, Амбек! — резко одёрнул шутника отец. — Не забывай, какие сейчас священные дни.

Брат тут же замолчал и насупился, не довольный тем, что отец сделал ему замечания прилюдно.

Караван наш продолжил путь к центру города. Что сказать? Амбек прав. Я и в самом деле был ошарашен величию этих стен. Это не наша юрака, покрытая войлоком. Здесь встречались даже двухэтажные дома! Подумать только! Я слышал от странников, что на Западе есть совсем огромные города, даже больше Амбухата. Вот там-то и встречаются многоэтажные здания. Ну а для меня и два этажа казались уже за пределом реальности. И как богатеи не страшатся ночевать на такой высоте? А вдруг дом рухнет? Он же всё-таки из навоза. Правда, говорят, что при возведении стен в навоз добавляют глину, придающую конструкции прочность. Но всё равно заходить в такое строение как-то боязно.

Верблюды медленно проходили по многолюдным улицам, полным торговых лавок. Я уловил вонь рыбы, доносившийся со стороны, где, как сказал отец, находилась главная площадь. Там у нашего клана есть несколько лавок, в которых слуги ожидали нашего прибытия, чтобы разложить товар. Наши верблюды, навьюченные тюками, прекрасно справились со своей задачей: дотащили до города мешки с посудой, изготовленной из рогов антилоп, связки выделанных шкур и бочки с вином из январского винограда. Всё это надлежало нам продать. Выручка обещала быть недурной. Правда предстояло заплатить за торговое место главам кланов Кирьш, Арьш и Эльш. Отец всегда хмурился, когда говорил об этом.

Мы продолжали двигаться к площади. Вонь усиливалась. Я никогда не видел ни Великую Реку, ни Малую. В нашей деревне воду приходилось добывать из земли. А тут сразу две реки! И воду добывать не надо, и рыбалка процветает. Вот почему тут столько торговцев рыбой. За свою жизнь я только несколько раз ел рыбу, уж больно дорогое это удовольствие для представителей нашего клана. Но, если честно, рыба мне не понравилась, поэтому я особо и не расстраивался по этому поводу. Тем более от этой воницы тошнота подкатывала к горлу.

Наконец мы приблизились к нашему торговому месту. Слуги тут же подбежали к нам и, поприветствовав, приступили к разгрузке. Я осмотрелся. Вокруг было полно людей. Простолюдины, завидев наши синие одеяния, низко кланялись. Я с гордостью поправил свой хатыль, подтянул туже пояс. Мне льстило такое раболепство бедняков. Всё-таки клан Марэк уважают. Но тут на меня бросил презрительный взгляд проходивший мимо мужчина. Он был

облачён в хатыль ярко-красного цвета, что говорило о его принадлежности к одному из могущественных кланов. Я быстро поклонился ему, боясь выказать непочтение. Отец и братья сделали тоже самое. Мужчина в красном хатыле лишь усмехнулся и тут же отвернулся от нас, как от челяди. Досада занозой вьелась в моё сердце. Но новое впечатление заставило забыть об этом, так как я увидел довольно жестокое зрелище. По площади, еле переплетая ноги, шла полуобнажённая бледнокожая женщина. Вся в пыли и грязи, она на ощупь продвигалась между людьми, щуря опухшие глаза. Её включенные волосы напоминали заросли степной травы, они так же пучками торчали из головы, как и эта трава торчит из иссушенной почвы.

— Подайте на пропитание, — пищала женщина, вытянув вперёд руку. Но окружающие только отворачивались. Нищенка поравнялась с нами. Она невидящими глазами силилась различить хоть что-то. Слёзы текли по её запылённым щекам.

— Что у тебя с глазами? — громко спросил я, силясь перекричать гомон толпы.

Женщина пошла в мою сторону. Она продолжала держать перед собой худую костлявую руку.

— Что случилось с твоими глазами? — переспросил я, когда несчастная подошла ближе.

— Это всё Степь, господин, — ответила женщина. — Хозяева послали меня в Степь собирать плоды орика. Меня настигла песчаная буря.

— Что же хозяева отправили тебя за пределы купола?! — поразился я.

— Да, господин, — подтвердила женщина мою догадку.

— Но это же верная смерть! — удивился я. — Что же твои хозяева так не дорожат своими рабами?

— У хозяев много рабов, господин, — ответила слепая нищенка, — если умрёт одна бедная рабыня, ущерб им не будет.

— Как же тебе удалось выжить? — вмешался в разговор Амбек.

Женщина, услышав другой голос, повернула голову в сторону моего брата и ответила:

— Песок взмыл вверх, движимой силой Степи. Песчинки впивались в мои глаза и кожу. Степное лихо знает свою работу. В порывах ветра я слышала жуткий замогильный хохот. Кровь капала из моих глаз, а боль была нестерпимой. И вот, когда я подумала, что мне конец, я провалилась в один из кратеров, на дне которого царило полное спокойствие.

— В кратерах живут цэрэги, — с сомнением покачал головой отец, решивший тоже присоединиться к беседе, — они сжирают всякого, кто свалится в такой кратер. От тебя бы и мокрого места не осталось. Цэрэги сжирают даже окровавленный песок.

— Господин, — возразила нищая, — ты видишь меня перед собою. Я жива, ибо в том кратере не было ни одного цэрэга. К тому же кратер оказался неглубокий, и когда буря стихла, я выбралась из него и на ощупь поползла в сторону города. Меня подобрали торговцы уже в том месте, где начинается купол. Они отвезли меня к моим хозяевам, но те заявили, что ослепшая рабыня им ни к чему. Меня выкинули на улицу, как собаку. И с тех пор я живу подаянием.

Я нахмурился. Вид этой несчастной пробудил во мне жалость. Вот для чего надо было посылать её в Степь? Я отстегнул от своего пояса мешочек с деньгами и, вынув несколько монет, вложил в тощую ладонь нищенки. Она, ощутив металл в своих руках, низко поклонилась мне, глотая слёзы. Потом женщина развернулась и побрела в другую сторону в надежде, что и там ей повезёт. Я знал, что она так долго не проживёт.

Вдруг одна мысль пронзила мой разум.

— Отец! — воскликнул я. — Давай возьмём эту рабыню себе! Пусть возится в нашей юраке: чистит ковры, посуду, поёт песни детям. С этим справится и слепая.

— Да ты что, сынок! — возразил отец. — Мы еле сводим концы с концами! А ты собираешься взять на содержание ещё одну рабыню, да к тому же увечную? Ты и так её осчастливил, одарив деньгами. Тем более она бледнокожей расы, а такие люди очень слабы, они не выносят жизни в Степи.

— Но она выжила за куполом! — начал спорить я.

— Это случайность, — ответил мне отец.

— Может она вообще шарлатанка, — вмешался Ларут, второй мой брат, — её быть может лишили зрения за какое-нибудь преступление, а она ходит и рассказывает жалостливую историю про жестоких хозяев.

— Тут ты не прав, Ларут, — произнёс отец, — глаза её и в самом деле выглядят так, как будто пострадали от песка. Видишь ли бледнокожие совершенно не приспособлены к жизни в нашей стране. Вот у нас глаза правильные, узкие, защищённые от песка. А у этих лупоглазых постоянно проблемы со зрением. И зачем нам только завозят таких рабов? Они мрут здесь, как мухи.

— Мне жаль её, отец, — уныло проговорил я, — к чему такая беспричинная жестокость? Даже рабы являются людьми.

— Ты слишком юн, Хизар, — отец похлопал меня по плечу, — жизнь жестока. Тебе придётся привыкнуть к этому.

— Я уже и так знаю, что жизнь жестока, — насупился я, — и жестокой её делают сами люди! Посмотри, как кланы враждуют между собой! Сердце болит при известиях о новых столкновениях. Вместо того, чтобы укреплять наш народ, мы режем друг друга из-за клочков бесплодной земли!

— Хизар, Хизар, — вздохнул отец и снисходительно улыбнулся, — у тебя прямо какое-то огненное сердце. Оно пламенеет при виде несправедливости, да? Меня и самого многое не устраивает.

— Но что можно сделать? — буркнул Ларут.

— Да ничего, — отозвался Амбек, — можно только благодарить судьбу, что мы родились не рабами.

— Ну кое-что сделать всё-таки можно. И я это сделаю, — заявил отец.

— И что ты сделаешь? — хмыкнул Амбек.

— Поговорю на собрании с главами кланов, — поделился планами отец, — я давно собирался это сделать, сказать им, что необходимо объединяться, а не резать друг друга. Хизар прав, люди сами делают жизнь невыносимой. Даже Степь не причиняет нам столько зла, сколько эти бесчисленные стычки.

После того, как весь наш товар занял надлежащее ему место, мы отправились в странноприимный дом. Я слышал, что такие дома на Западе встречаются повсеместно. Любой странник может найти ночлег в таком доме за умеренную плату. На нашем же Востоке только в городе Амбухат имелось такое здание. И оно впечатлило меня своими размерами. Это был длинный двухэтажный дом, сооружённый упомянутым мною способом. Рядом располагались стойла для верблюдов и лошадей. Многочисленная прислуга то и дело сновала по двору и заходила в здание. Как объяснил мне отец, на верхнем этаже находились гостевые комнаты для посетителей города, принадлежащих к высшим кланам.

Нам же, членам клана не столь именитого, надлежало занять первый этаж, чему я порадовался, так как побаивался высоты. Да и вообще всё для меня было таким непривычным, что я чувствовал себя неуютно. И то сказать, мне исполнилось недавно двадцать лет, а я только первый раз в жизни приехал в Амбухат. Я вообще до этого не был ни в одном из городов. Жизнь моя — это жизнь кочевника и воина. Наш род весьма беден, хотя мой отец хан и глава клана Марэк. Тем не менее наши средства не позволяли нам содержать много прислуги. Скот пасли сами, сами же защищали его от разбойнических нападений представителей других мелких кланов. С малых лет я познал страх смерти, радость победы и горечь поражений. Сейчас мне очень неуютно было без моего меча и лука со стрелами. Но традиции празднования Харун-Даха воспрещали касаться оружия в праздничные дни. Отец и братья посмеивались надо мной, видя мою неуверенность, они заверяли, что оружие нам не понадобится: никто и никогда не нарушит священных запретов. И всё-таки я постоянно ощущал свой пояс, на котором обычно висели ножны, и не находя их, нервничал.

День клонился к закату, а мы только разместились в странноприимном доме. Отец предложил пойти посмотреть город и это предложение всем понравилось. С наступлением сумерек узкие улочки осветились сотнями факелов, прикрепленных к стенам домов. Создавалось впечатление, что я не в городе, а на самом деле попал на небо, усеянное звёздами. Как в волшебном сне, оживали улицы: горожане днём прятались от зноя, а теперь решили выйти из душных помещений. Кого тут только не было! И весёлые молодые люди, спешащие в таверну за увеселениями, и красавицы, разодетые в нескромные одежды и зазывающие путников в укромные местечки, и уличные артисты, выделывающие трюки на потеху публики. Весь этот шум и гам, мерцание факелов, мелькание ярких одеяний впечатлили мой разум. С одной стороны, мне было интересно увидеть иную жизнь, жизнь, отличающуюся от жизни в деревне. С другой стороны, я очень быстро устал от всего этого и пожалел, что не остался в странноприимном доме.

Однако одно зрелище всё-таки стоило того, чтобы окунуться в беспокойную ночную жизнь Амбухата. Это выход магов на свой боевой пост и их работа. Каждую ночь Степь оживает. Из её недр поднимается к поверхности земли лихо в виде живого огня. Говорят, что огонь этот разумен, он жжёт лишь тех, кого посчитает нужным. Если это так, то огонь считает нужным сжигать всех подряд, потому что ещё никому не удавалось от него спастись. Только высшие маги не пускают лихо в человеческие поселения. На площади собрались люди. Они кричали и призывали магов выйти из большого круглого здания, чем-то напоминавшего арену для поединков. И вот двери здания распахнулись и на пороге показались люди. Они были одеты иначе, чем все остальные ахары. На них не было наших традиционных халатов, которые мы называем хатыль. Вместо хатылей люди эти облачились в железные доспехи. Я о таких слышал только от странников, которые часто гостили в нашей юраке. Всегда думал, что железное одеяние — это выдумка бродяг. Но тут я собственными глазами лицезрел это чудо. В недоумении рассуждал я о том, сколько же весит такая броня? И как ходить в ней, как сражаться? Потом я обратил внимание на то, что маги несмотря на молодость были абсолютно седые. Их серебристые волосы ниспадали на сверкающее в свете факелов железо.

— Видишь, как седина украшает голову молодых мужчин? — прошептал мне на ухо Амбек.

Я кивнул.

— Это всё потому, что ремесло магов отнимает у них много сил и годы жизни, —

продолжил объяснять брат. — Они каждую ночь создают купол вокруг города и деревень. Нашу деревню тоже защищают. Смотри!

Я глядел во все глаза. Маги, не обращая внимания на приветствующую их толпу, стали подниматься по лестницам, что крепились с наружной стороны здания, из которого они вышли. Поднявшись на крышу круглого дома, они рассредоточились в строгом порядке. Потом маги воздели руки к небу и, напрягая волю, начали прямо на глазах присутствующих создавать защитный купол. Из рук каждого волшебника резко вырвались светящиеся струи. У одного такая струя оказалась красного цвета, у другого зелёного, у третьего — синего, у четвёртого — жёлтого. Маги, что-то громко крича на непонятном языке, объединили цветные потоки энергии. Когда разноцветные струи соединились в одно целое, цвета пропали, а сами они превратились в огромное полупрозрачное полотно. Маги резко дёрнули руками, и полотно это взвилось в воздух, начало разрастаться, а затем накрыло бесконечно огромным куполом Амбухат и огромную территорию вокруг него. Теперь степное лихо не подкрадётся к людям, останется завывать за прозрачной стеной, не пускающей его ни в деревни, ни в город. Но на этом работа магов не закончена. Они будут всю ночь напрягать все свои силы, чтобы удерживать эту защиту. Первые лучи солнца расплавят купол, но уйдёт в земные недра и лихо. Днём можно жить без защиты. Но не всегда. Бывает так, что Степь приходит в ярость даже в светлое время суток. Она поднимает песчаные бури и иные бедствия. В этих случаях маги, находящиеся на боевом дежурстве срочно выбегают на крышу круглого дома и создают защитный купол. Если этого не сделать, людей постигнет страшная смерть. Степь способна выпустить в мир самых жутких чудовищ. Нужны невероятные силы для того, чтобы сдерживать алчность и жажду Степи, поэтому маги не живут долго. Они расходуют жизненную энергию и рано угасают. Их постоянно приходится заменять новыми волшебниками. Зато все их родственники получают щедрые дары, способные обеспечить безбедное существование до конца дней.

Мы постояли ещё немного на площади, а потом вернулись в странноприимный дом. Эту ночь я спал очень крепко.

Глава 2. Спор

Все последующие дни я и моя семья посвятили торговле. Выручка оказалась неплохой, даже если учитывать то, что определённую часть мы должны были отдать главам привилегированных кланов. Отец был доволен. Он приказал слугам собираться в обратный путь. Надо успеть добраться до дома прежде, чем закончится праздник Харун-Дах, ведь с окончанием праздничных дней дороги вновь станут небезопасными. Тем более возвращаться нам предстояло с выручкой. А путь неблизкий, сутки мы проведём, сидя на верблюдах, останавливаясь лишь на привалах.

За два дня до окончания священных дней в круглом доме, из которого с наступлением темноты выходят маги, состоялось собрание кланов. Отец решил взять меня с собой, потому что мне ни разу ещё не доводилось участвовать в подобном событии. Братья мои тоже пошли.

С самого утра мы толпились на площади, ожидая своей очереди войти в круглый дом. Солнце палило нещадно. Воды поблизости не было. Я уже начал раздражаться из-за долгого ожидания, но наконец на собрание пригласили и нас. Стражников при входе в здание не было. Ларут сказал мне, что это из-за праздника. В эти дни стража не нужна, ведь никому не придёт в голову напасть на кого бы то ни было. Главы кланов совершенно не опасались никаких врагов, которые, как и все, обязаны соблюдать традиции.

Мы вошли через распахнутую дверь. Сперва мои глаза различали только факелы на стенах да какие-то яркие пятна в полумраке. Потом я приспособился к тусклому освещению и кое-что начал различать.

— Поклонись уважаемым ханам, — шепнул мне отец.

Я и правда забыл про этикет. Глазая на стены, исписанные различными изречениями, я не сразу вспомнил, где нахожусь. После замечания отца я огляделся и увидел перед собой трёх человек, восседавших на тронах. Все они были облачены в яркие хатыли цветов, свойственных одежде членов высших кланов. Я тут же поклонился восседавшим на тронах мужам.

— Приветствуем тебя, достопочтенный хан Азарк Марэк, глава клана Марэк, — размеренно произнёс лысый мужчина с длинными чёрными усами. Он облачён был в малиновый хатыль, украшенный звёздами, вышитыми золотыми нитями.

Отец поклонился и ответил:

— И тебя, о, великий хан Лин, глава клана Арыш, приветствую я с сыновьями моими.

Тут другой хан, так же восседавший на троне, проговорил слащавым голосом:

— Брильянтовый наш Азарк, я вижу ты в этот раз привёл и своего младшего сына.

— Это правда, великий хан Амба, глава клана Кирыш, — поклонился ему отец.

Амба поднял своё грузное тело, облачённое в ярко-красный хатыль, и начал приближаться ко мне. Я успел разглядеть вышитые золотом виноградные лозы на его роскошном одеянии. На секунду я устыдился своего простенького синего хатыля, не имеющего подобных украшений. Отец ткнул меня в спину, так как я опять забыл о манерах. Я низко поклонился. Амба снисходительно улыбнулся, его раскосые чёрные глаза, казалось, тоже засмеялись.

— Славный юноша, — произнёс Амба, и поправил свои чёрные волосы, заплетённые в множественные косички.

— Представься же, молодой человек, — просипел со своего трона третий хан. Он был убелён сединой, а тело его выглядело весьма тщедушно. Если бы не бардовый хатыль, украшенный золотыми змеями, я бы ни за что не подумал, что он хан. Все выжидательно смотрели на меня. Я кашлянул, чтобы прочистить иссушённое жарой горло, и выпалил:

— Я, Хизар Марэк, сын хана Азарка Марэка, главы клана Марэк!

Амба и Лин благосклонно рассмеялись. Отец и братья улыбнулись. Старик с сиплым голосом, казалось, остался равнодушен к моему приветствию, но из вежливости ответил:

— Я, великий хан Эгги Эльш, глава клана Эльш, приветствую тебя, Хизар Марэк.

Я ещё раз почтительно поклонился, а Амба сделал приглашающий жест, чтобы мы заняли подходящие нам места. Я огляделся и увидел, что вдоль стен лежат роскошные ковры, каждый из них предназначался для одного человека. Отец занял место справа от хана Амбы. Рядом с отцом расположились и братья, ну а я тоже занял ковёр возле Ларута.

— Теперь мы можем позвать и представителей клана Обэк, — заявил Лин Арыш и подал знак слуге.

Я заметил, что вдоль противоположной стены тоже лежали ковры, они пустовали, ожидая посетителей. Вскоре в помещение вошли люди, облачённые в зелёные хатыли. Все они, разумеется, были без оружия. Это клан Обэк. Он. Так же как и наш клан, не является привилегированным. Люди эти владеют деревнями к северу от Амбухата. Периодически у нас с ними случались стычки, когда во время засухи стада наши преодолевали большие расстояния в поисках воды и забредали на их территорию.

Все они поочерёдно представились великим ханам, которые в свою очередь ещё раз назвали свои имена и напомнили о своём высоком статусе. Наконец, Амба произнёс:

— Брильянтовые мои! Прежде всего хочу поздравить вас с праздником Харун-Дах, а так же с хорошей выручкой, что принесла вам торговля! Сегодня мы с раннего утра принимаем посетителей, выслушиваем представителей разных кланов. Вы знаете, что это добрая традиция помогает нашим племенам поддерживать взаимосвязь друг с другом. Мы готовы выслушать и вас, представители кланов Марэк и Обэк. Есть ли у вас какие-либо просьбы или прошения к нам, великим ханам?

Все почтительно молчали, восседавая на своих коврах, скрестив ноги. Такой паузы тоже требовал этикет.

Наконец мой отец встал, снова поклонился восседавшим на тронах Лину, Амбе и Эгги. Потом он поприветствовал членов клана Обэк и начал свою речь:

— Господа, в эти священные для каждого ахара дни, я намерен затронуть очень важную тему. Многоуважаемый Амба Кирыш верно заметил, что собрания кланов помогают нашим племенам наладить связи друг с другом. А это, хочу вам сказать, в наше время самое главное.

Все внимательно слушали отца.

— И вот что я хочу вам сказать ещё, — продолжал отец. — Не настало ли время для перемен?

— Перемен? — переспросил Лин Арыш, вытирая платком пот со своей лысой головы.

— Да, великий хан Лин, — кивнул головой отец. — Все ахары страдают нынче от междоусобиц, терзающих нашу землю. Как только дни празднования Харун-Даха истекут, вновь начнутся кровавые стычки по всей обитаемой Степи. Как бы нам не перебить друг друга. Жизнь и так сурова, а тут мы ещё друг друга убиваем. Все говорят, что Степь убивает. Да! Степь, конечно, собирает свой кровавый урожай, это верно. Но куда более жестоко поступает мы со своими же соплеменниками.

Отец сделал многозначительную паузу, которой тут же воспользовался хан Эгги Эльш.

— И что ты предлагаешь нам, хан Азарк? — спросил он сиплым голосом, разглаживая свою седую бороду.

— Я предлагаю начать объединение всех племён в один народ, — ответил отец.

— Объединение? — приподняв чёрную бровь, переспросил Лин Арыш.

— Да, великий хан Лин, — продолжил отец. — Для ахаров чрезвычайно важно создать свою империю, сильную и неуязвимую. Быть может, создав её, мы сможем одолеть и Степь.

— Брильянтовый мой Азарк, — хохотнул великий хан Амба, сотрясая свой двойной подбородок и толстые щёки, — как же возможно победить Степь? Разве не ведаешь ты, насколько она сильна и коварна?

— Всё это так, хан Амба, — согласился отец, — но я верю, что сильному народу станет возможно укротить и Степь.

Отец замолчал, а по помещению прокатился шёпот: члены клана Обэк обсуждали услышанное. После наступила пауза и все выжидательно смотрели на великих ханов.

— Ну что ж, — вздохнул Амба, — предложение твоё, хан Азарк, интересное, но мало выполнимое. Трудно будет объединить столько людей.

Тут я нетерпеливо заёрзал на своём ковре, ведь я был уверен, что разумное предложение моего отца все примут с воодушевлением, а тут получалось, что оно не вызвало особого восторга у великих ханов.

— И потом, брильянтовый наш Азарк, — продолжил Амба задумчивым голосом, — с чего ты взял, что, объединившись, наш народ станет сильнее?

Тут я не выдержал и, вскочив со своего места, подбежал к стоящему в центре комнаты отцу и выкрикнул:

— Великие ханы! Уверяю вас, что объединение откроет перед нашим народом новые возможности!

Отец что-то зашипел мне в ухо и начал дёргать за рукав. По перекошенным лицам Амбека и Ларута я понял, что опять проявил неучтивость, не спросив дозволения у старших высказаться.

— Простите моего сына, — виновато пробубнил отец, — он молод и горяч.

— Очень горяч! Горяч, как огонь! — расхохотался Амба, и его многочисленные косички, сотрясаясь, заёрзали по вороту красного хатыля.

— Пусть выскажется, — равнодушно просипел хан Эгги, разглядывая золотых змей на своём бардовом одеянии.

— Пусть скажет, что думает, — дал своё одобрение и хан Лин, продолжая вытирать лысую голову.

— Я много раз разговаривал со странниками, — начал я, — и они рассказывали мне о западных государствах. Люди Запада давно объединились в королевства и царства. В каждой стране есть один главный правитель, который пресекает все попытки развязать междоусобную войну. Государства те крепнут и наращивают свою мощь. Между ними порой случаются войны, но каждая страна имеет шансы победить врага с помощью сильной армии. Более того, западные правители поощряют накопление знаний об окружающем мире. Поговаривают, что на Западе люди покорили некоторые стихии. Например, они создали такие суда, что могут переплывать на них моря...

— Вздор! — выкрикнул вдруг человек в зелёном хатыле. — Как можно покорить море? Разве не слышали вы, как свирепствует большая вода во время шторма?

Все посмотрели на говорившего. Это был хан Омис Обэк, глава клана Обэк. Его невероятно узкие глаза, казалось, вот-вот начнут метать искры.

— Достопочтенный хан Омис, я говорю то, что слышал от странников, — не растерялся я.

— Как можно верить розказням бродяг? — выпалил Омис. — Эти лентяи не собирают виноград, не охотятся, не пасут скот, а только бесцельно шляются по земле, пока Степь не пожрёт их!

— Странники вовсе не лентяи, — возразил я, — они собирают важные сведения, которые могут оказаться полезными для...

— Как ты смеешь спорить со мной, щенок! — прокричал Омис. Я видел, как напряглись его мускулы, они буграми задвигались под шёлковой тканью зелёного хатыля.

— Брильянтовые мои! Давайте не будем ругаться в эти священные дни, — призвал к миру Амба. — В конце концов каждый на собрании может высказать свою идею, пусть и бредовую.

Эти слова меня здорово разозлили.

— Великий хан Амба! — воскликнул я. — Я слышал о вашей мудрости и теперь удивлён её отсутствию в ваших словах!

Лицо Амбы исказилось злобой, но он быстро взял себя в руки и растянул толстые губы в слащавой улыбке.

— Брильянтовый мой, послушай же мои слова и, быть может, твоё огненное сердце остынет, предоставив возможность царствовать разуму, — примирительно произнёс он и, оглядев всех присутствующих, продолжил, — власть одного человека вредна для ахаров. Представьте, сколько крови будет проливаться за трон. Не все ли западные правители опасаются заговоров? Не спят ли они плохо, подозревая подданных в измене? Уверяю вас, что междоусобицы между нашими кланами не идут ни в какое сравнение с дворцовыми интригами и переворотами, поглощающими страны Запада. Мы на Востоке, здесь не подходят принципы правления, принятые в иных государствах.

— Да у нас и государства-то своего нет! — вставил я, за что тут же получил от отца подзатыльник.

— Нет у нас государства, это верно, — улыбнулся Амба, — а нужно ли оно нам? Подумайте над этим. Разве плохо нам живётся? Это челядь наша режет друг друга, но на то она и челядь, что с них взять? Будет гораздо хуже, если между ханами начнётся война за престол. Тут уж точно до истребления ахаров не далеко. Разве я не прав?

Раздались голоса, уверяющие Амбу в правоте его слов. Лишь мой отец и я молчали. Я чувствовал, что отец разочарован не меньше моего, но сдерживает своё негодование.

Собрание то кончилось для нас насмешливыми взглядами со стороны представителей клана Обэк и язвительными шуточками, которые отпускали в наш адрес великие ханы. Лишь один юноша, облачённый в зелёный хатыль, внимательно вглядывался в моё лицо и лицо отца моего. Он, казалось, не испытывал к нам враждебных чувств и даже улыбнулся мне, когда я на него посмотрел.

Наш клан покидал шумный Амбухат в удручённом настроении. Да, выручка оказалась большой, да, мы повидали город с его удивительными развлечениями. Один выход магов чего стоил. Но то, как приняли нас великие ханы, то, что они высмеяли наше предложение, злило и уязвляло нашу гордость. К тому же братья начали меня обвинять, заявляя, что я своим глупым поведением опозорил семью.

— Кто просил тебя встречать, когда старшие говорят? — негодовал Амбек.

— Теперь из-за тебя о нашем клане поползут невесть какие слухи, — процедил Ларут.

Слуги тоже глядели на меня исподлобья, но тут же прятали глаза, когда я смотрел на них. Только отец ехал молча на своём верблюде, а на привалах курил трубку, по-прежнему не произнося ни слова. Я же стыдился к нему подходить.

Степь продолжала иссушать зноем. Ехать становилось тяжело, но мы торопились: нагруженные деньгами и приобретёнными в городе ценными вещами, мы должны были успеть добраться до родной деревни прежде, чем закончится праздник Харун-Дах. До его окончания оставались сутки. Однако на ночь следовало всё-таки остановиться, ведь и люди, и животные нуждались в отдыхе.

Стемнело. Мы успели расположиться между двумя невысокими холмами. Разожгли небольшой костерок, так как в этой части Степи встречались кустарники эрикса. Его сухие стволы отлично подходили для розжига костра. Это было очень кстати, так как в Степи дневной зной сменялся ночным холодом. Кроме того листья эрикса любили жевать верблюды. Их солоноватый сок нравился животным. Мы разнуздали верблюдов, а сами принялись готовить на костре тынчу. Эта каша из карликового проса является чуть ли не единственной пищей бедняков.

— Зачем мы опять едим тынчу? — спросил Амбек у отца. — Разве не везём мы домой многочисленные сладости и иную, более богатую пищу? Неужели опять довольствоваться кашей?

— Да, сын мой, — ответил степенно отец, — будем в пути есть тынчу, ибо рано расслабляться. Не известно, что уготовано нам судьбой. Вот когда будем дома, тогда и закатим пир в честь нашего благополучного возвращения. Там тебе будет и лония из верблюжатины, и ламар, и вино из январского винограда. А сейчас мы ещё в пути. Не время праздновать. Надо быть на чеку.

— Да что может произойти, отец? — усмехнулся Амбек. — Священные дни ещё не закончены, на нас никто не нападёт. А маги, ты сам видел, самоотверженно трудятся, создавая каждую ночь купол над нашими землями, так что и степное лихо сюда не проникнет.

Пока он говорил это, я прислушивался, потому что мне показалось, что сквозь заросли эрикса кто-то крадётся. Может, шакалы? Они могли учуять человека и подойти ближе, надеясь поживиться объедками. Но вскоре я понял, что это не шакалы: слишком тяжёлая поступь, больше похоже на человека.

— Тише! — призвал я всех к молчанию.

— В чём дело, Хизар? — удивился Ларут.

Я поднял руку, все напряглись. По лицам родных я понял, что и они теперь слышать шорох.

— Эй! Там, в темноте! — крикнул отец. — Если ты странник, подойди к нашему костру и мы накормим тебя. Если же ты разбойник, то уходи, ибо время твоё ещё не настало. Только завтра истекают дни Харун-Даха!

Шорох на несколько мгновений стих. Видимо, человек раздумывал, как ему быть. Потом всё-таки он решил выйти к нам. Мы так и ахнули, увидев перед собой знакомого. Это был тот самый парень из клана Обэк, который не смеялся над нами.

— Мак Обэк? — удивился отец. — Что ты здесь делаешь и почему крадёшься, как вор?

Мак, нервно теребя свой зелёный хатыль, ответил, боязливо озираясь по сторонам:

— Вам надо срочно потушить костёр и уходить! — выпалил он. — Я мчался за вами от самого Амбухата, мой верблюд остался за этим холмом. Вас хотят убить!

— Что ты говоришь, юноша? — поразился таким известием отец.

— Послушайте, когда вы уехали, великие ханы и члены моего клана начали обсуждать ваше предложение по поводу объединения. Они посчитали это опасной идеей. Амба Кирыш так и сказал: «Если наш брильянтовый Азарк Марэк будет и дальше распространять свою идею, то это окажется весьма опасным для нашей власти».

— Опасно для их власти?! — вскричал Амбек. — Конечно, им выгодно, чтобы народ был разделён, так же легче управлять людьми!

— Но дорогой Мак, как же они осмелятся напасть на нас в священные дни? — недоумевал отец.

— Достопочтенный хан Азарк, — ответил юноша, — да будет вам известно, что хан Амба, хан Лин и хан Эгги давно уже не чтут наших обычаев. Знали бы вы, сколько они нарушают законов! — ответил Мак.

— И что же они сами явятся в Степь, чтобы прикончить нас? — не поверил в возможность нападения Ларут.

— Не сами, но мои родственники. Мой клан Обэк давно прислуживает великим ханам. Дядя мой, Омис Обэк, хочет выслужиться перед ними, дабы получить титул великого хана и право построить свой город. Но не время сейчас говорить об этом! Срочно собирайтесь в путь! По пятам за вами гонятся головорезы! Они плюют на обычаи, когда слышат обещание щедрой награды.

— А может ты заманиваешь нас в какую-то ловушку? — недоверчиво прищурился Амбек. — С чего тебе помогать нам? Тем более кланы наши частенько враждуют из-за пастбищ.

— Твой отец, Азарк Марэк, когда-то спас меня и мою мать, — ответил Мак и посмотрел на отца.

— Это правда, — подтвердил отец, — когда Мак был ещё мал, а его мать совсем молода, на их стан напали разбойники. Мы пасли недалеко свои стада и узнали о нападении. Поспешили на помощь, ввязались в драку и отбили у негодеев пленных. Ведь разбойники эти собирались продать Мака и его мать в рабство.

— Отец мой тогда погиб, защищая нас, — добавил Мак. — Я благодарен вам, достопочтенный Азарк за спасение и теперь хочу ответить тем же. Поспешим же!

Мы начали спешно собираться. Загушили костёр. Я не верил в происходящее. Как так? Как великие ханы, те, кто должен являться примером для народа, могли так подло поступить? Как могли нарушить священные дни? К сожалению, вскоре мне пришлось убедиться в правдивости слов Мака.

Неизвестные напали на нас, как только мы тронулись в путь. С дикими улюлюканьем они выскочили из-за холмов и тут же ринулись на нас, безоружных. Налётчики же были вооружены превосходно. Помимо луков, из которых они тут же принялись стрелять, у них имелись раздвоенные кинжалы. Ахары называют такой клинок «язык змеи», ибо его лезвие раздваивается у рукояти надвое и два получившихся лезвия идут параллельно друг другу. Атакованный человек получает сразу два колющих ранения, что существенно уменьшает его шансы на выживание. Мы не растерялись, схватили ещё не остывшие ветви эрикса. Я видел, как Амбек ткнул такой веткой в подбежавшего к нему врага. Тот взвыл от боли, выронив оружие и закрыв лицо руками. Но тут же стрела пронзила грудь моего старшего брата.

Амбек пошатнулся, протянул руку к отцу, размахивавшему такой же веткой, и свалился на землю. Я с криком бросился на врагов. Увернувшись от «языка змеи», ударил в живот нападавшего. Он согнулся. Я схватил его за голову обеими руками и резким движением свернул шею. Сзади на меня кто-то напрыгнул, я пригнулся и перекинул через себя нападавшего. Ко мне подскочил Мак и размазжил поверженному врагу голову камнем. Однако не успел Мак встать, как один из нападавших подбежал к нему и с размаху отсёк голову мечом. Я отшатнулся, убийца Мака кинулся на меня, но убивать не стал, а резко нанёс удар кулаком в лицо. Не успев отстранить атаку, я получил сильнейший удар в нос, в глазах потемнело. Кто-то ударил меня по затылку, отчего тело моё обмякло и я почувствовал, как падаю. Я ожидал уже смерти, но никто не убивал меня.

— Хизар! Хизар! — слышал я отчаянный вопль отца, но не видел его: пелена перед глазами не позволяла мне как следует всё рассмотреть. Я слышал только лязг оружия и крики. Потом всё стихло, должно быть, я потерял сознание.

Я очнулся, приоткрыл заплывшие глаза и тут же поспешил сомкнуть веки вновь: уж больно солнце слепило своими лучами.

— Очухался? — услышал я грубый и насмешливый голос. — Это хорошо. Я уж думал сдохнешь раньше времени.

Я вновь начал потихоньку приподнимать веки, чтобы разглядеть врага и оценить обстановку. Преодолев боль, с которой свет давил на глаза, я всё-таки разомкнул веки. Огляделся. Вокруг среди тел убитых ходили люди. Они были одеты в серые одеяния, поэтому невозможно было определить, к какому клану они принадлежат. Возможно, это беглые рабы, превратившиеся в наёмников. А может и представители клана Обэк, просто сняли свои зелёные хатыли.

— Щенок очухался, — сказал кто-то.

— Отлично! — отозвался знакомый голос.

Ко мне подошёл какой-то человек и пихнул в плечо. Я поднял глаза.

Передо мной стоял, улыбаясь, Омис, глава клана Обэк, дядя несчастного Мака, погибшего в эту ночь.

Омис наклонился и плюнул мне в лицо.

— Что с моим отцом? — прохрипел я.

Мерзавец рассмеялся и крикнул:

— Эй! Покажите ему, что стало с достопочтенным Азарком Марэком!

Двое неспешным шагом подошли ко мне. Один из них держал большой мешок. Когда он перевернул этот мешок, к моему ужасу из него на землю выпали отрубленные головы. Я узнал искажённое болью и застывшее лицо отца. Стон вырвался из моей груди. Бессильная злоба закипела в груди, словно огонь возжелал вырваться наружу.

— Теперь с кланом Марэк наконец покончено, — хохотнул Омис.

— Почему вы не убили меня? — давясь от ярости и горя, процедил я.

— А для тебя, дорогой Хизар, у нас уготовано кое-что поинтересней, — услышал я ответ. — Тебя мы принесём в жертву Степи. Здесь недалеко заканчивается защитный купол. Мы пересечём Границу Безопасности и отправимся на Гору Подношения. Там ты примешь смерть.

— Сейчас нельзя... — выдавил я, — нельзя кормить Степь во время Харун-Даха...

— Хм, так сегодня последний день праздника. Мы прикуём тебя к столбам, а когда

сядет солнце, праздник уже закончится. Степное лихо выйдет из недр земных и пожрёт тебя огнём.

— Зачем тебе это? — прошептал я.

— Это приказ великих ханов, — ухмыльнулся Омис, — они оценили твою дерзость и посчитали, что таким, как ты и твои родственнички не место в рядах их подчинённых. Мало ли, народ ещё взбаламутите своими бредовыми идеями. Объединения они захотели! Сам подумай, что станет с властью великих ханов, если народ объединится в одно целое? Если ахары захотят избрать себе одного правителя? Нет уж, пусть всё остаётся по-старому. А Степь...она проголодалась. Если её не накормить, то она удвоит свой натиск, и тогда магам трудно будет поддерживать защитный купол.

Омис отошёл от меня, предварительно пнув ногой в живот. Я скривился, дёрнул связанными за спиной отёкшими руками. Но что я мог поделать? Мне оставалось только готовиться к смерти, к самой страшной смерти, которая только может быть.

Глава 3. Жертвоприношение

Безжалостная Степь... Днём летнее солнце поражает своими лучами не готовых к такому испытанию путников. Но ночью здесь выжить практически не возможно. Степное лихо может принимать различные обличья: то это поднимающийся из недр земли огонь, то чудовищные ящеры цэрэги, то кровожадные тушканы... ликов у смерти здесь много. Но хуже всего то, что Степь не удовлетворяется теми просторами, коими владеет. Ей надо ещё земель! Поэтому степное лихо непрестанно пытается прорваться к людям. О! Сколько было бы жертв, если бы это случилось! Хорошо, что ахары не так беспомощны перед лицом опасности. От предкам нам достались тайные знания. Конечно, простому народу они не доступны и ими владеют лишь единицы. Мы зовём их магами. В каждом роду, в каждом клане может родиться подобный человек. Старейшины, те, кто обучают магов, раз в год выбирают себе учеников из числа юношей, достигших совершеннолетия. Самое главное условие — человек должен по доброй воле выбрать это служение. И это весьма важно, ведь маги долго не живут. Их жизненная энергия иссякает за несколько лет, и они умирают. Но зато как они живут! Дни их протекают в роскошном Круглом доме, где они тешат свою плоть различными увеселениями. Великие ханы исполняют любой их каприз, ведь только эти люди способны каждую ночь создавать над городами и деревнями защитный купол, через который не может проникнуть степное лихо.

К тому же члены семьи мага получают большое жалование, ведь и они жертвуют своим родственником, отдавая его на служение народу. Они знают, что маг проживёт не долго на этой земле. День, когда его душа отправляется в неземное путешествие, наступает довольно быстро.

К сожалению, и этой жертвы не достаточно. Великие ханы однажды предложили кормить Степь, чтобы она не так свирепствовала от голода. Теперь ахары еженедельно приносят жертву степному лиху. Границу, где ночью проходят края купола, мы называем Границей Безопасности. Те земли, что за ней, опасны даже днём, ведь в степи случаются внезапные песчаные бури. К тому же по неосторожности можно свалиться в один из кратеров, на дне которого несчастного ждёт ужасная смерть от клыков и когтей цэрэга.

Уже много лет у нас приносят жертву Степи. Для этого люди рискуют пересечь Границу Безопасности и углубиться во враждебную территорию. Правда пройти надо совсем чуть-чуть, чтобы попасть в место, называемое Жертвенником. Процессия людей приводит туда раба или провинившегося слугу, или преступника, приговорённого к смерти. Но, поверьте, такому человеку было бы лучше, если бы его повесили на центральной площади. Страдальца кладут на живот, а руки и ноги приковывают к четырём столбам. Так как Жертвенник находится недалеко от границы ночного купола, особо кровожадные люди могут при желании наблюдать за смертью приговорённого. Для этого надо при наступлении темноты подойти к Границе Безопасности. Купол прозрачный и потому всё, что происходит за ним, прекрасно видно, а главное слышно.

Мой отец наблюдал однажды за смертью убийцы моей матери. Это был представитель клана Обэк. Такой же мерзавец, что и хан Омис Обэк, предводитель этого сброда презренных шакалов. Отец потом рассказывал, что смерть врага была поистине ужасной. Его рвали на части ночные монстры, а предсмертные крики негодяя ещё долго звучали в ушах моего родителя. Теперь же смерть от степного лиха предстояло принять и мне.

Меня тащили в сторону Границы Безопасности. Ноги мои еле двигались, и поэтому два человека придерживали меня под руки. Запястья ныли от боли, причиняемой верёвками, но эта боль была слабой по сравнению с болью головной. По шее за воротник стекала тонкой струйкой чуть липкая жидкость, а мой некогда синий хатыль теперь был весь в бурых пятнах. Должно быть, подонки пробрили мне голову.

— Эй, Омис! Как бы он не сдох, — прокричал один из головорезов, сжимавший цепкие пальцы на моём предплечье.

— Не сдохнет, — отозвался Омис, — немного осталось. Дайте ему пить.

Через минуту кто-то схватил меня за волосы и заставил поднять лицо к небу. Я почувствовал, как спасительная влага проникает в мой иссушённый рот. Глаза заплыли, я почти ничего не видел, зато жадно глотал воду.

— Закат скоро, — хмыкнул один из налётчиков.

— Да не бойся, вот уж и граница, — сообщил Омис, ехавший на верблюде.

Как мы пересекли Границу Безопасности я не видел, но когда кто-то крикнул, что видит Жертвенник, я всё-таки разлепил веки. Муть в глазах кое-как прояснилась, и я разглядел невысокий холм. Вообще город Амбухат окружён холмистой местностью. Благодаря этому растительный и животный мир здесь немного побогаче, по сравнению с остальной Степью. Летом в тени холмов растёт сочная трава, а зимой эти же холмы защищают от ветров. Моя деревня тоже располагается между трёх холмов. Но тот холм, к которому мы двигались, служил Жертвенником. Я уже видел четыре столба, к которому приковывают обречённых. На каждом из них висели цепи, словно железные змеи, ожидающие в засаде жертву.

Подъём был пологий, но я всё равно не мог идти, обессиленно повиснув на руках моих конвоиров.

— Вставай, скотина! — рычал верзила, тащивший меня всё это время.

— Поднимайся! — приказал второй конвоир, но я не мог встать.

— Пошевеливайтесь! — услышал я голос Омиса.

Верзила схватил меня за ворот хатыля и поволок по земле. Камни впивались в мою кожу, но мне уже было всё равно, боль ощущалась как-то приглушённо, словно во сне. Я подумал, что умираю, и порадовался этому. Опять потерял сознание.

Когда очнулся, понял, что лежу на животе. Дёрнулся. Оказалось, что мои руки и ноги разведены в стороны. Я приподнял гудевшую голову и понял, что уже прикован к столбам.

— Ну что, Хизар, как самочувствие? — ухмыльнулся Омис. Он присел рядом со мной и скалился. Истинный шакал.

— Ты проживи ещё часок, хорошо? — продолжил мерзавец. — Степь падаль не любит. Можешь утешать себя мыслью, что ты скоро встретишься со своим родителями и братьями, ибо твой земной путь закончен.

— А как на счёт тебя? — еле слышно прохрипел я.

— Что? — переспросил Омис, нахмурившись.

— Что будет с тобой, когда ты окончишь свой путь? — выдавил я из себя. — Как оправдаешься за свои деяния перед Создателем всего сущего?

— Ах, ты об этом, — ухмыльнулся этот шакал. — Я попытаюсь Его обмануть.

— Нельзя обмануть того, Кто всё сотворил, — возразил я.

— А я всё же попробую, приятель, — заявил Омис. — Ты многое не знаешь, Хизар. Я ведь посвящён в магические тайны.

— Ты маг? — поразился я.

— Тс-с, — прижал указательный палец ко рту Омис, — это будет наш с тобой секрет, который ты унесёшь с собой в могилу. Ой, что я говорю? У тебя и могилы-то не будет. Твоё тело либо разорвут на части и сожрут, либо плоть твою спалит огонь. Ведь никогда не угадаешь, в каком обличье явится лихо. Я бы понаблюдал за тобой с безопасного расстояния, но, увы, вынужден откланяться. Надо торопиться. Последний день Харун-Даха на исходе, а мне ещё надо золотишко твоей семьи в свои владения переправить. Так что прощай, Хизар. Передавай привет достопочтенному хану Азарку Марэку. Скажи, мне жаль, что пришлось отрубить его бестолковую голову. Это я погорячился. Надо было просто зарезать его.

Я дёрнулся, зарычал, но цепи держали крепко.

— Ты заплатишь за всё, Омис Обэк! — хрипел я, исходя от ярости кровавой пеной. — Когда-нибудь кара постигнет тебя!

— В любом случае ты этого не увидишь, — огрызнулся Омис.

Он развернулся и, подав знак рукой, зашагал прочь. Остальные головорезы последовали за своим господином. Я видел его широкую спину на фоне заката. Она, как зловещая тень, предвещала страдания и гибель многим людям, особенно если ублюдок всё-таки получит титул великого хана.

Убийцы моих родных и мои палачи удалились. Я слышал, как они, переговариваясь, сели на верблюдов. У них есть час. Точнее час жизни остался у меня, а они доберутся до границы гораздо быстрее и продолжат своё существование. Будут гулять на нашу выручку, есть нашу пищу и продадут наших верблюдов. Горячие слёзы закапали из моих глаз, отчего я опять стал видеть всё, как бы через полупрозрачную дымку. Мне было страшно. Так страшно, как никогда в жизни. Лучше бы меня зарубили на месте, чем все эти страхования, что переживает смертник, ожидая своей участи.

Солнце в Степи угасает долго. Я слышал, что на Западе не так, там закатом нельзя любоваться целый час, темнеет быстрее, чем у нас. Тянувшиеся минуты казались мне вечностью. Зной не мучил больше, но тело моё дрожало от ужаса. Когда земля подо мной вздрогнула, я обмочился. Тёплая жидкость стекала по ногам и капала на всё ещё не остывшую поверхность. Ещё толчок. Потом ещё. Что-то зашевелилось в земных недрах. Вот оно лихо! Вот она смерть! Монстры не пришли, значит будет огонь, вырвавшийся из преисподни. Сгорю, как солома.

Тряска подо мной усиливалась. Я почувствовал жар, закрыл глаза, молился. Потом что-то гроыхнуло рядом. Я разлепил веки и увидел справа от меня вырывающийся из разверзшейся земли огненный столб. Вдруг с другой стороны земля вспучилась. Из неё что-то лезло. Комья земли и мелкий щебень полетели мне в лицо. Лишь мельком удалось взглянуть на вспученную землю. Оттуда вырвался ещё один столб огня. Я уткнулся в ходящую ходуном земную поверхность. Почва в том месте, где я лежал потрескалась и вырвавшиеся из-под земли пламенные языки впились в моё тело. Боль была нестерпимой. Я орал так, что голосовые связки в конце концов разорвались, и теперь из моей глотки вырывалось лишь сипение. Огонь лизал мою кожу, одежда сгорела. Однако запаха палёной плоти я не ощутил. Мои руки, объятые пламенем, тряслись, пальцы скрючились. В конце концов кожа начала лопаться. Я не понимал, почему я до сих пор жив. Огонь проходил сквозь меня, но не мог сжечь мою плоть, только опалил кожные покровы. От боли я принялся кататься по пылающей земле. Вдруг в голове, словно мимолётный ветерок, мелькнуло осознание того, что я больше не скован цепями. Эта мысль появилась и исчезла, прогоняемая непередаваемыми мучениями. Тело пронзали тысячи горячих искр, но степное

лихо в виде подземного огня никак не могло сжечь меня. Огонь много раз проходил сквозь моё тело, но оно не умирало. Эта чудовищная пытка продолжалась ещё долго, пока я не потерял сознание.

Глава 4. Катакомбы

Первое, что я почувствовал, умерев, это нежный ветерок, ласкающий моё лицо. Но умер ли тогда я? До сих пор не знаю ответ на этот вопрос. Я открыл глаза и увидел розовую зарю, прогоняющую ночные кошмары. Обычно ранним утром в Степи холодно, но озноба я не ощущал. Этот факт не переставал удивлять меня, особенно после того, как я обнаружил, что одежды на мне нет. Я лежал на спине. Лежал совершенно голый. Попробовал пошевелить руками. Посмотрел на них. Оков не было, зато возле меня я заметил застывшую горку расплавленного металла. Видно, это всё, что осталось от цепей. Ноги так же были свободны. Я попробовал встать, но сильная головная боль заставила меня вновь повалиться на землю и застонать.

Не знаю, сколько я так пролежал. В голове то возникал целый ураган мыслей, то сознание моё отрешалось от действительности, и я засыпал. Полуденное солнце начало светить в глаза. Я их открыл и уставился на светило. Не сразу до меня дошло, что я спокойно взираю на яркую сияющую звезду. Я об этом тогда не думал. Рассуждал только, что теперь делать, как быть, куда податься. В памяти всплывали страшные картины расправы над моей семьёй.

Вдруг я услышал, как совсем рядом сорвался камень и покатился по склону холма. Потом ещё один. Кто-то зашаркал ногами. Я повернул голову к источнику звука и увидел прячущегося за большой булыжник человека. Он аккуратно выглядывал из своего укрытия.

— Эй! — крикнул я. — Мне нужна помощь!

Человек замер.

— Прошу вас! — умолял я. — На меня и мою семью напали бандиты! Только я остался в живых.

Незнакомец осторожно вышел из-за камня и уставился на меня угольно-чёрными глазами. По узким разрезам их я понял, что передо мной мой соплеменник.

— Ты тоже ахар? — решил удостовериться я.

Человек закивал головой.

Я смог его разглядеть. На вид ему можно было дать лет двадцать. Мой ровесник. Чёрные взъерошенные волосы торчали в разные стороны. Но самое примечательное заключалось в том, что у парня одна прядь волос белела, словно молоко, разлитое на тёмную землю. Я весь напрягся, ожидая нападения.

— Ты что маг? — настороженно спросил я. — Чего у тебя белые волосья торчат? Тебя прислали добить меня, если я выживу, верно?

— Я не совсем маг, — вдруг ответил незнакомец, — и никто меня не подсылал к тебе.

— Странно, — проворчал я, — насколько мне известно, лишь маги имеют седые волосы в столь юном возрасте.

— Тем не менее я не совсем маг, — продолжал уверять парень, — дело в том, что я сбежал...

— Интересно... — мои глаза округлились от удивления, — как бы там ни было, можешь дать мне какую-нибудь одежду?

Парень застыл в нерешительности, но уже через пару мгновений скинул с плеч вещевой мешок и, порывшись в нём, кинул мне какое-то рубище уныло-серого цвета. Я поймал одежду и тут же сморщился: от тряпья воняло отвратно. Однако делать было нечего, не

голым же передвигаться. Я сел. Голова уже не болела, поэтому я осмелился встать. И только тут я заметил, что моя татуировка в виде дракона исчезла! Я в панике ощупал свою грудную клетку, но не обнаружил даже шрамов. Никаких следов! Будто и не было чёрного дракона на моей груди. Эти татуировки украшают грудь мужчин- представителей моего клана.

— Что за наваждение... — растерянно бормотал я.

— Ты будешь одеваться или так и останешься стоять голым? — напомнил о себе парень. — Если тебе не нравится моя одежда, верни её. У нас каждый кусок ткани на счету.

— У нас? — переспросил я. — У кого это у нас?

— У людей из Убежища, — отозвался незнакомец.

Я вопросительно уставился на собеседника. Он молчал, видимо, опасаясь взболтнуть лишнего. Потом я всё-таки одел грязные штаны и рубаху и сделал шаг к парню. Тот отшатнулся и вновь спрятался за валун.

— Не бойся! — крикнул я. — Меня зовут Хизар Марэк. Мой отец, Азарк Марэк, глава клана Марэк, был вероломно убит. Омис, глава клана Обэк, и его люди напали на нас.

— Но ведь в дни Харун-Даха никто не обнажает мечей и не натягивает тетиву луков, — с недоверием отозвался незнакомец.

— Увы, великие ханы и их приспешники больше не чтут традиций! — горестно воскликнул я. — Меня они приковали цепями к жертвенным столбам и принесли в жертву степному лиху.

— Так почему же ты до сих пор жив? — в голосе парня чувствовалось недоумение.

— Я сам не понимаю... — задумался я. — Что-то произошло... что-то, чего я и сам не могу осознать... понимаешь, огонь прошёл сквозь меня, расплавил оковы, спалил одежду... а я цел.

Юноша, осмелев, вновь вышел из укрытия и осторожно приблизился ко мне. Он молча оглядел то место, на котором я лежал. Заметив расплавленный металл, он присел, поковырял его тонкими пальцами, хмыкнул. Рядом он заметил чёрный пепел — всё, что осталось от моего хатыля.

— Удивительно! — потрясённо проговорил незнакомец.

Он встал. Осмотрел меня с ног до головы, с опаской дотронулся до руки.

— По крайней мере ты не призрак, — сделал он вывод.

— Я же говорю, я Хизар Марэк, — повторно представился я.

— А меня зовут Санбек, — назвалса парень.

Мы помолчали.

— Вот что, Хизар, пойдём со мной, — предложил Санбек.

— Куда?

— В катакомбы.

— В катакомбы? — я искренне удивился.

— Это наше Убежище, — объяснил мой новый знакомый, — мы прячемся там от степного лиха.

— А кто это мы? — поинтересовался я.

— Те, кто убежал от хозяев или те, кто заблудился в Степи, но мы нашли их до наступления ночи. Ещё у нас там беглые преступники, пожелавшие примкнуть к нашему поселению.

— Замечательная компания, — ухмыльнулся я.

— Другой нет, извини, — развёл руками Санбек. — Если решил идти со мной, надс

выдвигаться прямо сейчас, чтобы успеть до темноты.

Я посмотрел в небо немигающим взглядом. Только теперь понял, что могу смотреть на солнце. Санбек тоже это заметил.

— Как ты это делаешь? — удивился он.

— Что делаю? — Я не хотел начинать разговор на эту тему.

— Смотришь прямо на солнце даже не зажмурившись? — продолжил любопытствовать мой новый знакомый.

— Не знаю, — пожал плечами я, — это только сейчас началось...

— Только сейчас? — недоверчиво переспросил юноша.

— Да отстань ты! — вспыхнул я. — Веди лучше в своё Убежище.

Он молча развернулся и зашагал на север. Я поспешил за ним.

По дороге Санбек то и дело останавливался. Оказывается он очутился в этих краях не случайно.

— Меня послали собрать ягод, — указал он на мелкие жёлто-бежевые ягоды прятанки.

Прятанка — ягода питательная, хотя и совсем малюсенького размера. Она получила своё название за то, что любит расти в расщелинах между камнями, «прятаться» в трещинах иссушенной почвы, теряться в высокой степной траве. Листья её напоминали мелкие мягкие иголки. Ягоды обладали кисловатым вкусом и использовались не только в качестве десерта, но и являлись лекарством. Впрочем целебными свойствами обладали все части этого растения, надо только знать особенности их применения.

— Чего смотришь? — бросил мне через плечо Санбек. — Помогай!

Он швырнул камыч, жёлтый сосуд, изготовленный из степной тыквы, и я принялся за дело. Сперва надо было обследовать очередной холм. Порыскав между камнями, я набрал ягод прятанки. Правда моей добычи было явно недостаточно: ягоды покрыли лишь доньшко камыча. Тем временем сосуд Санбека был заполнен уже наполовину.

— Чем раньше закончим, тем раньше отправимся в Убежище, — с задором кричал он мне, когда я, устало охая, присаживался на камень.

Таким образом пролетело несколько часов. Когда оба наши камыча были заполнены доверху бежевыми ягодами-бусинами, мы, ускорив шаг, поспешили в область, что у арахов зовётся Рябой Степью.

Рябая Степь! Не то чтобы я сильно боялся этого места, но шёл я туда с определённой долей сомнений.

— А ты уверен, что Убежище именно в Рябой Степи? — с недоверием спросил я своего спутника.

— Разумеется, — почти с негодованием ответил он, — я что, по твоему, сумасшедший? Я знаю, что эта область Степи овеяна тайнами и всякими пугающими слухами. Поверь, это самое безопасное место во всей Степи!

— Но тем не менее кратеров там больше, чем в других местах, не зря же эта область получила такое название, — решил поумничать я.

— Кратеры пустые, — заявил Санбек, — точнее были пустые, пока мы там не поселились.

— А как же цэрэги? — спросил я. — В каждом кратере живёт один или несколько этих ящеров.

— В Рябой Степи цэрэги редкость. В наших катакомбах мы лишь однажды наткнулись на этого монстра. Ну и совместными усилиями убили его.

— Убить цэрэга — дело нешуточное, — покачал головой я.

— Конечно, нешуточное, — хмыкнул Санбек, — прежде чем мы одолели ящера, он убил пятерых наших мужчин и одну женщину.

— И всё же вы победили? — удивился я.

— Да! — с гордостью ответил парень. — Ну всё, хватит болтать. Небо скоро потемнеет, а в Рябой Степи ночью так же небезопасно, как и в остальных местах за пределами защитного купола. Только подземное Убежище может спасти нас.

С этим трудно было спорить, и я прибавил шаг. Через полчаса пути, взобравшись на небольшой холм, мы увидели землю, сполошь испещрённую кратерами: большими и маленькими, идеально круглыми и вытянуто-искривлёнными.

— Вот и Убежище! — воскликнул Санбек и посмотрел на меня, чтобы оценить мою реакцию.

Я с опасением разглядывал углубления в почве.

— Там точно нет цэрэгов? — едва слышно пробормотал я.

— Да нету, тебе говорю! — с нетерпением выпалил спутник. — Пойдём! Тебя ещё надо представить Баругу.

— Это ещё кто? — насторожился я.

— Барут наш предводитель. Правда у него весьма непростой нрав, а прошлое ещё более непростое, но выбирать не приходится: мы подчинились тому, кто смог умело организовать наш быт и оборону.

Мне почему-то заранее не понравился этот самый Барут, но я смолчал. В конце концов выбора у меня не было. Надо было где-то спрятаться, где-то обжиться и понять, что делать дальше.

Санбек радостно засеменял с пригорка к ближайшему кратеру. И хотя он уверял меня в отсутствии в кратере цэрэга, сердце моё ёкнуло, когда парень скрылся в земном проёме. Я на мгновение замер, а потом замедлив шаг начал осторожно приближаться к кратеру.

— Эй, Хизар! — услышал я голос Санбека откуда-то из-под земли. — Хизар! Прыгай в кратер! Стражников я предупредил!

«Стражников?» — пронеслось у меня в голове. Я поторопился. Оказавшись на краю кратера, я заглянул вниз. Оказалось, что глубина совсем небольшая. Спрыгнув в кратер я очутился лицом к лицу с бородатым мужиком, скалящимся в улыбке.

— Что, новенький? — спросил он.

— Это Хизар, — послышалось из темнеющего коридора, — пропустите его. Он вроде нормальный парень.

Стражник хмыкнул и кивнул кому-то головой. Только тут я заметил и второго воина. Он тоже заулыбался и прохрипел:

— Не забудь представить его Баругу!

— Разумеется, — продолжал доноситься из полутьмы прохода голос моего нового знакомого.

— Добро пожаловать в Убежище, — прохрипел стражник.

Я молча поклонился и юркнул в узкий коридор, уводивший куда-то вниз.

Сперва мы шли в потёмках, но это продолжалось недолго. Очень скоро впереди замелькал огонь. Оказалось, это пламя факела, прикреплённого к стене. Я заметил, что дым тянется вверх, значит в сводах тоннеля есть отверстие. Мою догадку подтвердило дуновение свежего ветерка, заставившее пламя трепыхнуться. Я мельком оглядел стены. Они оказались

не такими, как я ожидал. Я думал в подобных катакомбах стены сырые, холодные с торчащими из них земляными червями. Ничего подобного здесь не было. Стены являли собой сухую, выровненную поверхность. То же можно было сказать и про земляной пол.

— Эй, Хизар! Не зевай! — послышался впереди голос моего проводника.

Я и правда заметно отстал от него. Пришлось ускорить шаг.

Мы продолжали двигаться, чуть наклонившись, потому что своды не позволяли вытянуться в полный рост. Я начал замечать, как от коридора, по которому мы шли, ответвляются многочисленные туннели, тоже освещённые факелами. К моему облегчению стены скоро стали выше, и мы смогли выпрямить спины. Мышцы ныли, не привыкшие так долго находиться в напряжённом и непривычном состоянии.

— Сейчас отведу тебя к Лимане, — сообщил Санбек.

— Кто это?

— Она целительница.

— Но я чувствую себя хорошо, — недоумевал я.

— Ты шутишь? — хмыкнул парень. — Через тебя, как ты говоришь, прошёл огонь. Ты не можешь чувствовать себя хорошо. В любом случае тебе всё равно придётся знакомиться с обитателями катакомб. Почему бы не начать с Лиманы? Вот увидишь, она тебе понравится.

Я промолчал, но продолжил следовать за проводником.

Мы свернули направо в коридор, который сразу же начал подниматься вверх. Прошли мы не долго. Впереди я увидел очередной факел. Его пламя освещало небольшую нишу, которой коридор этот заканчивался. В одной из стен, как я сразу догадался, было большое отверстие-вход, заслонённое куском грязно-красной ткани.

— Привет, Лимана! — позвал Санбек. — Ты дома?

Вместо ответа по ту сторону занавески послышались весёлые детские голоса, и вскоре к нам выбежали двое ребятшек: мальчик, он был чуть старше, и девочка со смешными хвостиками на голове.

— Санбек! Санбек! — радостно завопили они и повисли на руках у парня. Санбек рассмеялся и потрепал детей по головам.

— А это кто? — спросил мальчик, внимательно и настороженно меня разглядывая.

— Это Хизар, — представил меня Санбек, — я хочу, чтобы твоя мама его осмотрела.

— Она сейчас занята, — пропищала девочка, — делает перевязку Римаху.

— Но ты ведь позволишь нам войти, юная хозяйка? — сдерживая улыбку как можно более серьёзно спросил Санбек.

Девочке явно понравилось, что к ней обратились, как ко взрослой, и она важно ответила:

— Так и быть пушу вас в юраку.

Я удивился, что она назвала это подземелье юракой. Юрака — это жилище совсем другого типа. Она представляет из себя шатёр из жердей и войлочного полотна. В юраке жил и я со своей семьёй. Лишь члены зажиточных кланов могли позволить себе дом из навоза, глины и песка. Хотя, конечно, и этот материал очень дешёвый. Однако великим ханам и их родственникам не надо пасти стада, они проживают в городах, не утруждая себя кочевой жизнью. Мы, члены более бедных кланов, создавали деревни из юрак. Деревни эти периодически перемещались из одного места в другое, ведь мы должны были постоянно искать новые пастбища для скота. По этой причине люди моего сословия никогда не строили домов. Для нас юрака — незаменимое жилище.

Итак, Санбек отодвинул занавеску и мы проникли в просторное помещение. Я сразу догадался, что это кратер, приспособленный для проживания людей. Над кратером был сооружён потолок. Я взгляделся в него и понял, что для его сооружения люди сперва накидали длинных жердей, а на них положили пласты земли. Точно такие же жерди используются для юрак. Их изготавливают из тонких, но очень прочных прутьев, полученных из ветвей кустарника ломего. Растение это играет огромную роль в жизни ахаров. Оно незаменимо в строительстве. Дело в том, что его ветви обладают ценным качеством: если прутья, из них изготовленные, сперва вымочить в верблюжьем молоке, а потом высушить, прочность их возрастает многократно. Такие жерди по прочности могут потягаться с железом. Мой народ издревле использует их в строительстве и быту, а также для изготовления оружия: копий, стрел, дротиков.

Помещение также освещалось факелом. В центре располагался очаг из выложенных по кругу булыжников. Совсем как в настоящей юраке. Вдоль стен по кругу располагались лежа из верблюжьих шкур и небольшие столики на коротеньких ножках. Один из них был заставлен посудой, на другом стояли многочисленные склянки с непонятном мне содержимым. Под потолком жилища была натянута верёвка, на которой висели пучки засушенных трав. Их запах щекотал ноздри. В противоположной входу стене был ещё один проход и из него доносились голоса. Проход этот не был занавешен тканью. Мы в месте с Санбеком приблизились к нему. Я заглянул через плечо парня внутрь и увидел стоящую ко мне спиной женщину с двумя тугими чёрными косами. Перед ней лицом к нам сидел пожилой человек. Один его глаз закрывала повязка. Старик был обнажён по пояс. Женщина смачивала зияющую на груди рану.

— Санбек, не мешай мне, — не оборачиваясь сказала женщина, — подождите в юраке.

— Хорошо, как скажешь, — ответил Санбек и поспешил отойти от входа. Мы сели на шкуры возле очага. Мальчишка тщательно разглядывал меня, а девочка по-хозяйски принялась угощать нас чаем. Она подошла к столику с посудой и взяла две кируки, глиняные чашки. Я любовался её проворными движениями. Девочка потянулась к стене. Только тут я заметил многочисленные углубления в стене в том месте, где стояли столики. Они служили своеобразными полочками для хранения продуктов и утвари. Девочка достала маленький мешочек и отсыпала его содержимое в предназначавшиеся нам кируки.

— Принеси кипятка, — приказала она брату.

Тот с явной неохотой нагнулся к очагу, на котором стоял железный котелок, из которого варил пар. Вооружившись куском тряпицы, мальчик ловко ухватил котелок и отнёс сестре. Девочка взяла половничек и, зачерпнув кипятка, заварила нам чай. По помещению распространился терпкий аромат. Я сразу узнал запах чая из червыля. Его фиолетовые листья собирают осенью, чтобы высушить их и расфасовать по мешочкам. Такой чай тонизирует, греет долгими зимними вечерами и существенно помогает при простуде.

Подав нам кируки с ароматным напитком, маленькая, но очень серьёзная хозяйка уселась на шкуру, вынула из-под её края какое-то рукоделие и принялась за работу. Её брат присел рядом с нами.

— Скажи, Санбек, что из себя представляют катакомбы? — попросил я.

— Катакомбы — это сеть коридоров, соединяющих различные кратеры. Кроме того некоторые пещерки мы сами выкопали. Жители катакомб называют это место Убежищем и по праву считают его вторым домом. У каждой семьи есть свой кратер. Мы именуем его юракой, так ведь привычней. Для одиноких людей мы выдолбили в стенах коридоров

небольшие ниши, так, чтобы в них поместился очаг, ложе и столик для хранения утвари. Каждое помещение оснащено дымоотводом, представляющим из себя круглое длинное отверстие, похожее на нору. Оно ведёт наружу.

— И много людей обитают в Убежище? — поинтересовался я.

— На данный момент несколько сотен, — отозвался парень.

— Несколько сотен! — поразился я. — Это же маленькая армия! Как вы тут все размещаетесь?

— Убежище очень большое, — объяснил Санбек, — это сотни кратеров, многочисленные коридоры, ниши, кладовые, лекарские, оружейные и в конце концов Грот Собраний.

— Грот Собраний? — переспросил я.

— Да. Это огромный кратер, который мы оборудовали для больших собраний и общественных мероприятий. Кроме того в нём живёт Барут.

— Барут?

— Это наш хан, — с каким-то трепетом произнёс Санбек и я почему-то внутренне поёжился.

— А что за люди живут в катакомбах? — продолжал любопытствовать я.

— Это те несчастные, для которых не нашлось места в городе или деревне или же они вынуждены были бежать. Я тебе уже говорил, что люди эти в прошлом были либо рабами, либо разбойниками, либо заплутавшими путниками.

В соседнем помещении послышался старческий смех, мы поняли, что медицинские манипуляции закончены.

— Вот теперь настало тебе время познакомиться с местными жителями, — заявил Санбек и улыбнулся мне. На пороге показались двое: женщина лет сорока и старик, которому она делала перевязку.

Глава 5. Жители Убежища

— Здравствуй, Санбек, — проговорила степенно женщина, — и тебя приветствую, незнакомец.

Я слегка наклонил голову в знак уважения.

— Представь нам своего нового приятеля, Санбек, — улыбаясь попросил старик.

— Что ж, это можно, — отозвался парень. — Это Хизар. Я нашёл его сегодня на Жертвеннике.

Женщина и старик с недоумением переглянулись.

— Да, я тоже удивился, обнаружив на холме живого человека. Обычно там можно найти лишь обугленный скелет или куски растерзанной плоти. Но сегодня ночью степное лихо почему-то не смогло справиться со своей жертвой.

— Любопытно... — женщина пристально посмотрела на меня. Я прочитал неподдельный интерес в её раскосых глазах.

— Меня зовут Лимана, — представилась она. — А это мои дети: сын Агыр и дочь Шерика.

— А меня можешь называть Рахим или попросту Одноглазый, сам понимаешь почему, — усмехнулся старик.

— Я рад знакомству, — пробормотал я, чуть смутившись.

Между тем Лимана приблизилась ко мне вплотную и бесцеремонно принялась ощупывать меня. Её тонкие пальцы впивались в мои руки, плечи, шею.

— Странно... — задумалась она, — нет никаких повреждений... Ты ничего не перепутал, Санбек?

— Говорю же тебе, я нашёл его на холме. Цепи, которыми Хизар был прикован к столбам, просто расплавились, а ему хоть бы что!

Лимана ещё пристальнее посмотрела мне в глаза. Я выдержал её испытывающий взгляд.

— Заметил ли ты какие-либо перемены в себе после сегодняшней ночи? — спросила женщина.

— Заметил, — с небольшим раздражением хмыкнул я, — татуировка на моей груди исчезла. И ещё теперь я могу безболезненно смотреть на солнце.

Услышав мои слова присутствующие захлопали глазами. Одноглазый что-то пробухтел.

— Не может быть, чтобы сказки оказались былью, — задумчиво произнесла Лимана.

— А почему нет? — возразил старик. — Может это всё правда, что рассказывают про человека с огненным сердцем.

— Тогда это просто сенсация! — выпалил Санбек.

— Тише! — осадил его Одноглазый. — Смотри, не болтай о Хизаре!

— Даже Баруту не говорить? — почти прошептал парень.

— Ему особенно! — строго ответил старик.

— Э... может кто-то меня всё-таки просветит, что за древние сказки вы имеете ввиду?

— А ты будто не знаешь легенду о человеке с огненным сердцем? — проворчал Одноглазый.

Я знал легенду о человеке с огненным сердцем очень поверхностно. Если честно, я почти не помнил её. В семьях ахаров принято, чтобы образованием детей занималась мать. Именно женщины рассказывают ребятишкам сказания легенды, сберегают предания

старинны. Но моя мать покинула этот мир рано. Сражённая рукой негодяя, она отправилась к праотцам. Я был тогда совсем маленьким и не успел впитать всю полноту фольклора родного народа. А отец... ему тяжело пришлось. Он не женился во второй раз. Хранил он верность своей возлюбленной до самой смерти, до того момента, когда подлый Омис Обэк со своими головорезами напал на наш мирный караван. Я нахмурился, расстроенный ужасными воспоминаниями.

— Так ты помнишь эту легенду? — спросил меня Санбек.

— Я помню только то, что человек, о котором в ней говорится, сможет противостоять Степи. Он сможет управлять степным лихом и по-моему ему суждено объединить племена ахаров под своей могучей властью.

— А вдруг это ты, Хизар! — радостно воскликнул Санбек.

— Я?

— А почему нет, молодой человек? — спросил Одноглазый. — Быть может, мы сейчас говорим с будущим великим правителем.

Этого ещё не хватало! Ну какой из меня правитель? Я семью-то свою защитить не смог. Нет, судьба не может вручить мне власть над целым народом. Я точно не готов к такому. Мне бы только отомстить за смерть близких, а потом можно уже и последовать за отцом и братьями. Я тогда не представлял, зачем мне жить. Жить, потеряв всё, что любил.

— Хизар, быть может ты тот самый герой, которому суждено избавить ахаров от страданий? — мягко спросила Лимана.

— Боюсь, я не тот, за кого вы меня принимаете, — попытался переубедить своих новых приятелей я, — нет во мне ни силы, ни власти, ни решимости. Я, пожалуй, ограничусь мстостью за своих родных.

Лимана разочарованно вздохнула.

— Нет, он явно не человек с огненным сердцем, — тихо произнесла она и грустно опустила глаза.

— Возможно, это так, — произнёс старик, — тогда наши страдания не закончатся.

— Вы много страдали? — спросил я больше из вежливости.

— Ещё бы! — проворчал Одноглазый. — Посмотри на Лиману. Её глаза до сих пор не высохли от слёз.

— Что с тобой произошло, Лимана? — осторожно поинтересовался я.

Женщина ответила не сразу. Она помолчала, задумчиво глядя в потолок.

— Я жила в городе Латан, что принадлежит клану Кирыш. Служение моё заключалось в целительстве.

В доказательство этого рассказчица закатала рукав правой руки, и я увидел характерную для людей её сословия татуировку: обвивающую руку змею.

— Целители — почти привилегированный класс, — удивился я, — неужели с тобой могли поступить несправедливо?

— Могли, — буркнула Лимана. — Ещё не так давно краса моя сияла во всём великолепии. Муж мой служил в охране великого хана Амбы Кирыш и потому я часто присутствовала на светских мероприятиях, а как целительница и на военных смотрах. Увы, хан Амба прельстился моей красотой. Он начал повсюду преследовать меня, невзирая на то, что я замужняя женщина. Мне был противен этот неуклюжий жирдяй. Тем более я не так давно родила сына от любимого супруга.

Лимана с нежностью посмотрела на Агыра и захотела его погладить по голове.

Мальчик, желая казаться взрослым, не давал себя ласкать. Он отскочил от матери и уселся подле меня. Одноглазый ухмыльнулся и прищурил и без того узкий глаз. Старик дал знак ребёнку, чтобы он подсел к своей сестре и не подслушивал взрослых разговоров. Агыр нехотя подчинился. Целительница вздохнула и продолжила печальный свой рассказ, понизив голос:

— Амба без зазрения совести предложил мне стать его любовницей. Он обещал мне всяческие блага, богатства и всенародное признание. Я наотрез отказалась. Тогда это чудовище приказало расправиться с моим мужем. Его ложно обвинили в краже и пригласили лжесвидетелей. Я видела, как супруга моего арестовали и увели в темницу. На следующее утро он был обезглавлен.

Лимана замолчала, смахивая навернувшуюся слезу.

— Но на этом несчастья не закончились, — продолжила повествование целительница. — Сразу после казни в мой дом ворвались воины и связали мне руки за спиной. Вскоре появился хан Амба. Он ухмыляясь окинул взглядом моё жильё, а потом посмотрел на младенца.

— Брильянтовая моя, — приторным голосом, от которого меня выворачивало, произнёс хан, — неужели чтобы ты отдалась мне, я должен казнить и твоего сына?

Ужас и паника охватили всё моё существо. И я сломалась. Я умоляла этого ублюдка, я ползала перед ним на коленях. Амба приказал воинам убираться вон. Он, не скрывая своей похоти, приблизился ко мне и резким движением могучих рук разорвал мой хатыль. Амба насилдовал меня долго и жестоко. Не передать тот ужас, что мне пришлось пережить. Я стала ханской наложницей и не смела сопротивляться, опасаясь за жизнь Агыра. Но самое ужасное ждало меня впереди. Очень скоро я поняла, что беременна. Это открытие повергло меня в шок. Какое-то время мне удавалось скрывать своё положение. Но однажды Амба, сжимая меня в своих мерзких объятиях, почувствовал шевеление ребёнка внутри моего чрева. Он ошарашенно отпрянул от меня. Думал хан недолго. Он заявил:

— Одного ребёнка тебе достаточно. Как только родишь, принесём младенца в жертву Степи.

Я взвыла. Амба лишь презрительно скривил пухлые губы. Дальше всё я помню как в бреду. Ночь. Поспешные сборы и бегство из дома. Я с сыном на руках спряталась в какой-то подворотне. Ночью город покинуть нельзя: работают маги, удерживая защитный купол. Дождавшись утра, я, облачённая в самые нищенские одежды, беспрепятственно покинула Латан через ворота. Начались мои скитания. Я знала, что Амба будет разыскивать меня и наверняка убьёт. В конце концов волею судьбы я набрела на Убежище, когда, отчаявшись от мучительного голода, отправилась при свете дня в Степь. Я хотела разыскать дикорастущие съедобные растения на подобии прятанки, но вместо этого заблудилась. К счастью нам с сыном повстречался Одноглазый и отвёл нас в Убежище. Уже здесь родилась моя дочь Шерика.

— Так Шерика дочь великого хана Амбы Кирыш? — сделал выводы я. — Любопытно...

Лимана сразу вся напряглась. Я почувствовал это. Одноглазый сжал кулаки. Санбек испуганно заморгал.

— Не смей трогать мою дочь, — прошипела целительница. — Она дитя. Какое бы зло тебе ни причинил Амба, девочка здесь ни при чём!

— Я и не помышлял обижать ребёнка, — я с недоумением оглядел присутствующих. — Конечно, Шерика не в ответе за злодеяния своего отца.

Старик, услышав эти слова, расслабился, Санбек тоже облегчённо вздохнул, но

встревоженная мать продолжала кидать в мою сторону враждебные взгляды.

— Ну а ты, старик, как попал в Убежище? — как можно непринуждённое спросил я.

— Моя история банальна, — медленно проговорил Одноглазый. — Так получилось, что моя жена и дети погибли во время эпидемии пунцовой язвы. Создатель всего сущего по неведомым мне причинам сохранил мою жизнь, обернувшуюся для меня беспросветной тоской по ушедшим близким. Я решил покинуть родную деревню, где всё напоминало мне о семье, и направился во владения хана Эгги Эльш, город Ислак. Решил попытать счастье и попросился в ханское войско. Я был ещё физически крепким мужчиной, хотя и с надломленным духом. После того, как я прошёл многочисленные испытания, меня взяли в один из отрядов хана простым воином. Но вскоре я доказал, что заслуживаю куда более высокого звания. Действия мои приносили нам победу во время многочисленных стычек с племенами, над которыми властвуют ханы Амба Кирьш и Лин Арьш. Междоусобицы уносили сотни жизней, но мне опять не везло в смерти. Однако и в любви тоже не везло. Я так и не смог забыть свою жену и больше не создал семью. Быть может поэтому я и оказался в бедственном положении. Ведь в конце концов я состарился и оказался бесполезным в бою. К тому же в одном из сражений я лишился глаза. Сперва Эгги утешал меня, уверял, что такой опытный человек, как я, пригодится ему в совете. Я уже грезил о высокой должности, считал не существующие пока богатства. Но судьба посмеялась надо мной. Эгги по каким-то своим соображением передумал и отдал место, что он мне прочил, своему племяннику. А меня просто выкинули на улицу за ненадобностью.

— Неужели Эгги Эльш никак не отблагодарил тебя за многолетнюю службу? — хмыкнул я, хотя меня уже трудно было чем-либо удивить.

— Наградил...ох, наградил меня великий хан! — злобно отозвался Одноглазый. — От голода я стал промышлять воровством на улицах Ислака. В конце концов меня поймали и хан Эгги приказал меня повесить. Вот это награда, правда?! Но я не так-то прост. Ночью мне удалось бежать из темницы. Как раз праздновали третий день Харун-Даха. Стражники были пьяны вусмерть. Мне удалось обмануть одного из них и завладеть ключами. Побег состоялся. Наутро, когда городские ворота открылись, я ускользнул из города. Обосновался я в одной из деревушек. Однако меня разыскивали, и я вынужден был бежать в Степь. Тут-то я и наткнулся на Барута. Кстати, Санбек, ты обязан представить Хизара нашему предводителю.

— Я исполню это сегодня же, — с готовностью согласился парень, — наш хан не любит, если кто-то новенький начинает жить в катакомбах без его ведома.

— А что это за важная такая персона, этот Барут? — поинтересовался я.

— Он создал Убежище, — объяснил Одноглазый. — Вообще — то Барут- бывший главарь одной преступной банды. Говорят, что на его руках столько крови, что не отмыться и его потомкам.

— И вы подчиняетесь такому человеку? — удивился я.

— Барут очень силен и жесток, — дрогнувшим голосом произнесла Лимана, — все, кто хотел учинить против него бунт, умерли в чудовищных мучениях. Жители Убежища обязаны ему за предоставление крова и возможности питаться. Мало кто сопротивляется его жёсткой воли.

— Вы хотите сказать, что бежав от жестокости великих ханов, вы встали под пяту не менее жестокого тирана? — поразился я.

— А что нам оставалось делать? — проворчал старик. — Ты знаешь, сколько у него сподручных? Знаешь, сколько шпионов? Он не пощадит никого: ни женщину, ни ребёнка, ни

пожилых. Мигом убьёт, если только услышит о сопротивлении своей воле.

— Но так быть не должно! — в сердцах я стукнул по полу кулаком. Удар пришёлся на шкуру, это его смягчило, но всё равно жерди на потолке сотряслись. Мои собеседники тревожно переглянулись между собой. Я и сам смутился из-за своего эмоционального порыва, но мне вдруг до боли стало обидно, что эти люди, освободившись от ханских пут, вновь потеряли свободу. Они боятся ещё одного деспота, убийцу и грабителя. Да есть ли справедливость на Земле?! До коли простой люд будет страдать?

— Говоришь, так не должно быть... — после затянувшейся паузы произнёс Одноглазый, — но кто ты такой, чтобы рассуждать, как должно быть? Ты даже не хочешь верить в легенду о человеке с огненным сердцем... Кто знает, какие беды бы постигли ахаров, если бы они нарушили установленный порядок вещей?

— Если бы ахары объединились в один могучий народ, то создали бы свою империю, — отозвался я. — Нам бы не приходилось резать друг друга во время междоусобиц. Женщины бы не страшились рожать новых сынов и, быть может, мы бы даже захватили западные страны.

— О как! — хохотнул Санбек. — Мечтать не вредно, приятель.

— Как оказалось вредно, — буркнул я, — ведь из-за этих высказываний на меня и мой клан напали, когда мы возвращались домой. Великие ханы наплевали на святость праздника Харун-Дах и приказали Омису Обэку и его людям расправиться с нами.

— Вот видишь, куда мечты тебя завели, — вздохнул Одноглазый, — поэтому про свои идеи лучше помалкивай. И про то, что тебя не одолело степное лихо тоже.

— Я понял, — хмуро согласился я. — Теперь, Санбек, поведай мне, как попал в Убежище ты?

— О, это пожалуйста, — потёр руки парень, — я родился в семье хана Доки, главы клана Азбэк.

— Клан Азбэк... — я напряг память, — это представители вашего клана носят жёлтые хатыли?

— Точно, — улыбнулся Санбек. — В общем когда я достиг совершеннолетия, оказалось, что моя семья мечтает о том, чтобы я стал магом. Казна наша истощилась, а вы сами знаете, сколь щедро одаривают магов и членов их семьи. Однако жить я планировал долго. Даже таким дуракам, не желавшим посвящать много времени обучению, известно, что маги, охраняющие ахаров от степного лиха, живут весьма не долго. Это меня не устраивало, но всё же мой отец угрозами заставил меня поступить на обучение. Я прошёл один этап посвящения, поэтому прядь моих волос изменила цвет, ведь это признак магической силы. И я кое-что умею, мелкие магические фокусы. Но для вступления в жизнь мага мне необходимо было пройти ещё два этапа посвящения. Однако я не собирался прожить не очень долгий остаток моих дней в четырёх стенах среди распутных девиц. И я убежал.

— Убежал?! — поразился я. — А как же твоя семья?

— Они поплатились жизнью за мой поступок, — хмуро ответил Санбек.

— Ты знал, что в случае твоего побега их казнят и всё равно бежал? — всё больше поражался я.

— А как ты хотел? — огрызнулся парень. — Они сами виноваты! Отправили меня против воли учиться на мага! Роскошной жизни им захотелось! И ради этой жизни они собирались пожертвовать мной! Никто не имеет права меня обвинять, слышишь? Никто!

Насупила тишина. Никто не хотел продолжать неприятный разговор. Притихшие дети

испуганно хлопали глазами.

— Ладно, — вздохнул наконец старик, — засиделись мы у тебя, Лимана, пора и честь знать. Дела у меня на оружейном складе. Надо довести до ума одну мою разработку. А ты, Санбек, не медля представь Хизара Баруту, иначе проблем не оберёмся.

— Хорошо, — недовольно пробурчал юноша и встал. Он, не оборачиваясь на меня, вышел из жилища. Я поспешил за ним, терзаемый смешанными чувствами. С одной стороны мне было жалко всех этих людей, с другой, я никак не мог понять, почему освободившись от гнёта, они избрали себе нового повелителя из числа бандитов и душегубов. Пришло время поглядеть на этого Барута, хотя я заранее чувствовал, что не буду в восторге от этого знакомства. Тем не менее я поспешил за Санбеком.

Мы шли долго. Сперва по коридору, который чуть приподнимался вверх, потом мы свернули в одно из ответвлений, и я почти сразу почувствовал, что пол идёт под маленьким уклоном. Мы спускались всё глубже в подземелье. По мере того, как мы преодолевали путь в Грот Собраний, нам всё чаще попадались ниши в земляных стенах. Их обитатели выглядывали, чтобы посмотреть на путников. Со многими Санбек приветливо здоровался. Как я заметил, жители Убежища в большинстве своём были бедняками и даже нищими. Почти никто из них не носил хатыль. Одежания представляли из себя рубище, сшитое из грубого и дешёвого полотна. Подобные ткани изготавливаются из растения, называемого колип. Его жёсткие стебли вымачивают в моче до мягкого состояния, далее растирают полученную массу и разбирают её на волокна, получая нити. Нити эти крепкие, но жёсткие, поэтому и ткань выходит грубой. Одежда нищих и рабов. Колип растёт в больших количествах в Степи, особенно у подножий холмов. Его собрать труда не составляет, поэтому ткани из него очень дешёвы.

Продолжая путь, я заметил, что туннель начал расширяться.

— Уже подходим, — шепнул мне Санбек.

Впереди показались две человеческие фигуры. Приблизившись к ним, я понял, что это мужчины-воины. Они стояли неподвижно, словно стражи у входа в жилище великого хана. К моему удивлению они были весьма неплохо одеты. Даже кольчуга у них имелась, что являлось среди ахаров неслыханной роскошью. Обычно наши воины облачены в кожаные доспехи. Кольчуги могли себе позволить лишь самые богатые воины, приближённые к великим ханам и членам их семей.

Санбек боязливо поклонился стражникам.

— Кого ты ведёшь в Грот Собраний, Санбек? — строго спросил один из воинов.

— Это новенький, — пропищал парень, — его имя Хизар.

— Смотри, не прогневай Барута, — ухмыльнулся второй стражник, — а то выпарю тебя розгами, коли хан прикажет.

Санбек молча поклонился стражникам и поспешил побыстрее продолжить путь. Он так торопился, что споткнулся и упал. Я протянул к нему руки, чтобы помочь встать. Воины загоготали. Я почувствовал, что проводник мой весь трясётся.

— Проклятые вояки, — буркнул Санбек.

— Ты их так боишься? — спросил я.

— Их все боятся, — ответил парень, — это воины Барута, готовые выполнять любые его приказы лишь бы не лишаться благосклонности хана. Им ничего не стоит зарубить собственных братьев, если того потребует наш предводитель.

— И часто он такое требует? — поинтересовался я, которому передалось волнение

спутника.

— Расправы учиняют часто. Малейшее неповиновение может обернуться для жителя катакомб пытками и смертью. Так что ты лучше помалкивай и не вздумай спорить с Барутом. Ладно, пойдём быстрее.

Мы ускорили шаг. По пути нам попались ещё стражники. Все они вели себя надменно и нагло взирали на меня и Санбека, будто были безгранично уверены в своём превосходстве. Меня это злило, тем более, что в прошлой моей жизни ко мне обращались почтительно, сын главы клана как ни как. Теперь же я ощущал себя не более чем вошью, которая рискует в любой момент быть раздавленной.

Наконец мы добрались до обширного кратера, который, как я узнал, носил название Грота Собраний. Это была большая полость под землёй с уходившими на поверхность дымоотводами. В центре, как положено, очаг из камней. Вдоль стен здесь лежали не просто шкуры, а кровати на невысоких ножках, сработанные из дерева. Вот уж роскошь! Деревья в Степи не растут. Древесину привозят из западных стран иноземные торговцы. Чтобы купить такую кровать, необходимо было заплатить целый мешок золота. Как я понял, Барут, что стал здешним вельможей, в прошлом был разбойником. Это объясняло, откуда у него столько богатства. Награбил и избежал правосудия. Скрывшись в Рябой Степи, куда ханские воины и не сунутся. Теперь же этот царёк униженных и угнетённых построил целое государство под землёй. Государство рабов.

Мы с Санбеком стояли, освещённые факелами. В одной из стен Грота было отверстие, по заведённому здесь обычаю занавешенное тканью. Мы ждали появления властителя подземелий. Санбек явно занервничал, когда о нас пошёл доложить воин свирепого вида, охранявший вход в Грот. Наконец ткань-занавес колыхнулась и отодвинулась. В помещение вошёл мужчина лет шестидесяти. Его внешность тут же привлекла моё внимание, и я в отличие от Санбека, уставившегося в пол, принялся разглядывать вошедшего. Первое, что меня поразило, это то, что он был облачён в ярко-красный хатыль. Подобные носят лишь великие ханы. Откуда он его взял? Ограбил богатый ханский караван? Я вперил взгляд в лицо Батура. Подбородок его был обезображен отметинами, похожими на шрамы от ожогов. Вследствие этой особенности бороды у мужчины не было, зато седые усы были настолько длинными, что спускались до груди. Волосы, так же седые. Были заплетены в тугую косу. Смуглое лицо щеголяло белыми бровями над раскосыми узкими глазами. Он, несомненно, являлся ахаром.

— Кого ты привёл ко мне, Санбек? — голос Барута был притворно-доброжелательным и властным.

— Достопочтенный Барут, юношу этого зовут Хизар, — пролепетал мой проводник.

— Что же, Хизар, присаживайся. Расскажи старому подземному червю о себе, — Барут сделал рукой приглашающий жест. Я уселся на кровать.

— Твой рассказ весьма важен для меня, — словно сытый кот, промурлыкал Батур, — я даю приют каждому, кто в этом нуждается.

Я чувствовал, что если расскажу правду о своём происхождении, то Барут более благосклонно ко мне отнесётся. Не хотелось попадать к нему в немилость. По крайней мере пока.

— Я Хизар, сын хана Азарка, главы клана Марэк. Если бы мой хатыль сохранился, ты бы увидел, что он синего цвета. Это цвет моего клана.

— Клан Марэк мне знаком, — задумчиво проговорил Барут накручивая на палец

длинный седой ус, — некогда знал я одного Марэка. Это было давно, я и не упомяну сейчас, как звали этого человека... ну продолжай.

Мне пришлось рассказать про гибель отца и братьев в результате нападения на нас Омиса Обэка с отрядом головорезов. Но про то, что произошло у Жертвенника я не упомянул. Я сказал, что мне удалось бежать и я заблудился в Степи, где меня и подобрал Санбек. Сам же Санбек то и дело боязливо поглядывал на меня и беспокойно ёрзал на своём месте. Барут оглядел его многозначительным взглядом, но ничего не сказал.

— Чем ты можешь быть полезен для нашей общины? — спросил меня Барут.

— Я могу ходить в Степь на охоту или заниматься сбором съедобных и лекарственных растений.

— Это хорошо, — протянул властитель подземелья, — так и быть, дам я тебе приют в катакомбах. Но правила у нас жёсткие. Ты должен беспрекословно слушаться меня и ничего не таить. Понял?

— Понял, — кивнул я, а в душе моей kloкотало возмущение, но я во время взял себя в руки.

— Санбек, выдели ему свободную нишу. Пусть обживается. А через пару дней возьми его на промысел. Посмотрим, что он насобирает и будет ли от него толк.

Таким образом я сделался новоиспечённым жителем катакомб и подданным бывшего разбойника, который, видимо, не изменил свой хищный нрав. Мне оставалось лишь гадать, что же уготовила для меня судьба. Пока я был обездоленным молодым человеком, лишённым всего: семьи, крова, друзей, слуг, состояния. При таких условиях начинался новый этап моей жизни.

Глава 6. Подвиг Хизара

Я довольно быстро освоился в лабиринте ходов, коридоров, бесчисленных туннелей и кратеров. Уже через две недели я мог более менее ориентироваться в подземелье. Теперь мне не составляло труда добраться до юраки Лиманы, где она оказывала медицинскую помощь всем нуждающимся в этом, или же направиться в складские помещения, кладовые, оружейную, которые, естественно, находились под охраной. Я без труда передвигался из одной части Убежища в другую.

Нишу, которую мне выделили для проживания, нельзя было назвать юракой. Она даже круглой не была. Вытянутое с севера на юг помещение, едва вмещавшее в себя спальное место и малюсенький столик для принятия пищи. Личные вещи, которых у меня на тот момент не было, предполагалось хранить в углублениях в стене. Спал я на верблюжьей шкуре, весьма потрёпанной надо сказать.

Питался я скромно, как и большинство местного населения. Тынча и здесь стала основой рациона. Днём, когда Степь была относительно безопасна, люди выбирались на поверхность и собирали карликовое просо. Стояла осень, как раз подходящее время для сбора урожая. Кроме того просом необходимо было запастись впрок. Приближались холода, а всем известно, что подмороженное просо есть уже нельзя, так как оно становится ядовитым.

Мы с Санбеком торчали целыми днями в Степи и набивали мешки этим зерном.

— Как же хранить просо зимой? Оно же промёрзнет и сделается непригодным для пищи? — недоумевал я.

— Не беспокойся, приятель, — махнул рукой Санбек, — сегодня я покажу тебе, как мы обогреваемся в холодное время года и как обогреваем кратеры, предназначенные для проса. Это целая наука.

— Любопытно будет узнать, — я был заинтригован.

В конце рабочего дня мы взвалили тяжёлые мешки на плечи и отправились в Убежище. Предстояло волочить их ещё и по туннелям, благо склады были недалеко.

Пыхтя, мы кое-как достигли цели. Стражники, охранявшие вход в катакомбы, помогли нам спустить вниз мешки.

— Ну а дальше вы сами, ребят, — с сочувствием сказал Гурик, добродушный верзила, являющийся одним из стражей.

— Я бы с удовольствием поменялся с тобой местами, Гурик, — проговорил Санбек, — стой себе у входа, да охраняй. Не то что мы таскаемся по Степи, а потом ещё и ворочаем эти кульки.

— Зато у вас жизнь интереснее, — отозвался верзила, — а мне скучно тут торчать целыми днями.

— Почему же не попросишься в охотники или в собиратели, как мы? — удивился я.

— Я просился, — вздохнул Гурик, — да Барут не пустил, сказал, что ему нужен такой сильный воин, как я.

— Опять Барут всеми распоряжается, — проворчал я.

— А как ты хотел? — спросил Санбек. — Он отправился в Рябую Степь и нашёл эти пустые кратеры, он начал рыть туннели, он поселил здесь первых людей. Конечно, Барут — наш лидер, а как иначе?

— Лидер должен прислушиваться к своим подчинённым, — возразил я, — а не самодурствовать, ввергая подданных в уныние.

— Тихо ты! — цыкнул на меня Санбек. — Хочешь, чтобы у нас были проблемы из-за твоей болтовни?

Мне пришлось замолчать. Мы потащили мешки по просторному коридору. Проход уткнулся в большой кратер, над которым соорудили земляной потолок, изолируя его от внешней среды. Здесь-то и находился склад с просом. Мы втащили свою ношу. Только тут я заметил, что посреди склада кто-то выложил очаг из камней.

— Это я вчера постарался, — кивнул на очаг Санбек, — будем всю зиму обогревать склад огнём. Жарко, конечно, не будет, но зерно не промёрзнет. Главное следить, чтобы огонь не гас.

— В Степи нет столько хвороста, — я скептически поджал губы.

— А мы жиром топить будем, — парировал парень.

— Верблюдов тоже у поселенцев нет. И нет свиней. Откуда жир? — недоумевал я.

Санбек загадочно улыбнулся и сказал:

— Пойдём. Пришло время показать тебе кое-что.

Мы вышли со склада и отправились по коридору, ведущему на юг. Шли мы не долго. Потом Санбек указал на уходящие вниз ступеньки, которые можно было разглядеть при помощи факела. Их на стене было два. Санбек снял один из них и начал спускаться по ступеням. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру. Ну и долго же мы спускались! Казалось, ступени вели в самую преисподню. Сделалось душно.

— Куда ты меня ведёшь? — я начал нервничать.

— Не бойся, — хохотнул Санбек, — сейчас увидишь, откуда у нас жир.

Наконец мы достигли дна этого вертикального туннеля-колодца. Вправо уводил ещё один проход, но прошагали мы по нему совсем мало. И тут я увидел такое зрелище! Проход привёл нас в огромную подземную пещеру, так же освещённую факелами. На глиняном полу что-то шевелилось. Я пригляделся и понял, что это невероятных размеров черви. Они были настолько толстыми, что едва могли сдвинуть свои тела с места. Черви не имели глаз, зато у них имелся противный рот с многочисленными зубами. Эти мерзкие создания пожирали какую-то вязкую субстанцию кровавого цвета. Вонь стояла та ещё.

— Что это такое? — потрясённо спросил я, зажимая нос ладонью.

— Это подземные черви, — сообщил Санбек. — Видишь, какие они жирные!

Белые слепые черви и правда поражали своим размером. Некоторые из них в объёме могли потягаться с самыми большими толстяками. Когда они двигались, подкожный жир, свисающий складками, тряся, будто студень. Я взял у Санбека факел и решил рассмотреть тварей более тщательно. Прямо передо мной копошился небольшого размера червь, видимо, личинка. Он жевал зловонную кровавую массу. Вдруг к своему ужасу и отвращению я увидел торчащую из этой массы человеческую руку, местами обглоданную или переваренную. Меня тут же вырвало. Я отплёвывался, харкал, хрипел.

— С тобой всё хорошо? — встревожился мой спутник.

— Там рука! — вскричал я. — Эти твари едят людей!

— Ну не людей, а то, что от них осталось, — невозмутимо произнёс Санбек.

— Что?!

— Видишь ли, черви эти падальщики. Но они не могут сразу поглощать труп. Сперва червь, обнаружив бездыханное тело, вымазывает его своими слюнями, которые начинают

размекчать мёртвую плоть, буквально переваривать её. Вскоре труп превращается в это кровавое желе, а тварь его спокойно поедает.

Я смотрел на парня ошалелыми глазами. Ужасные мысли в моей голове закрутились, подобно вихрю, уничтожающему всякую надежду на лучшую жизнь. Я озирался по сторонам и видел многочисленные кучки такого желе из мертвецов.

— Откуда здесь столько мёртвых людей?! — заорал я.

Санбек как-то сжался, занервничал. Его глаза забежали из стороны в сторону. Я кинулся к нему и, схватив за грудки, припёр к глиняной холодной стене.

— Откуда здесь столько мёртвых людей?! — рыча, я повторил свой вопрос.

— Это казнённые, — выдавил Санбек, — те, кого Барут приговорил к смерти за какой-нибудь проступок. Таких приводят сюда, их убивают, а телами занимаются черви.

Я потрянул его как следует и с силой отшвырнул от себя. Парень не удержал равновесия и плюхнулся в одно из таких желе. Червь, жующий эту кровавую трапезу, от удара откатился в сторону и противно завизжал, выказывая своё возмущение. Санбек, весь измазанный нечистотами, поднялся. Вониче усилилось. Теперь вырвало его. Я с ненавистью осмотрел помещение ещё раз и вдруг взгляд мой вновь упёрся в желе из трупов. На этот раз потрясение оказалось ещё более жестоким: я увидел в этой массе руку, слишком маленькую, чтобы принадлежать взрослому человеку. Мной овладела ярость. Я почувствовал, как жар переполнил моё сердце. Подбежав к Санбеку, который не успел среагировать, я ухватил его за шиворот и подтащил к страшной находке.

— Значит и детей казнят?! — проревел я.

Санбек перепугано заёрзал, но моя хватка оказалась крепкой, парень не смог вырваться.

— Ты тоже убивал этих несчастных? — гневно спросил я.

— Нет! Нет! — замотал головой юноша. — Я лишь был свидетелем исполнения приговоров.

— И ты ничего не сделал, чтобы остановить расправу над ребёнком?

— А что я мог поделать? — пропищал Санбек. — Вступить в схватку с палачами, чтобы и самому стать таким же желе? Послушай, Хизар, жизнь куда более жестока, чем ты предполагал, сидя в своей юраке в благоприятные для твоей семьи времена. Тут уж ничего не поделаешь. На твоём месте я бы не стал так волноваться...

— Но ты не на моём месте! — прервал я его и вновь с силой оттолкнул от себя. Гнев клокотал в моём сердце, изливаясь в душу полноводным потоком. Я заметил обугленную палку, валявшуюся на полу. Это был потухший факел. Я схватил её и принялся ею бить червей да с такой силой, что ошмётки их плоти разлетались по сторонам. Поднялся дикий визг убиваемых тварей. Санбек бросился на меня сзади и заорал:

— Остановись! Ты подпишешь себе смертный приговор! Если Барут узнает о твоём поступке, он убьёт тебя! И меня тоже!

Я остановился, тяжело дыша.

— А тебя-то за что?

— Это ведь я привёл тебя в Убежище, — объяснил Санбек, — если ты провинишься, то я разделю с тобой наказание. Таков закон катакомб.

— Его, разумеется, тоже Барут придумал? — процедил я.

Санбек поспешно закивал головой. Я отшвырнул от себя палку и, развернувшись, зашагал к ступеням, чтобы покинуть это жуткое место.

Неделю я не разговаривал с Санбеком. Во время наших вылазок в Степь я хранил

молчание. Мрачные мысли продолжали терзать меня. Ну не мог я смириться, что и здесь, вдали от немилосердных правителей, мы опять терпим нужду и трясёмся от страха перед хозяином катакомб. На Санбека я злился за то, что он делает вид, будто всё нормально. Как он может смеяться, когда подземным червям скармливают детей? Я удивлялся почему до сих пор не подняли шум по поводу убийства нескольких червей. Санбек сообщил мне, что он позаботился об этом, уничтожив останки тварей. Но я по-прежнему лишь молча выслушал его, не удосужившись хоть как-то прокомментировать эту информацию.

Но как бы я не злился на приятеля, всё-таки вскоре случилось происшествие, которое нас помирило, по крайней мере мне так сперва казалось. Мы с Санбеком отправились за прятанками. Эти ягоды ещё можно было найти между камнями. Решили отправиться к Жертвеннику, так как там много валунов, которые так любит это растение. Во время пути нас настигла небольшая песчаная буря. Не та, что вызвана степным лихом, а самая обыкновенная. Угрозы для жизни не было, но зато буря сорвала наши планы: она бушевала несколько часов. Всё это время мы сидели между двумя валунами и переживали это стихийное явление. Как назло в тот день мы припозднились и во время не вышли на промысел, поэтому когда буря стихла, солнце уже почти закатилось. Жертвенник был совсем близко. Я даже видел его столбы.

— Придётся возвращаться ни с чем, — сказал Санбек, не особо надеясь, что я удостою его ответом, — скоро стемнеет и проснётся лихо Степи.

Но я молча всматривался в столбы, не слушая его.

— Хизар, уходим! — чуть более требовательно сказал парень.

— Тихо! — коротко ответил я и продолжал наблюдение.

— Да что такое? — разозлился Санбек.

— Там человек! — воскликнул я, убедившись в своём предположении. — Кто-то кричит, слышишь? Кого-то приковали к столбам!

Я бросился бежать к Жертвеннику. Санбек с проклятиями побежал следом.

— Какое нам дело до приговорённых? — сбивая дыхание, кричал он. — Нас сожрёт огонь! Или ночные твари!

Я не отвечал и продолжал бежать.

— У нас даже нет оружия! — возмущался Санбек.

Так мы и бежали: он орал, а я игнорировал его. Вскоре мы оказались на вершине холма. Я сразу оценил обстановку: она была не из лучших. Новыми цепями к столбам была прикована светловолосая женщина, облачённая в грязную серую рубаху. Она лежала на животе, не имея возможности вырваться. Рыдания сотрясали её тело. Санбек замер от удивления. Я бешено соображал, что же делать. Оглядевшись по сторонам, заметил булыжник величиной с два кулака, схватил его и подбежал к несчастной. Начались попытки камнем сбить оковы. Санбек заметался из стороны в сторону.

— Что ты делаешь?! — орал он. — Мы не сможем её освободить! Не успеем! Смотри: солнце почти село!

— Если хочешь, проваливай! — рявкнул я.

Женщина продолжала биться в истерике.

— Проваливать? — переспросил Санбек. — А как я буду оправдываться перед Барутом? Как объясню твоё отсутствие? И потом эта женщина рабыня, зачем её спасать? Её жизнь ничего не стоит, зато мы можем лишиться наших!

Я не слушал его и продолжал свои попытки. Оковы поддавались с трудом, но всё же

одну руку жертвы мне уже удалось освободить.

— Ты упрямый кретин! — негодовал Санбек, но, увидев, что увещавать меня бесполезно, принялся помогать мне.

Парень нашёл подходящий камень и приступил к работе. Когда мы сбили с несчастной оковы, солнце уже село. Мир погрузился во тьму. Женщина лежала на земле не шевелясь. Я аккуратно тронул её за плечо. Тут она вскочила и понеслась прочь, я бросился за ней. Женщина споткнулась и упала. Она перевернулась на спину и отчаянно завизжала, испытывая ужас от моего приближения.

— Не бойся! — крикнул я и поднял руки вверх в знак мирных намерений. — Я не обижу тебя! Видишь, всё хорошо. Заплаканное лицо незнакомки было перепачкано так, что я не мог определить её возраст, к тому же было темно. Санбек подбежал к нам.

— И что теперь делать с этой умалишённой? — раздражённо спросил он. — Своими воплями она привлечёт к нам ненужное внимание.

И тут же в подтверждении этих слов послышалось рычание. Мы обернулись, но никого не увидели за валунами.

— Быстрее! Прячемся! — прошептал я и, схватив женщину за руку, утянул её за большой камень. Санбек спрятался за земляным бугром напротив. Мы затаили дыхание. Женщина изредко всхлипывала, поэтому я зажал ей рот, и она послушно замерла. То, что мы увидели через пару мгновений, навсегда запечатлелось в моей памяти. Мимо нас, сперва ничего не замечая, проскакало огромное существо. Сперва я не понял кто это, но потом, разглядев на монстре мех и увидев его длинный хвост с кисточкой на конце, я сообразил, что это тушкан. Монстры эти чем-то смахивали на обычных тушканчиков, но отличались исполинскими размерами и кровожадностью. Я так испугался, что даже сперва не понял, что отчётливо вижу в темноте. В былые времена я бы в таких условиях не смог различить полоску белой шерсти вокруг короткой шеи, чёрную окаймовку круглых ушей, длинные усы. Мне были бы заметны лишь два горящих красных глаза, исполненных жаждой крови. Но теперь я разглядел мельчайшие подробности внешности монстра. Ни одна шерстинка не утаилась от меня в тусклом свете звёзд. Тушкан остановился. Замер. Начал двигать гигантским носом, улавливая запахи. Он был выше человеческого роста. Передние лапы оснащены длинными когтями, а в пушистой кисточке хвоста спрятана смертоносная игла, полная яда. Тушкан медленно развернулся в нашу сторону, впереv красные глаза прямо в нас. Женщина дёрнулась, камни под её ногами зашуршали. Чудовище издало жуткий крик. Я понял, что нам конец. Убежать от прыгающего на задних лапах монстра не сможем даже мы с Санбеком, что уж говорить об ослабевшей рабыне. Приготовившись к смерти, я внезапно почувствовал жар в груди и в тот самый момент, когда тушкан рванул к нам, моя рука непроизвольно вытянулась вперёд, а из ладони вырвалась струя пламени! Боль я не чувствовал, только невероятную мощь, исходившую из моего тела. Огненная струя врезалась в тушкана, и тут же монстр завизжал, объятый пламенем. Он сгорал, метаясь по каменистой почве и поджигая жухлую осеннюю траву. Запахло палёной шерстью и плотью. Женщина смотрела на меня с нескрываемым ужасом. Да что сказать, я и сам был в шоке. Санбек вжался в землю, не смея двинуться с места. Неожиданно со стороны Жертвенника раздалось яростное рычание. Стало понятно, что сородичи тушкана услышали его отчаянное верезжание, которое, впрочем, уже затихало.

На нас бросились сразу три тушкана: один такой же крупный, как и тот, чья туша начала догорать, и два поменьше, но не менее свирепые. Эти порождения Степи окружили меня и

женщину. Санбек, увидев такую картину, вскочил и побежал прочь, но один из мелких тушканов его нагнал в два прыжка и ударом передней лапы повалил на землю. Я понял, что если что-то нем предпринять, парню конец. Воздев руку, я мысленно напрягся, призывая огонь. И у меня получилось! Струя огня, как и в прошлый раз, не причинив мне никакого вреда, вырвалась из моей ладони и поразила чудище. Санбек успел перекатиться с того места, на которое упал, иначе горящий монстр рухнул бы на него. Я перевёл взгляд на самого крупного тушкана. Монстр яростно ударил своим хвостом по земле. Я понял, что следующий удар будет нанесён мне и успел приготовиться. Как только тушкан метнул в мою сторону свой смертоносный хвост, я отпихнул в сторону женщину, чтобы та не пострадала, а сам подпрыгнул. Хвост, взметая верхний слой почвы, пронёсся под моими ногами. Приземлившись, я тут же схватил хвост чудища одной рукой и сильно дёрнул. Тушкан не удержал равновесия и завалился на бок. Его сородич, наблюдавший за схваткой, не решался в неё вступить. Большой тушкан вскочил и метнулся ко мне. Перед моим лицом щёлкнули гигантские зубы, способные перекусить человека пополам. И в эти самые зубы я ударил ногой. Тушкан заревел и попытался убить меня когтями передней лапы. Я увернулся и, сосредоточившись, вновь выпалил огненной струёй. Немного промахнулся: огонь лишь опалил длинные усы. Однако этого оказалось достаточно, чтобы чудище передумало нами поужинать. Тушкан отскочил, а затем, что-то проскрежетав своему собрату, пустился наутёк. Мелкий тушкан поскакал за ним.

Некоторое время от пережитого шока мы не могли говорить. Санбек постанывал, видимо, получив ранение. Я, шатаясь, подошёл к нему и прохрипел:

— Дай посмотреть.

Он, крехтя, перевернулся на живот. Одежда на его спине оказалась порвана, обнажая три кровавые полосы: следы от когтей тушкана.

— Рана неглубокая, — облегчённо вздохнул я, — Лимана тебя подлатает.

— Кто ты такой, Хизар? — вместо ответа спросил парень.

— Я не знаю... человек...

— Хизар! Ты без оружия убил двух тушканов! У тебя пламя из руки вырывается! Кто ты?

— Да не знаю я! — голос мой сделался жёстким. — Ничего такого раньше со мной не происходило.

Я встал и подошёл к запуганной женщине. Увидев её бешеные глаза, подумал, что бедняжка от пережитого лишилась рассудка. Я протянул ей руку, но она отскочила от меня и попыталась убежать. Однако сил ей на этот манёвр явно не хватало. Ослабевшие ноги её запутались, и она упала. Я подходил к ней медленно, стараясь не пугать. Женщина не шевелилась.

— Она что умерла? — спросил Санбек.

— Надеюсь, что нет, — отозвался я, — наверное просто сознание потеряла.

Так и оказалось. Несчастная дышала, но ни на что не реагировала.

— Идти сможешь? — спросил я у парня.

— Смогу, — пробурчал Санбек и с трудом поднялся на ноги.

Я взял женщину на руки.

— Пошли. Пора возвращаться в Убежище, — сказал я приятелю, — и смотри у меня: про женщину эту и про всё, что здесь произошло, Баруту ни слова! Понял?

— Понял, — промычал Санбек, и мы поплелись в сторону катакомб.

Глава 7. Оковы рабства

Глаза здоровяка Гурика часто заморгали, когда он увидел нас возле входа в Убежище.

— Я уж думал вас сожрали! — возбуждённо затараторил он. — Темно ведь уже, а вас нет и нет. А это, что за мешок с костями ты тащишь, Хизар?

— Это женщина. Она без сознания, — сообщил я, — и у меня к тебе просьба, Гурик, не говори никому о ней.

— Но Барут должен знать о каждом новом человеке в катакомбах, — возразил стражник.

— Если ты проболтаешься, я вынужден буду тебя убить, — жёстко ответил я и уставился на Гурика.

Тот почему-то попятился от меня, ещё чаще заморгал короткими ресницами, обрамляющие узкие тёмные глаза.

— Что с твоим лицом, Хизар? — ошарашенно спросил он.

— А что с его лицом? — удивился Санбек и посмотрел на меня, — О! Что это?!

Я ничего не понимал и потому начал злиться, тем более, что я порядком устал, неся свою ношу по Степи. Теперь ещё эти двое странно себя ведут.

— Хизар! У тебя красные глаза, — промямлил испуганно Санбек, поднося факел к моему лицу, — и по коже бегают языки пламени!

— Ты сдурел что ли? — негодовал я.

— Да правда, Хизар, — закивал головой Гурик.

— Он ещё только что будучи безоружным убил двух тушканов и ещё двух обратил в бегство, — сказал парень стражнику. Тот ошарашенно глядел на меня.

— Ну-ка, ну-ка, стой, — Санбек начал вглядываться в моё лицо, — глаза твои вновь потемнели, а пламя с кожи исчезло.

— Ну неужели! — скептически ответил я и начал двигаться вглубь подземелья.

— Ты и в самом деле пока никому ничего не говори, — услышал я за спиной голос Санбека, обращающегося к стражнику, — сперва разберёмся, кто он такой.

Путь наш лежал в юраку целительницы. Когда мы вошли в знакомое помещение, дети Лиманы уже спали. Сама женщина прибиралась в жилище при тусклом свете жировой свечи. Я невольно поёжился, вспомнив, откуда и каким образом добывается этот жир. Женщина очень удивилась посетителям в такой поздний час. Санбек сбивчиво рассказал ей о случившемся.

— Так, сперва осмотрим эту несчастную, — сказала Лимана, внимательно посмотрев мне в глаза, — а потом я осмотрю тебя, Хизар.

Она принялась за своё ремесло. Женщину я положил на шкуру и сам отошёл, чтобы не мешать Лимане. Целительница указала Санбеку на глиняные кируки и на котёл возле очага, мол, перекусите пока. Мы принялись за поздний ужин. Тем временем Лимана принесла воды и обмыла лицо и руки несчастной. Кроме того целительница зажгла факел, и жилище наполнилось светом. Я взглянул на спасённую мною женщину и понял, что это молодая девушка. Утончённые черты лица её, отмытые от грязи, теперь были чётко видны. Светлые волосы струились вдоль тела. Тёмные дуги бровей поражали своей изящностью. Лимана что-то влила несчастной в рот и та встрепенулась, открыла глаза, заморгала длинными ресницами. Я замер, поражённый красотой её больших голубых глаз. Девушка приподнялась,

опираясь на локти, и стала обеспокоенно озираться по сторонам. Лиману она увидела сразу и уставилась на неё. В больших глазах застыл вопрос.

— Не беспокойся, дорогая, — мягко сказала целительница, — ты в безопасности. Ранений у тебя нет.

— Вот именно, — проворчал Санбек, — следовало бы меня сперва осмотреть, а не эту рабыню. У меня то царапины во всю спину.

— Разве ты не мужчина и не можешь потерпеть? — с раздражением спросила Лимана. Девушка посмотрела в нашу сторону и, заметив нас, как-то съёжилась.

— Ты пугаешь её своими речами, — укоризненно проговорила Лимана.

— Меня пугает больше Хизар, извергающий из своего тела огонь, — проворчал парень.

— Я и сам этого пугаюсь, — признался я.

Лимана пригласила Санбека в отдельное помещение, где она при нашем знакомстве обрабатывала рану Одноглазому. Санбек поплёлся туда, раздеваясь на ходу. Спина его ещё кровоточила, но даже я понимал, что раны неопасные.

Я наложил в кируку тынчу и приблизился к девушке.

— Вот. Поешь, — предложил я.

Девушка не стала отказываться и заработала деревянной ложкой, жадно проглатывая еду. Я же принёс ей воды.

— Благодарю вас, добрый господин, — тихо пролепетала она, когда трапеза была окончена.

— Я не господин больше, — ответил я, — да и ты больше не рабыня. Я спас тебя не для того, чтобы ты продолжала жить в рабстве. Здесь, вдали от города, нравы не такие суровые.

Я откровенно врал, чтобы успокоить напуганную девушку. Она, видимо, почувствовала эта и смотрела на меня с недоверием.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Меня зовут Илона, — представилась девушка.

— А я Хизар. Парень, что был с нами Санбек, а целительницу зовут Лимана. Как ты оказалась на Жертвеннике?

Лицо моей собеседницы помрачнело. Она вздохнула и чуть слышно произнесла:

— Я совершила непростительное деяние.

— Какое же? — я был заинтригован.

— Я чуть не убила своего господина, — всхлипнула Илона и затряслась.

— Очень любопытно, — протянул я, — и что же произошло?

— Я жила в Степи в деревне, принадлежащей клану Обэк...

— Что?! Клану Обэк?! — я сжал кулаки, услышав о ненавистном клане.

Илона вжалась в стенку и обняла колени руками. Я это заметил и смягчил свой голос:

— Продолжай, не бойся.

— Омис Обэк, глава клана, постоянно издевался надо мной, — девушка едва не расплакалась, — мало того, что он сделал меня своей наложницей, он избивал меня за малейшую провинность.

Я вгляделся в её красивое лицо.

— По лицу он меня не бил, — торопливо заговорила девушка, — зато ноги и руки все в синяках. Она задрала длинную рубаху и я увидел на белой коже синюшные пятна и следы от ожогов.

— Он и пытал тебя?

— Он раскалял над очагом гвозди и прижигал ими мою кожу, — девушка не выдержала и расплакалась. Я нахмурился.

— Вчера я не выдержала издевательств. Когда Омис повалил меня на ложе, я выхватила из ножен, висевших у него на поясе, кинжал и попыталась ударить им насильника.

— Получилось? — с надеждой спросил я.

— Нет, — пропищала девушка, вытирая слёзы, — точнее я его ударила, но не сильно... испугалась в последний момент...духу не хватило...на теле Омиса появилась лишь царапина...

— Жаль, — процедил я.

— К моему удивлению в этот раз хан Омис меня не избил. Он лишь расхохотался, видя мою слабость. Его забавляло всё это. Но покушение на хана нельзя оставлять безнаказанным. Омис, удовлетворив свою похоть, связал меня, а наутро приказал отвести к Жертвеннику. Его воины с удовольствием выполнили поручение. В полдень мы пересекли Границу Безопасности. Я умоляла отпустить меня, но они лишь ухмылялись. Надругавшись над мной, они приковали меня к столбам. И хотя осеннее солнце уже не испепеляет зноем Степь, я несколько раз теряла сознание. А потом я услышала голоса. Это были вы с Санбеком.

Илона замолчала, пряча лицо в ладонях. Она плакала. Я сидел мрачный и разозлённый. Ещё одна жертва этого ублюдка. Но у меня-то хватит духу прикончить эту тварь. Жажда мести kloкотала в моём сердце. Я пока ещё не знал как, но был уверен, что отомщу Омису за смерть близких и за страдания этой бедняжки.

— Как ты попала в рабство? — спросил я у Илоны больше для того, чтобы успокоиться.

— Я не помню, — не поднимая головы всхлипнула она, — мать, покуда была жива, много рассказывала мне о нашей родине. Мы с запада. Однажды на наш посёлок напали враги. Они перебили всех мужчин, а женщин и детей пленили, чтобы затем продать в рабство. Так мы оказались в стране ахаров. Омис Обэк купил нас на невольничьем рынке.

— В твоей стране нет рабства, ведь так? — спросил я, припоминая рассказы странников.

— Нету, — подтвердила Илона моё предположение, — люди наши свободны, хотя и бедны. Они могут беспрепятственно передвигаться по стране. Имеют права даже учиться в университете.

— Что такое университет? — удивился я незнакомому слову.

— Я и сама толком не знаю, что это, — задумчиво произнесла Илона, — знаю только, что в университетах этих люди становятся умными и способны даже делать какие-то открытия и что-то изобретать.

Я припомнил рассказы путешественников, часто гостивших в нашей юраке, о том, что на западе люди достигли невероятных результатов. У них есть флот из бесчисленных кораблей, они будто бы изобрели оружие, способное убивать на расстоянии, но это не лук и не арбалет, а что-то более грозное и смертоносное. Уж не пойдут ли люди запада на нас с таким оружием?

— Оковы рабства мешают нам развиваться, — задумчиво произнёс я.

— Что ты сказал, приятель? — услышал я за спиной голос Санбека и обернулся. Парень широко улыбался, довольный тем, что Лимана обработала его раны каким-то снадобьем и они теперь не болят. Белая прядь яркой полосой выделялась на фоне его чёрной шевелюры, и я вспомнил, что он почти маг.

— Как думаешь, что сильнее: магия или знания? — спросил я.

Санбек задумался.

— Не знаю, — пожал он плечами, — а что?

— Я считаю, что ахары намного отстали в развитии от иных племён, — озабоченно начал я, — не было бы у нас рабства, люди бы учились в университетах, изобретали бы новое оружие...

— Так. Ты это...прекращай свои идеи развивать...они и так привели к гибели твоего клана... — произнёс назидательным тоном Санбек.

— А если мы не начнём развиваться, это приведёт к гибели всего нашего народа! — горячо возразил я и почувствовал, как по сердцу разливается жар.

— Опять у тебя глаза покраснели, — Санбек попятился.

— Хизар! Пойдём, я осмотрю тебя.

Я подчинился, стараясь унять злобную дрожь в руках.

Лимана задумчиво разглядывала меня целый час. Она то просила поднять обе руки кверху, то задрать ногу. Мне уже порядком надоело щеголять перед ней в одних трусах, но целительница была настойчива. Что-то её явно беспокоило. Я слышал, что в соседней комнате Санбек что-то говорит Илоне и интонации его голоса мне не нравились.

— Странно... — пробормотала Лимана, — у тебя кожа горячая, но выглядишь ты здоровым. И потом... твои глаза и правда меняют цвет. Когда ты что-то с жаром говорил сейчас Санбеку, твои глаза стали красными, как яркий огонь. Санбек ещё что-то говорил про языки пламени, бегавшие по твоему лицу. Сейчас их нет. Но если Санбек не врёт, то это всё очень удивительно.

Вдруг я вздрогнул, услышав резкий визг девушки. Мы с Лиманой ринулись к Илоне. Дети от крика проснулись и заплакали. Я вбежал в юраку первый и увидел, что Санбек всем своим телом навалился на спасённую мной девушку и пытается разорвать на ней одежду. Не знаю, что произошло, но я почувствовал такую ярость! Она словно обжигала меня. Я подскочил к Санбеку и, схватив его за шкуру, отшвырнул в сторону. Парень пролетел до самой стенки и, врезавшись в неё, рухнул на шкуру верблюда. Лимана, увидев моё лицо, попятилась. Санбек закашлял, видимо, удар о стену получился не хилым. Он поднялся, изрыгая ругательства. Пошатываясь встал и собирался броситься на меня с кулаками, но так и застыл. Лицо его вытянулось от изумления.

— Не смей трогать эту девушку! — прорычал я, не узнав свой голос.

— Хизар, успокойся, — дрожа, попросила меня Лимана, — успокойся, пожалуйста.

— Что вы так напуганы? — ухмыльнулся я. — Опять мои глаза покраснели?

— И не только это... — проговорила целительница. Она отступила к нишам в стене и что-то, порывшись, достала из этих земляных кладовых. Это был кусок зеркала, роскошь для жителей катакомб. Молча женщина вручила мне неровный кусок этого чудо-изобретения, которое можно купить за большие деньги у торговцев с запада. Я взглянул в зеркало и сам испугался своего отражения. Кожа на моём лице потрескалась. Из трещин вместо крови вырывались маленькие огненные языки. Причём боли я никакой не ощущал, только понял, что тело моё нагрелось.

— Санбек, — глухо произнёс я, — не знаю, что со мной происходит, но тебе лучше меня не злить.

— Так я...это...я ж ничего такого не делал, — запинаясь промямлил парень, — эта бледнокожая всего лишь рабыня...она предназначена для ... для удовлетворения

потребностей ахаров. Ведь мы её спасли, пусть теперь платит...

— Это я её спас! — прошипел я и, подскочив к парню и прижав его к стене, продолжил, — если ты её хоть пальцем тронешь, поджарю, как тех тушканов в Степи! Понял?

— Понял! — испуганно взвизгнул Санбек.

Я отпустил его. Глубоко вздохнул, чтобы остудить свой гнев.

— Рабство — препятствие для развития нашего народа, — успокоившись, произнёс я. Мне оно теперь претит. Я и раньше не понимал той жестокости, с которой обращаются с рабами, а теперь вдруг ясно осознал, что рабские оковы делают нас слабыми. Имея рабов, мы и сами являемся рабами. Рабами великих ханов, рабами Степи... а ты ещё и рабом Барута.

— Но как же порядок, соблюдающийся веками? — Санбек всё ещё пытался влиять на мои мысли.

— Этот порядок давно не соблюдается, иначе бы в священные дни Харун-Даха никто не посмел бы обнажать меч! — рявкнул я, отчего Лимана вздрогнула, а Санбек вжался в стену. Что переживала Илона я не видел, но спиной чувствовал её страх.

— Хизар, — почему-то покорно произнесла Лимана, — быть может тебе суждено избавить свой народ от владычества немилостивых ханов?

Я посмотрел на неё. В глазах целительницы читалось благоговение.

— Думаешь, я и есть тот человек с огненным сердцем из легенд? — с сомнением спросил я.

— А как объяснить твоё острое чувство справедливости? — немного смелее спросила Лимана. — И как объяснить метаморфозы твоего тела?

Я задумался. Гнев мой утих. Устало опустившись возле очага, я спросил:

— Ну и как выяснить, кто я такой?

— Надо позвать Одноглазого, — предложила Лимана, — старик знает много тайн. Он мудр, как степная ящерица.

— Пожалуй, ты права, — согласился я.

— Отлично! Побегу за Одноглазым! — Санбек подскочил к занавеске, укрывающей выход из юраки.

— Стоять! — гаркнул я. Все вздрогнули. — Лимана, лучше ты сходи. Я пригляжу за маленькими Агыром и Шерикой. А то этот парень чего доброго понесётся не к Одноглазому, а к Баруту.

— Не надо сомневаться во мне! — возмутился Санбек.

— Я сказал, пойдёт Лимана! — отрезал я.

Целительница спешно покинула юраку, а я, подмигнув напуганным детям, продолжал сидеть и ждать, что из этого всего выйдет. Санбек тоже уселся, но подальше от меня. Илона всхлипывала в углу. Никто не решался заговорить со мной.

Я задремал, утомлённый событиями минувшего дня. Сквозь сон слышал, как возится возле очага малышня. Я с улыбкой подумал о маленькой хозяйке Шерике. Что если бы на моём месте был кто-то другой? Если кто-то другой пострадал бы от действий великого хана Амбы Кирыш и узнал бы, что девчонка — его дочь? Боюсь, при нынешних нравах бедного ребёнка искромсали бы мечом. А за одно и её мать вместе с братом. Я поморщился, чувствуя, как по сердцу снова разливается жар. Он словно чуял жестокость и несправедливость. Так что же со мной всё-таки произошло? И что теперь мне делать со своим огненным сердцем? Что скажет Одноглазый? И что скажет Барут, если узнает о том,

кто я такой? Он не обрадуется. Эта мысль заставила меня злорадно ухмыльнуться. Похоже власти Барута скоро наступит конец, ведь я намерен многое изменить в Убежище. Прежде всего я заставлю людей уважать друг друга. Больше не будет различий между нами, арахами, и бледнокожими людьми, что бежали от своих господ в Степь. Они не должны быть унижены. Мы все вместе построим справедливое общество, общество без насилия и принуждения. Такие, как Илона, не станут больше бояться домогательств и избиений. Здесь не станут царить беспощадная сила и страх!

Мои мысли, копошившиеся в дремлющем мозгу, прервали голоса. Я встрепенулся и открыл глаза. Огляделся. Санбек смотрел на меня, нахохлившись, как перепуганный сыч. Илона спала. Дети тоже. Занавеска отодвинулась, впуская в юраку хозяйку. Следом за ней вошёл старик. Он замер, увидев меня.

— Здравствуй, Одноглазый, — поприветствовал его я.

— Здравствуй, Огненное Сердце, — улыбнулся посетитель.

— Сейчас я поведаю тебе обо всём, что произошло этой ночью, а ты скажешь мне, что теперь мне делать, — как можно более невозмутимо сказал я. Старик молча кивнул и уселся рядом со мной, готовый выслушать мою историю.

Я начал рассказывать. Иногда в моё повествование встречал Санбек, дополняя рассказ. Потом поделилась своими наблюдениями Лимана. Старик часто перебивал, выясняя детали. Наконец рассказ был окончен. Одноглазый уставился на огонёк, горевший в жировой лампе.

— Н-да... — протянул он, — не думал, что доживу до времени исполнения пророчеств...

— Думаешь, мне суждено повлиять на наш народ? На его судьбу? — спросил я.

— А почему бы и нет? — улыбнулся Одноглазый. — Ты вполне подходишь для этого. Хотя я ещё не уверен.

— А когда ты будешь уверен? — нетерпеливо произнёс я.

— Когда скажет своё слово Пророчица, — загадочно прошептал Одноглазый.

— Что ещё за Пророчица? — напрягся я.

— Она живёт в самом дальнем кратере. К югу от Грота собраний, — начал объяснять старик, — Барут её недолюбливает, поэтому приказал выселить на окраину. Он надеялся, что там до неё сможет добраться степное лихо, ибо её речи не угодны правителю катакомб.

— И как зовут эту Пророчицу? — хмыкнул я.

— Никто не знает её имени, — задумчиво отозвался старик, но всё, что она предсказывала, пока сбывалось.

— Значит мне надо к ней! — решительно заявил я.

— Погоди ты, — одёрнул меня старик, — Барут запрещает к ней ходить. По туннелям к ней тебе не пробраться, они охраняются стражей. Надо идти по поверхности. Путь к кратеру, где живёт Провидица, знаю лишь я.

— Ты проведёшь меня? — я схватил Одноглазого за руку и с надеждой заглянул в единственный его глаз.

— Проведу, — улыбнулся он, — туда всего-то полдня пути. Если выступим рано утром, возможно, до темноты вернёмся обратно. Тогда наше с тобой отсутствие не заметят.

— Если нас никто не выдаст, — буркнул я, посмотрев на Санбека. Парню я доверял всё меньше и меньше.

— Да не выдам я вас! — возмутился Санбек моим недоверием.

— Что бы ты ни говорил, ты пойдёшь с нами, — заявил я, — так я буду уверен в

безопасности Илоны, Лиманы и её детей.

Юноша хотел что-то возразить, но мой взгляд пресёк все попытки оспаривать это решение.

— Значит выступаем на рассвете, — твёрдо произнёс старик, — наконец-то мы выясним правду, а заодно, возможно, получим надежду на светлую и справедливую жизнь.

Глава 8. Пророчество

В Убежище было ещё темно, но мы точно знали, что там наверху первые лучи осеннего солнца начали растворять тьму. Они уже не грели так, как летом, но свою главную задачу исполняли — прогоняли степное лихо в недра земли. Ни огонь, ни тушканы, ни прочие чудища Степи не смели находиться под открытым небом в светлое время суток. Поэтому нам предстоял относительно безопасный путь. К счастью здоровяк Гурик нас не выдал, ничего не доложил Баругу о том, что я принёс в катакомбы Илону. Нам везло, ибо Гурик заступил на дежурство вчера вечером и потому на страже у входа в катакомбы был всё ещё он. Если успеем вернуться до заката, на посту будет всё тот же Гурик, он сменится лишь с наступлением темноты.

Дав подробные указания Лимане и Илоне о том, как скрыть появление девушки в подземелье от посторонних глаз, я, Санбек и Одноглазый двинулись в путь. Предстояло пройти несколько часов по Степи, надеясь не попасть в песчаную бурю. Я очень переживал за спасённую девушку. Слишком много она пережила, как бы не лишилась рассудка. Да ещё Санбек на неё набросился. Я продолжал злиться на него. Парень это чувствовал и явно нервничал. Одноглазый, напротив, был весел и разговорчив.

— Чему ты так радуешься, старик? — поинтересовался я.

— Тому, что у ахаров появился наконец предводитель, который объединит наши разрозненные племена в единую империю.

Я нахмурился. Уж очень меня пугала столь великая роль.

— А вдруг ты ошибаешься? Вдруг я не человек с огненным сердцем? — с некоторой надеждой спросил я.

— Нет, Хизар, — ответил Одноглазый, — я ещё когда в первый раз увидел тебя, почувствовал, что ты особенный. Ты не можешь быть обыкновенным человеком. Вспомни, ведь тебя не одолел подземный огонь, ты смог сопротивляться лиху Степи. Ты убил тушканов, спас рабыню, на которую другой бы на твоём месте и внимания не обратил. В преданиях сказано, что человек с огненным сердцем будет справедлив, жесток к негодьям и милосерден к несчастным и угнетённым.

— Прямо идеальный герой какой-то, — фыркнул я, — не уверен, что древние провидцы имели ввиду именно меня.

— Но тебе же приходили в голову мысли об объединении всех ахаров, о справедливом обществе, — напомнил старик.

— Если честно, эта идея принадлежала моему отцу, хану Азарку. Я лишь согласился с ним.

Старик не стал дальше спорить, а лишь хитро улыбнулся.

Солнце сверкало у нас над головой. Неровность рельефа создавала искажённое представление о расстояниях. Холмы вспучивались над поверхностью земли, словно прыщи на лице. Пейзаж не был унылым: осень расстаралась, раскрасила Степь в ярко-жёлтые, красные и бурые цвета. Трава, доходившая нам до поясицы, радовала глаз желтизной. От этого цвета становилось теплей, хотя морозов особых ещё не было. Заросли эриксы с его ветвистыми сухими стволами напоминали фантастических птиц, распушивших пышные хвосты. Говорят, есть страны, где обитают необыкновенно красивые птицы с огромным хвостом, который они демонстрируют восхищённым зрителям. Так и наш эрикс расправил

ветви с красными узкими листьями, словно говорил нам: «Вот смотрите, какой я красивый». А рядом стелился червьль, своими фиолетовыми листьями доказывая, что и он достоин восхищения. Но ахары любят червьль не за это, а за терпкий вкус чая, изготовленного из этих самых листьев.

— Это всё ещё Рябая Степь? — спросил я у Одноглазого.

— Да, — подтвердил он, — видишь же холмы, а меж холмами часто кратеры, пустые, к счастью. Поэтому то мы здесь и сделали Убежище.

— Не мы, а хан Барут, — вмешался в разговор Санбек и напустил на себя важный вид.

— Тебе, я вижу, нравится этот самодовольный нахал, — проворчал я.

Он не ответил. Мы продолжили путь.

Прошло ещё некоторое время, и вдруг Одноглазый ускорил шаг, приближаясь к малозаметному кратеру. Кратер этот замаскировался между двумя холмами. К моему удивлению я увидел, что к толстой коряге, торчащей из земли, привязана верёвка, спускающаяся в кратер.

— Она ждёт нас! — обрадовался Одноглазый, — иначе бы она не привязала верёвку, давая возможность спуститься в её жилище.

Санбек наклонился над впадиной и сказал:

— Что-то не хочется мне туда лезть.

Он отпрянул назад, но я одним прыжком настиг его.

— Полезай в кратер, — приказал я спокойно и властно.

Парень повиновался и первый ухватился за верёвку. После того, как он спустился, мы последовали его примеру.

На дне кратера властвовал полумрак. Песок и сухая глина осыпались со стен при резком звуке или движении. Я огляделся. Моё внимание приковал присыпанный песком скелет. Санбек, увидев его, вздрогнул. Старик приблизился к останкам и рукой смахнул сухую почву с посеревших костей.

— Ах! — выкрикнул Санбек и отскочил в сторону, когда Одноглазый своими действиями извлёк из песчаного плена вытянутый череп. У черепа почти не было зубов, лишь верхние клыки всё ещё держались за кость. Однако мы без труда узнали, кому принадлежат останки, и сердца наши обдало липким холодком.

— Цэрэг... — испуганно прошептал Санбек.

— Да, это его скелет, — хмыкнул Одноглазый. — Ящер погиб уже давно, не стоит пугаться мертвецов.

— Кто убил его? — недоумевал я.

— Почему думаешь, что монстр не умер от старости? — нервно спросил Санбек.

— Череп слишком мал, — объяснил я, — это был молодой ящер. Как известно, болезни их не берут, значит, кто-то прикончил эту тварь.

Вдруг из глубины подземелья раздался низкий женский голос:

— Его прикончил тот, кто поселился в этом кратере.

Мы остолбенели. Из кратера дальше под землю вводил тёмный туннель.

— Пророчица, это вы? — дрожащим голосом промямлил Одноглазый.

— Я, — слышался короткий ответ.

— Мы пришли к тебе за ответами, — как можно более твёрдым голосом произнёс я.

— Идите по туннелю, — приказала хозяйка кратера.

Мы повиновались. Сперва я думал, что туннель будет длинным, и приготовился к

неблизкому пути. Но туннель через шагов десять делал резкий поворот, впуская нас в ещё одно просторное помещение под землёй. Здесь уже были факелы, прикрепленные к стенам. В центре этого грота на шкурах восседала пожилая женщина, облаченная в истрепавшийся выцветший хатыль. Её седые волосы спутанными локонами спускались на земляной пол. Густые белые брови свисали над закрытыми щёлками глаз. Тонкие потрескавшиеся губы растянулись в улыбке. Пророчица шевельнулась, и бусы, украшавшие её старческое тело, многоголосо зазвенели.

Одноглазый пихнул меня в бок и поклонился, показывая пример. Мы с Санбеком склонились в поклоне.

— Я убила того цэрэга, чей скелет лежит у входа в мой кратер. Это было просто. Ящер не отличался жизненным опытом в силу своей юности. Сложно было истребить цэрэгов, обитающих в других кратерах. Они оказались старше и сильнее моей первой жертвы.

— Это вы убили цэрэгов в Рябой Степи? — прямо спросил я.

Пророчица повернула ко мне своё незрячее лицо и вновь улыбнулась, обнажая гнилые зубы.

— Я убила всех ящеров в округе. Лишь поэтому Барут смог организовать своё Убежище.

— Но хан рассказывает всем, что это он перебил цэрэгов, — горячо возразил Санбек.

— Барут не хан, — надменно ответила Пророчица, — он бандит, да и только.

— Я же говорил! — сказал я Санбеку. Тот уставился в пол, скрестив руки на груди.

— Барут убил бы и меня, если б смог, — усмехнулась старица.

— Но он не смог и потому поставил стражу, охраняющую вход в туннель, соединяющий ваше жилище и катакомбы. Он не хочет, чтобы жители Убежища ходили к вам, не хочет, чтобы вы влияли на их жизнь, — задумавшись, проговорил я.

— Но как вы живёте здесь одна? — удивился Одноглазый. — Как добываете себе пропитание?

— Насколько я понимаю, вы пришли за ответами на совсем иные вопросы, — ответила Пророчица. Голос её вдруг сделался строгим.

Одноглазый низко поклонился ей и многозначительно посмотрел на меня.

— Вы правы, почтенная, — я выпрямился и продолжил, — мы пришли узнать о судьбе ахаров. Смогут ли они создать своё государство или сгинут в пучине междоусобиц.

— Ты сам знаешь ответ на этот вопрос, Огненное сердце, — старуха хитро усмехнулась.

— Я же говорил, что ты человек с огненным сердцем! — обрадовался Одноглазый.

— Я могу им стать, — поправил его я, — а могу и не стать.

— Ты уже им стал, — возразила Пророчица, — ты уже пропустил через свою душу лихо Степи и впитал в себя его силу. Ты уже не можешь свернуть с этого пути.

— Что такое лихо Степи? Откуда оно? — я попытался повернуть разговор в другое русло.

— Степное лихо — это всё то зло, что творят люди, проживающие на этой земле, — заявила старуха, — Степь впитывает каждое убийство, насилие, каждую кражу и оскорбление. Ваши раздоры лишь подпитывают лихо. Оно крепнет, копит злобу и однажды выплеснется на ахаров убийственным потоком. Даже свет солнца не сможет остановить эту бурю. И время это вот-вот наступит.

— Ты хочешь сказать, что народу нашему грозит опасность? — уточнил я.

— Не опасность, — хмыкнула Пророчица, — ахарам грозит гибель. Полное уничтожение.

— Но... маги... — пролепетал Санбек.

— Их силы не хватит, чтобы противостоять такому напору, — ответила женщина, — поймите, это будет не просто атака Степи, которую так успешно сдерживает магический купол. О нет! Это будет как наводнение! Огонь вырвется из-под земли, он погонит перед собой всех монстров, жаждущих человеческой плоти. Тушканов, которых ты убил, Хизар, будут сотни. Песочные люди лавиной обрушатся на селения и города.

— Песочные люди? — удивился Одноглазый.

— Да, старик, — кивнула Пророчица, — ты уже в годах, но тебе никогда не доводилось видеть песочных людей. Но теперь, когда злоба переполнила недра Степи, появятся и они, эти древнейшие порождения ада.

— Мне это не нравится, — пробурчал Санбек.

Я стоял и напряжённо думал.

Молчали и мои спутники. Одноглазый нервно шаркал ногой по песку, Санбек ёрзал, желая что-то спросить, но не осмеливался.

Наконец я решил прервать эту мучительную паузу в столь волнительном разговоре:

— Как остановить лихо Степи?

Старуха расплылась в беззубой улыбке и сказала:

— Ты сам знаешь, Хизар, что напасть эту остановит человек с огненным сердцем. Судьба доверила тебе эту роль. Если хочешь спасти ахаров, вступи на этот путь. Но помни, что для достижения цели придётся быть жёстким правителем. Если ты начнёшь спасать свой народ, тебе придётся дорого заплатить за это.

— И какова цена? — как можно холоднее спросил я, хотя душа моя трепетала.

— Тебе придётся многих убить, — прокричала старуха, — я вижу кровь на твоих руках, кровь твоего соратника.

— Я убью соратника? — нервно усмехнулся я, — думаете, я способен на предательство?

— Это будет необходимая мера, — ответила Пророчица, — если ты его не убьёшь, ты предашь свой народ, людей, доверивших тебе твою судьбу. Ты должен быть сильным, Хизар.

— Но если я начну убивать, эти деяния не добавят ли сил степному лиху? — озадачился я.

Пророчица вновь улыбнулась. Эти её улыбочки начали меня раздражать.

— Ты должен карать лишь виновных, — как-то торжественно проговорила она. — От этого лихо будет только слабеть.

— Получается жестокость против жестокости, — задумался я, — невелик выбор.

— Но тебе придётся его сделать, — отозвалась Пророчица, — в Убежище оставаться нельзя. Скоро сюда хлынут все монстры Степи. Они двинутся на самый крупный город ахаров.

— Амбухат! — выпалил Санбек.

— Как я смогу остановить всё это? — меня начинали пугать такие перспективы.

— Ты должен собрать народ Убежища и двинуться на Амбухат! — заявила старуха. — Подчини себе горожан, стань их ханом, ведущим свой народ к победе.

— И только, — нервно засмеялся я.

— Не стоит не доценивать Степь, — проворчала Пророчица, — я вижу, ты хочешь верить, будто слова мои — ложь и бредни сумасшедшей старухи. Но ты скоро убедишься в правдивости моих речей. А теперь ступайте прочь. Мне надо подготовиться к собственной битве.

На лицах моих спутников читалось удивление, но никто не рискнул больше ничего спрашивать. Подавленные, мы поспешили покинуть жилище Пророчицы.

Когда выбрались на поверхность, солнце уже готовилось покинуть небосклон.

— Вечереет! — в панике воскликнул Санбек. — Может, переждём в кратере ночь?

— Ты слышал, времени нет, — задумчиво произнёс Одноглазый, — надо торопиться.

— Тогда придётся бежать, — заметил я.

— Пробежимся, что ж поделать, — прокряхтел старик.

— Тогда вперёд! — скомандовал я и мы припустили по шуршащим под ногами камням.

Два часа оставалось до заката. Всё это время мы то бежали, то переходили на быстрый шаг. Я удивлялся выносливости старика. Однако возраст в конце концов дал о себе знать, и, когда последний солнечный луч померк, Одноглазый с оханьем повалился на землю. Я тут же подбежал к нему. Санбек, ступавший впереди, просто остановился и застыл.

— Мы не успели до заката, — сплёвывая слюну, сказал старик, — нам ещё около часа бежать. Но я не смогу. Придётся оставить меня здесь.

— Нет! — выпалил я.

— Пойми, Хизар, Степь очнулась, — начал убеждать меня он, — мы не можем тобой рисковать, ты слишком важен для нашего народа. Уходите вместе с Санбеком, а я спрячусь где-нибудь среди валунов.

Я огляделся и не увидел никаких валунов, зато увидел заросли ломега, кустарника, из ветвей которого делают прочные жерди, вымочив их в молоке. У нас не было с собой и капли молока, но я прекрасно знал, что и без этой процедуры ветка ломега может послужить хорошую службу при обороне от нападавших. Уж больно прочные они у этого растения. К счастью в противовес прочности ветвей, корни ломега слабы, поэтому ухватившись за тонкий ствол, его легко можно выдернуть из земли. Это я и сделал. Вырвал три самых толстых ствола.

— Это что значит? — насторожился Одноглазый.

— Это значит, что мы теперь вооружены, — уверенно сказал я. — Полезай ко мне на спину, я понесу тебя. Если на нас нападут, воспользуемся этими палками.

Санбек скептически посмотрел на меня, когда я приблизился, неся старика на загривке, как мешок с диким просом. Я протянул ему ствол ломега.

— Отлично! — буркнул парень, — теперь мы вооружены до зубов! Не лучше ли одарить этим оружием Одноглазого. Пусть и в самом деле спрячется где-нибудь. Так мы с ним далеко не уйдём.

— Юноша прав, Хизар, — подал голос Одноглазый.

Но я не слушал их, спорить мне было неудобно, неся ношу на спине, поэтому я просто молча пошёл вперёд.

— Ну как хочешь, — хмыкнул Санбек.

Продвигались мы медленнее, чем хотелось бы. Сперва нас пугал малейший шорох, всякий крик ночной птицы, но потом страх отступил. По мере того как мы приближались к Убежищу, уверенность в том, что всё обойдётся, росла. Но она разбилась вдребезги, когда, увидев вход в катакомбы, мы увидели ещё и это. Не знаю, как описать тот ужас, что завладел нами. Недалеко от спасительной лазейки пески вдруг вздыбились и образовалось сразу несколько песочных смерчей. Они крутились с бешеной скоростью, хотя ветра не было. Этот факт потряс меня до глубины души, в которую начал заползать ледяной ужас. Потом стало ещё хуже: смерчи вдруг застыли, а через несколько мгновений облик их начал меняться: из

песка стали образовываться высокие человеческие фигуры. Это были песочные любии, гиганты, превышающие каждого из нас на несколько голов.

Я опустил старика на землю. Каждый из нас сжимал по палке, но разве такое оружие может уберечь от невиданных тварей?

— И что теперь? — пролопотал Самбек.

— Не знаю, — выдохнул я.

— Но ты же у нас герой, — с упрёком сказал юноша, — вот и придумай что-нибудь.

Думать мне не дали бросившиеся в атаку песочные люди. Они с диким воем кинулись на нас, как стая ополоумевших шакалов. Только с шакалами было бы проще справиться.

— Встать спинами друг к другу! — скомандовал я.

Спутники моментально выполнили моё требование. Песочный человек подбежал ко мне и попытался ударить огромной рукой, я отбил удар палкой. Рука монстра тут же рассыпалась.

— Бейте их! Они же из песка! — заорал я.

Тут же на нас ринулись и другие песочные люди. Мы яростно отбивались. Я уже было обрадовался, когда очередная песочная конечность рассыпалась, но вдруг я увидел, что опавший песок вновь поднимается в воздух и формирует руку, которая тут же возвращается к своему владельцу. Сколько бы мы не отрубали таких рук, ног и голов, они образовывались вновь.

— По-моему самое время воспользоваться твоими способностями! — прокричал Санбек. — Давай. Поджарь этих тварей!

Я напряг свою волю, но сделать ничего не мог. Я чувствовал, что сердце закипает, но по собственной воли извергнуть огонь из своих рук пока не мог. Пока я мешкал песочный человек наотмашь ударил меня по голове. Не знаю, рассыпалась ли его рука при этом, но мои мозги точно на тот момент пострадали. В глазах потемнело, я рухнул на землю. Когда зрение прояснилось, увидел, что старик и парень сражаются сразу с несколькими противниками. Песочные люди нависали на них сверху. Пытаясь вырвать палки. Я не заметил, что сзади ко мне подкрался один из этих монстров. Палка моя валялась далеко, видимо, я её выронил при падении и она откатилась. Санбек повернул ко мне голову и заорал:

— Хизар! Сзади!

Но было поздно. Меня подхватил песочный смерч и закрутил так, что я насилу мог дышать. Песчинки царапали мне лицо и руки. Вихрь начал поднимать меня над землёй. Я боялся, что монстр хочет сбросить меня с большой высоты. Внезапно чудище отпустило меня и я свалился на землю, ударившись при этом правым боком. Я открыл глаза и понял, что это Санбек спас меня. Он, размахивая палкой кромсал песочный вихрь, не давая ему принять образ человека. И тут я наконец почувствовал в себе силу. Она росла с каждой секундой. И вот уже огненные кнуты вырвались из моих ладоней. Я орудовал ими, разбивая песочных людей и не давая вновь образоваться песчаным телам. Санбек и Одноглазый отскочили в сторону, чтобы не попасть под удар. Я хлестал огнём противников с неистовой злобой. Сперва они делали попытки возродиться, но как только я видел новые песочные столбы, поднимающиеся с земли, то тут же наносил удал огненным хлыстом. Наконец всё успокоилось. Вихрей больше не было. Все трое мы повалились на землю. Полежав и отдышавшись, я подполз к соратникам.

— Ты спас меня, Санбек, — сказал я парню, — спасибо.

— Почему ты сразу не применил эти огненные шгуки? — проигнорировав слова благодарности, спросил он.

— Не знаю... наверное, я ещё не научился управлять своей силой.

— Научись, — уверенно сказал Одноглазый. — А теперь, ребята, пора домой.

Мы кое-как встали и поплелись к входу в Убежище. Нас встретил Улюк, противный низкорослый и надменный воин.

— Что вы делали в Степи в столь поздний час?! — возмущённо спросил он. — Я вынужден буду доложить Баругу о том, что вы покидаете Убежище в тёмное время суток! Вы же знаете, что это запрещено!

— Послушай, Улюк, может, договоримся? — хитро прищурился Санбек. — У меня есть пару золотых монет.

— Откуда это? — ещё больше насторожился стражник.

— Какая тебе разница? — вмешался Одноглазый. — Мы тебе платим, ты молчишь. По рукам?

— Нет! — резко прервал сделку я. — Пусть Барут знает о происшествии. Пора многое здесь поменять, не так ли? В том числе и власть.

Соратники удивлённо уставились на меня, а Улюк заверещал, поднимая тревогу. Вскоре в коридорах послышался топот. Я знал, что это воины спешат на зов Улюка.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — буркнул Санбек.

— Теперь я точно знаю, что надо делать, — отозвался я.

Глава 9. Поединок

Приспешники Барута довольно быстро примчались на зов Улюка. Вооружённые короткими мечами, они взяли нас в кольцо, если так можно выразиться, ведь пространство туннеля достаточно узкое. Оружие мы не имели и потому безропотно подчинились. Улюк рассказал всё, что произошло и во всех подробностях передал мои слова о смене власти в катакомбах. Нахмуренные стражники повели нас по известному мне пути. Мы направились в Грот Собраний. На этот раз моя встреча с местным ханом не обещала быть столь безоблачным, как в прошлый раз. Но я не падал духом в отличии от моих соратников. Санбек не переставая что-то лепетал, он явно нервничал. Одноглазый кряхтел, ковыляя позади меня и время от времени ворчал. Я их понимал: с Барутом ссориться не охота ни одному из обитателей подземелья. Теперь-то я знал, что делают здесь с неугодными. Меня передёрнуло при воспоминании о подземных слепых червях, которых используют для извлечения жира. Вспомнилось и то, что им служило пищей. Рвотные позывы скомкали мой голос так, что я не смог и слова сказать, лишь прохрипел, откашлялся и сплюнул на глиняный пол коридора. Наверняка Самбек опасался, что нас решат скормить червям. Меня раздражала его паника. И в то же время нельзя было отрицать, что парень спас меня сегодня. И это меня почему-то злило, должно быть, я просто не хотел быть у него в долгу.

Мы приближались к месту назначения. Через пару минут я вновь оказался в обширном кратере. Неподвижно, словно идол, Бурут восседал возле очага на шкурах. По обе стороны от него в томных позах полулежали почти обнажённые женщины. Свет факелов заставлял яркие блики плясать на их коже.

— Хат Барут! — выкрикнул один из воинов, схватив меня за шиворот и толкая перед собой, — вот этот новенький ставит под сомнение твою власть! Кроме того он и эти двое находились в Степи после захода солнца!

Барут прищурился, поглаживая свои длинные белёсые усы. Ожоги на его подбородке сейчас мне показались особенно отвратительными.

— Санбек, Санбек, — покачал головой Барут, — зря ты привёл к нам этого...как его там звать?

— Моё имя Хизар! — громко произнёс я. Мне на миг показалось, что Санбек втянул голову в плечи, стремясь спрятаться от гнева своего господина.

— Тебя не спрашивали, шакал! — прорычал за моей спиной воин и нанёс мне удар по ногам. Я не удержал равновесия и рухнул на колени, а потом медленно встал. Барут сделал рукой предупреждающий жест: по всей видимости, меня собирались ударить вновь, но хан решил пока повременить с наказанием.

— Ах, да...Хизар, — сказал он с пренебрежением, — я запомню твоё имя, столь никчёмное, что вряд ли оно оставит в истории хоть какой-то след.

— Может, другое моё имя тебе больше запомнится? — ухмыльнулся я. — Слушай и запоминай ещё одно моё имя. Меня зовут Огненное Сердце!

Взволнованный шёпот прокатился по гроту. Барут уставился на меня, а потом вдруг резко захохотал.

— Ты человек с огненным сердцем? — сквозь смех спросил он. — Да видел ли ты себя, оборванец?

Полуголые женщины по примеру своего хозяина залились смехом.

Я, презирая страх, тоже засмеялся, чувствуя, как во мне просыпается сила.

— Смеёшься, Огненное Сердце? — ухмыляясь спросил Барут. — Возможно, сейчас тебе станет не до смеха!

Он подал знак, и тут же в Грот ввалились две женщины, подталкиваемые воинами. Улыбка сползла с моего лица, когда я узнал Илону и Лиману.

— Вижу, вы всё-таки знакомы с этой бледнокожей, — торжествовал Барут, — а она-то мне всё твердит, что не знает ни тебя, ни Санбека, ни Одноглазого, а в юраке Лиманы случайно оказалась.

— Где дети? — встревожился я.

— При обыске они пытались бежать, — сообщил повелитель катакомб, — но разве можно скрыться от моих воинов? Нет, Хизар, нельзя. Чутьё не подвело меня, ведь когда я тебя впервые увидел, сразу понял, что ты доставишь мне проблем. Так значит решил свергнуть меня? Дерзко. Хорошо, что я приказал обыскать юраку целительницы. Дети её: мальчишка и девчонка спрятаны в надёжном месте. В случае чего их сразу убьют.

Тут Лимана всхлипнула. Барут схватил её за чёрные волосы и прошипел:

— Надо было сразу рассказать мне о белой рабыне.

— Она больше не рабыня! — выпалил я.

— Да ну? — хмыкнул хан подземелья.

— Хватит уже рабства! Оно тормозит развитие нашего народа, отдаляет его процветание! — продолжил я свою тираду. — Такие как ты, наделённые властью, виновны в этом. Вы виновны в плачевном положении ахаров! Но я исправлю это!

Я хотел было поднять руку, в которой уже чувствовал жар, но Барут схватил теперь Илону и приставил к её горлу кинжал «язык змеи». Я замер.

— Спокойно, Хизар, — процедил Барут. — Я не верю, что ты человек с огненным сердцем, но давай на всякий случай проверим это. Эй, Марик!

Из проёма показался здоровенный детина, наверное, больше самого Гурика. Заросший щетиной, он выглядел, как сказочный транкул, о которых так любила рассказывать мне покойная мать.

— Слушаю вас, повелитель, — промолвил с поклоном Марик.

— Созывай жителей Убежища на арену! — приказал Барут. — Объяви, что некий наглец именуется Огненным Сердцем. Он вступит в поединок с моим любимцем! Ну же, пошевеливайся!

Трудно было представить, чтобы такой здоровяк проявил проворность, но тем не менее он весьма резво ринуться исполнять поручение хозяина катакомб.

Я оглядел присутствующих, желая понять, что за испытание мне приготовили. Одноглазый потупил взор, Лимана заплакала, а Санбек весь трясся, будто трава во время бури.

— Вижу, тебя одолевают вопросы, — приторным голосом пропел Барут, — скоро ты получишь на них ответы. Сейчас могу сказать лишь одно: ты очень крепко пожалеешь, что не умер на Жертвеннике! Я бы мог всех вас скормить подземным червям, однако я повременю с этим. Сразись с моим любимцем. Победишь, отпущу одного из твоих дружков или одну женщину. Если проиграешь, будешь наблюдать, как любимец сжирает их по очереди. Теперь же, мои славные соратники, — он обратился к воинам, — прошу проследовать на арену и полюбоваться занимательным зрелищем.

Мои руки тут же были скручены за спиной. Я чувствовал в себе силу разметать

прихвостней этого тирана, но Барут сжимал горло Илоны и, угрожая ей кинжалом, заставил вступить в полумрак туннеля. Даже если я одолею стражу, этот гад успеет убить девушку. К тому же я не знал, где прячут детей Лиманы. Может, они были уже мертвы, но пока оставалась надежда, рисковать я не имел права.

Мы шли долго. Пару раз я видел, как Илона, ведомая Барутом, спотыкалась. Моё сердце при этом вздрагивало, словно я боялся за целостность драгоценного сосуда. Девушка эта волновала меня не только своей трагической судьбой. В ней было что-то ещё, едва уловимая прелесть нежного облика.

Наконец впереди показался яркий свет от множества факелов. По многоголосому гомону я понял, что Марик исправно выполнил поручение хозяина, оповестив народ о захватывающем зрелище. Осталось только узнать, что это за питомец такой у Барута, с которым мне предстояло схватиться в смертельном противостоянии. Коридор закончился, и мы вступили под своды огромной, если не сказать гигантской, пещеры. О ней я и не подозревал, а Самбек не удосужился рассказать об этом месте. В центре пещеры была круглая арена, огороженная решёткой. Но не это вызвало вопль ужаса, вырвавшийся из груди Илоны. В центре арены к торчащему из каменной породы железному кольцу была прикована длинная толстая цепь. Мёртвой хваткой она оковывала чешуйчатую лапу огромного существа.

— Цэрэг, — процедил я.

Санбек испуганно посмотрел на меня.

— Битва! Битва! — начала скандировать толпа, обтекающая решётку.

Барут поднял руку и все тут же замолчали.

— Жители катакомб! — громогласно произнёс он. — Я дал вам всем возможность существовать вдали от городов и деревень, где вы гнулись под властью ваших ханов! Каждый из вас мог погибнуть от зноя, непосильного труда, мог заблудиться в Степи и не дожить до рассвета. Но я принял вас в свой подземный мир! Я дал вам кров, возможность добывать пропитание и защиту от степного лиха! Как мне кажется, я мог бы рассчитывать на элементарную благодарность и уважение!

Одобрительный гул поднялся к сводам пещеры.

— Но не все оценили моё гостеприимство! — продолжил Барут. — Перед вами Хизар, пришлый человек, которого мы приютили в Убежище. Но вместо того, чтобы оказывать мне честь, этот мерзавец решил ниспровергнуть мою власть в катакомбах! Он хотел организовать заговор против меня! Против вашего любезного благодетеля! Что скажешь, Хизар?

Он повернул ко мне своё полное злобы обезображенное лицо. Я плюнул ему под ноги и повёл такую речь:

— Ахары! Барут, который тешит себя излишним тщеславием, не благодетель вам! И вы об этом прекрасно знаете. Иначе бы в подземелье жирные черви не поглощали бы трупы ваших же родных и близких! Власть Барута зиждется на тирании, так же, как и власть великих ханов, владения которых вы покинули при тех или иных обстоятельствах. Но это ещё не всё. Те цэрэги, что жили в кратерах Рябой Степи до вашего здесь появления погибли не от руки Барута! Он ввёл вас в заблуждение, рассказав сказку о том, как он умертвил чудовищ. Цэрэгов убила Пророчица, к которой вас не пускают!

— Закрой свой рот! — рявкнул Барут.

— Я человек с огненным сердцем! — эти мои слова шокировали публику и заставили всех замолчать.

— Раз это так, то докажи свою мощь! — рывкнул Барут и сам втокнул меня за решётку к чудовищному ящеру. — Победишь его, и мы поверим твоим словам. Проиграешь, все твои соратники пополнят меню подземных червей!

Дверь решётки захлопнулась, и я оказался напротив отвратительного ящера. Морда его была подобна морде сказочных драконов: чешуйчатая, отливающая золотом, с рогами на носу и небольшими наростами по всей поверхности. Ростом цэрэг значительно превосходил даже здоровяка Гурика. Голова его упиралась в свод пещеры. Ящер шевельнулся, и цепь на его задней лапе загремела. Кончик длинного хвоста нервно дёрнулся, угрожая мне ядовитым шипом. Секунда, и хвост метнулся в мою сторону, как стрела, выпущенная метким стрелком. Но я не растерялся, высоко подпрыгнул, и смертоносный шип проскользнул подо мной. Такое я уже проделывал в схватке с тушканами. «Чем же ты меня удивишь, ящер?» — подумал я. И цэрэг удивил! Он раскрыл свою зубастую пасть и дыхнул на меня горячим паром. Зрители отпрянули от решётки с испуганными выкриками. Я почувствовал жар, обжигающий мою кожу. И ещё я почувствовал боль, будившую во мне неопишемую ярость. Душа моя запылала огнём, охватившим и сердце. По венам побежали огненные струи, а кожа на лице дала трещины, из которых вырывались языки пламени. Цэрэг кинулся на меня, я резко выпрямил руку, и из моей ладони вырвалось пламя, струёй ошарашившая монстра. Но ящер замешкался лишь на секунду, мой огонь не смог одолеть чешуйчатую броню! Дело складывалось не в мою пользу. Я увернулся от лязгнувших передо мной зубов, перекатился на другую сторону арены и тут же вскочил. Громыхание цепи приблизилось ко мне и я вновь подпрыгнул, чтобы избежать ядовитого шипа на хвосте чудища. Тут же я почувствовал как длинные клыки сомкнулись возле моего тела, в результате чего моя одежда оказалась в зубах цэрэга. Он метнул головой, подняв меня в воздух. Охи толпы смешивались с женскими криками и плачем. Ящер подбросил меня почти к каменному своду и открыл пасть, ожидая моего падения. Я этим воспользовался: живо направил огненную струю прямо в чудовищную глотку. Если чешуя выдерживала натиск огня, то раскрытая пасть оказалась уязвимым местом. Огонь прошёл по пищеводу во внутренности цэрэга. Он взревел, отшатнувшись, а я упал в метре от его гигантского тела. Ящер заметался по арене, врезаясь в железную решётку и грозя меня раздавить. Я быстро вскочил на ноги и прыгнул на прутья, чтобы бившийся в агонии цэрэг не задел меня. Через несколько минут ящер затих, а в воздухе запахло палёной плотью. Пользуясь общим замешательством я подбежал к двери и ударом ноги вышиб её. Барут опомнился от звука удара и ринулся к Илоне, которую он отпустил, наблюдая за схваткой. Девушке угрожал его клинок. Однако хозяин подземелья не успел настичнуть свою жертву, я опрокинул его точным ударом ноги. Барут с воплями повалился на пол, стража тут же кинулась ко мне, но я воздел руки, охваченные пламенем. Все застыли на месте.

— Спокойно! — проговорил я. — Или вы рискуете поджариться так же, как и эта жалкая ящерица! Воины ошеломлённо смотрели на меня.

— Я Хизар Марэк, сын хана Азара Марэка! Судьбой мне определено стать человеком с огненным сердцем! Слушайте меня, ахары! Я был у Пророчицы! Нам всем угрожает смертельная опасность! Скоро лихо Степи, накопив силы, хлынет сюда, а затем и на наши города и поселения! Защититься мы сможем лишь держав оборону в городе! Я готов повести вас на Амбухат и пошатнуть власть великих ханов!

Люди молча уставились на меня. Барут, пыхтя, поднялся на ноги.

— Ты сумасшедший! — прохрипел он. — Никто и никогда не одолеет степное лихо!

— Тут ты не прав, — вмешался вдруг Одноглазый. Он указал на поверженного цэрэга и

продолжил, — разве ящеры не являются порождением Степи? Цэрэги — это тоже степное лихо, как и тушканы, как и песчаные люди. И Хизар смог одолеть этих противников! Я тому свидетель, а Санбек может подтвердить правдивость моих слов.

Санбек усиленно закивал головой.

— Мы в самом деле были у Пророчицы, — заявил Одноглазый, — она подтвердила наши догадки о том, кто такой Хизар. Он человек из легенды. Человек, которому суждено возвысить свой народ!

— Если вы согласны скинуть оковы рабства, если хотите жить достойно в великой империи, то сделайте меня своим предводителем! — призвал шокированных людей я. — У нас нет иного пути, как создать сильное государство, способное дать отпор не только Степи, но и иным противникам. Все вы знаете, что за последнее время лихо усилило свой натиск. Это говорит о том, что Степь готовит нам нечто страшное. Убежище больше не является безопасным местом. Мы должны идти в города, из которых вынуждены были бежать, гонимые и угнетённые. Вернём же себе наши земли!

В пещере поднялся невообразимый гул. Люди кричали наперебой. Кто-то плакал. Илона и Лимана пробрались ко мне и теперь жались к моему телу, страшась толпы. Барут решил воспользоваться шумихой и ринулся к нам. Он оттолкнул Одноглазого, попытавшегося ему помешать. В руке тирана мелькнул всё тот же клинок «жало змеи». Я, заметив этот подлый манёвр, отпихнул от себя испуганных женщин и встретил удар огненной струёй, вырвавшейся из моей ладони. Барут заорал, схватившись за обожжённую руку. Кинжал со звоном покатился по полу пещеры. Люди тут же замолкли, наблюдая за зловещей картиной. Я стоял напротив хозяина катакомб, тот с ненавистью смотрел на меня, только теперь в его глазах читался ещё и страх. Он попятился. Я, опасаясь, что он улизнёт, кинулся к нему. Одним ударом я сбил его с ног и, сконцентрировав всю свою силу, ударил пылающим кулаком в грудь Бурута. Кулак с треском проломил грудную клетку поверженного тирана. Я в ярости вырвал его сердце и поднял окровавленную руку, сжимающую этот страшный трофей.

— Нет больше угнетателя! — воскликнул я. — И такая участь ждёт каждого мерзавца, пользующегося своей властью для подчинения и порабощения людей!

Подземные жители таращились на меня с нескрываемым восторгом. Я швырнул всё ещё трепыхающееся сердце на арену. Оно шмякнулось возле трупа цэрэга, дополнив эту жуткую картину.

— Хизар! Хизар! — прокатилось по толпе, и усилившись, превратилось в настойчивый гул, — Хизар! Хизар! Хизар!

Ко мне подбежали стражники, служившие Баруту. Я, подумав, что они хотят вступить со мной в схватку, поднял было руки для огненного удара, но воины вдруг пали предо мною ниц.

— Стань нашим повелителем! — выпалил один из них, подняв голову и посмотрев на меня восхищёнными глазами. Это был Марик. Я поморщился, вспомнив его услужливость, мне был он противен. Однако убивать я его не собирался, не мог же я после своих обличительных слов в адрес Барута и великих ханов поступить так же жестоко, как поступали они.

— Что ж у вас будет шанс доказать свою верность нашему общему делу, — промолвил я, — делу объединения всех ахаров.

После мне пришлось выслушать множество восторженных комплиментов и

громогласных обещаний. Вокруг меня толпились люди, в их глазах я увидел блеск, блеск надежды и уверенности в возможность лучшей жизни. И эту надежду дал им я. Теперь надо было подумать об исходе из Убежища. Тут взгляд мой упал на плачущую Лиману.

— Дети! — вспомнил я. — Где дети целительницы? — спросил я у Марика.

Тот кивнул мне и куда-то удалился. Лимана проводила его тревожным взглядом, а Илона обнимала её за плечи. Наши взоры встретились. Большие голубые глаза смотрели на меня со страхом. Вот уж чего я точно не хотел, так это того, чтобы Илона опасалась меня.

Сквозь толпу тем временем протиснулся Марик. Он нёс под мышками двух ребятшек. Я с облегчением вздохнул, узнав в них Агыра и Шерику. Лимана бросилась к Марику и со слезами на глазах приняла в свои объятия перепуганных детей. Когда рыдания прекратились, Агыр приблизился ко мне и спросил:

— Ты правда человек с огненным сердцем?

— Да, — уверенно ответил я и улыбнулся, — теперь нас ждут великие перемены. И как показало время, я был совершенно прав.

Глава 10. Собрание

Весть о гибели Барута и о человеке из легенд и пророчеств молниеносно разнеслась по Убежищу. Люди, переполошённые стремительными событиями, метались по узким туннелям, взволнованно переговаривались в юраках, кричали в гротах и нишах. Многие плакали, и я сперва не мог понять, плачут ли они от счастья или от горя. Настрой их необходимо было выяснить как можно быстрее. Я приказал оповестить народ о том, что буду ждать всех мужчин в Гроте Собраний в назначенный час. Исполнительные воины принялись за дело: они обходили катакомбы и сообщали важную новость. Санбек же не отходил от меня ни на шаг, готовый любезно исполнить малейшую мою прихоть. Мне это не нравилось, я всё-таки, несмотря на некоторые черты характера этого юноши, считал его другом и соратником. Тем более, что если бы не Санбек, я вообще бы не узнал ничего о катакомбах, населённых ахарами. Если бы не Санбек, песчаный человек уничтожил бы меня, пока я мешкаю, призывая свою силу. Я как можно дружелюбнее разговаривал с ним, но его раболепство, впитанное с молоком матери, никуда не девалось. Я был силой, и Санбек преклонялся передо мной, перед этим непознанным, сверхъестественным могуществом, а мне бы хотелось, чтобы он был рядом в качестве друга. Другое дело Одноглазый, который был прост в общении с любимым, не взирая на статус. Старик уже слишком долго прожил на этой земле, чтобы лебезить перед кем-либо, и мне это нравилось в нём. С Одноглазым можно было говорить на равных, как с другом и соратником. Это же касалось и мудрой Лиманы. Впрочем, она не переставала благодарить меня за спасение и защиту, особенно за спасение детей. Я даже запретил ей вновь и вновь рассыпаться в комплиментах перед моей персоной. С детьми было легче. Их бесхитрость подкупала. Агыр постоянно вертелся возле меня и задавал тысячи вопросов, доводя иногда меня до исступления. Шерика вела себя иначе. Она всё так же являла собой серьёзную маленькую хозяйку, которая перед тем как подать мне обед, задрав нос, спрашивала помню ли я о том, как надо вести себя во время трапезы. Я самым серьёзным тоном торжественно клялся, что не буду баловаться во время еды, не буду кидаться в Санбека опустошённой посудой или щипать Одноглазого. Шерика вызывала у всех улыбки, которые мы старательно прятали, чтобы не обидеть малышку несерьёзным к ней отношением.

Но больше всего меня волновала Илона. Она всеми силами старалась избегать меня. Я не мог понять, почему это происходит. Сердце моё замирало, если я видел эту белокожую красавицу. Она была подобна Луне на тёмном небосводе, такая же яркая и блистательная и вместе с тем скромная и испуганная. Много раз я видел, как длинные пушистые ресницы трепетали, бросая тончайшие тени на небесного цвета глаза, которые девушка тут же прятала, стоило мне только приблизиться. Илона сдружилась с Лиманой, и меня это радовало.

На следующий день после своей победы над ящером и Барутом я назначил всеобщее собрание. До этого мероприятия оставалось ещё несколько часов, которые я решил потратить на свои личные дела. Сперва я подловил Лиману и осторожно поинтересовался у неё, почему Илона так боится меня.

— А ты не понимаешь? — приподняла красивую изогнутую бровь целительница.

— Нет, не понимаю, — признался я.

— Вечно вы, мужчины, так, — проворчала Лимана, — не понимаете женщин...

— Ну объясни, раз я такой тупой, — с некоторым раздражением попросил я.

— Илона много натерпелась от сильных мира сего, — вздохнула целительница, — мне она рассказала куда больше, чем тебе... Она боится сильных и властных людей. Ты теперь стал таким, и сила твоя и могущество будут только расти. Девушка боится, что ты предъявишь на неё свои права, ведь это ты спас её.

Слова Лиманы меня несколько озадачили. Получалось так, что я пугаю Илону уже самим фактом своего существования, точнее существованием той силы, что была во мне. Она, должно быть, многих пугала, но Илона... Она испытывает ужас при мысли о человеке с огненным сердцем. Я решил во что бы то ни стало исправить это. Я знал, что девушка помогает Лимане делать сборы из высушенных лекарственных трав, поэтому белоликая красавица почти всегда находилась в кладовых, где хранилось сырьё для лекарственных настоек и прочих снадобий. Прямым ходом я направился в кладовые.

Илона была там одна. Она вздрогнула, услышав мои шаги, и замерла, не оборачиваясь ко мне.

— Илона, — тихо, почти умоляюще проговорил я, почувствовав дрожь в собственном голосе.

— Я слушаю вас, господин, — промямлила девушка.

— Ну какой я господин? Разве что господин бездонных и сырых подземелий, — попытался пошутить я.

Она медленно повернулась ко мне лицом. В больших глазах как всегда застрял испуг, который она никак не хотела вытряхивать из своей исстрадавшейся души.

— Я твой друг, а не господин, — мягко сказал я и сделал шаг вперёд. Девушка шарахнулась к сырой стене и упёрлась в неё спиной. Тогда я отступил назад и со вздохом уселся на выступ в стене, служивший своеобразным сидением. Мы молчали. Илона впала в какое-то оцепенение.

— Илона, — снова начал я трудный для нас обоих разговор, — ты больше не рабыня. Там у Жертвенника ты перестала быть бесправным существом. Теперь ты свободна. Я не претендую ни на твою жизнь, ни на твоё тело... единственное на что я рассчитываю так это стать твоим другом. Но ты свободна выбирать, с кем тебе общаться, с кем говорить. Ты даже имеешь право сейчас прогнать меня, чтобы я не мешал тебе работать.

— Правда? — тихо спросила девушка.

— Правда, — подтвердил я.

Она чуть помолчала, а потом сказала:

— Тогда уходи.

Я опешил. Не ждал, что Илона так быстро воспользуется своими новыми правами, чтобы отстраниться от меня, но делать было нечего. Я встал и тихо удалился.

Трудно описать, что я испытывал, бредя в полумраке коридора. В голове роились тысячи мыслей и все они были об Илоне, хотя мне предстоял более чем серьёзный разговор с населением катакомб. Это девушка не выходила не только из моей головы, но и из моего сердца. Я понял это, как только острая, как игла, горечь пронзила мне душу, когда Илона попросила меня уйти. Что это? Никогда прежде не испытывал я подобных терзаний. Зачем они? Поговорить мне было не с кем на эту тему. Санбек бы предложил взять девушку силой и сделать её своей наложницей, чего я, разумеется, допустить не мог. А Одноглазый... Одноглазый был слишком умён. Я чувствовал, что он при откровенном разговоре мигом поймёт, что со мной происходит и тут же скажет мне об этом. А я ещё не был готов

услышать правду даже от себя самого, даже наедине с собой я боялся признаться, что Илона стала мне дорога... настолько дорога, что я готов день и ночь исполнять её желания, лишь бы она не гнала меня прочь.

Впереди туннеля послышался гомон, и я понял, что приближаюсь к Гроту Собраний. Как я и ожидал, народу набралось уйма. При моём появлении всё смолкло, как по волшебному мановению. Десятки глаз пронзали меня взглядами: восхищёнными, настороженными, испуганными, преданными. Я уже представлял, каким тяжёлым окажется разговор.

— Итак, — начал я без особых промедлений и предисловий, — нам всем угрожает опасность, — я выдержал паузу, чтобы смысл моих слов осел в каждой голове.

Послышались вздохи. Мужчины посолиднее напустили на себя невозмутимый вид, а молодые парни нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

— Лихо Степи крепнет, — продолжил я, отчеканивая каждое слово, — очень скоро оно не только затопит катакомбы, но и двинется на обитаемые земли ахаров. Под ударом окажется весь наш народ.

— Но где доказательства того, что Степь взбунтуется настолько, что её порождения не удержит в узде даже дневной свет? — спросил сгорбленный старик, рассевишийся почти у самых моих ног. Я хотел было открыть рот, но меня опередили.

— Доказательств предостаточно, — произнёс суровый и твёрдый голос. Я посмотрел на говорившего.

Это был высокий крепкий мужчина белой расы. Его русые, испачканные в подземной пыли волосы спускались на широкие плечи, а за многодневной щетиной угадывались мощные скулы.

— Как тебя зовут? — поинтересовался я.

— Моё имя Джек, но чаще всего меня кличут Скитальцем. — ответил мужчина. — Ты не признал меня, Хизар?

Я пристально начал разглядывать незнакомца. Что-то смутно знакомое угадывалось в его чертах.

— Вижу, что память тебе не помощница, — ухмыльнулся Джек, — что ж я помогу тебе припомнить долгие зимние вечера в твоей юраке. Тогда ты был совсем мальчишкой, а я гораздо моложе, чем ныне. Отец твой, достопочтенный Азарк Марэк, приютил меня на долгие полгода. Я рассказывал вам невероятные истории о дальних странах и храбрых героях.

И тут я вспомнил! Вспомнил загадочного странника, попросившегося на ночлег, а оставшегося на долгие месяцы. Тогда Джек и правда выглядел куда моложе. Он был уроженцем запада. Во время какой-то стычки с ахарами попал в плен и был продан в рабство. Бежал. Скитался он по Степи долго. Никто не знал, каким образом ему удавалось прятаться от ночных тварей, но Скитальца Джека любили в нашей деревне. Особенно ребятня.

— Вижу, ты кое-что припоминаешь, — вырвал меня из воспоминаний голос Джека, — теперь позволь ответу на вопрос старика. Степь я исходил вдоль и поперёк. Вы все знаете, что я промышляю охотой на антилоп Лау. Много лет я поставляю вам свежее мясо взамен на кое-какие вещи. Так вот что я вам скажу, жители Убежища. Антилоп в Степи больше нет.

Услышав эти слова, люди взволнованно загудели, заголосили, перебивая друг друга.

Я поднял руку, призывая к тишине.

— Неужто и нету антилоп? — недоверчиво проскрипел всё тот же старик, расположившийся ближе всех ко мне.

— Ты, Риман, слишком долго сидишь в подземелье и не ведаешь, что делается на поверхности, — ответил ему Скиталец Джек, — а я вам докладываю: из Степи ушли не только антилопы Лау. Здесь больше нет даже мелких шакалов, птицы перестали летать над Степью. Звери что-то почуяли и убрались подальше из этих мест. Но это ещё не всё. Каждую ночь по Степи рыщут не только тушканы, но и транкулы.

— Но это же ужасно! — не выдержал Санбек. — Всем известно насколько опасны транкулы. А если они явятся сюда?

— Они и явятся, — без каких-либо эмоций ответил Джек, — я много раз видел, как их орды кружат ночами вокруг кратеров Убежища. Ещё немного и монстры совсем обнаглеют. Они чего-то ждут, и это что-то скоро произойдёт. Я теперь не уверен в безопасности Убежища.

— Позвольте и мне сказать. — вмешался в разговор здоровяк Гурик. — Я и другие стражники с недавнего времени слышим по ночам странный пугающие звуки. Они похожи на скрежет, раздающийся с поверхности. Однако сколько мы не выглядывали из кратеров, так ничего и не увидели, но звуки эти, по-моему, издают живые существа.

— Я тоже слышал эти странные звуки, — поделился своими наблюдениями Джек.

— Но не это самое важное, — услышал я голос Одноглазого, который вдруг встал и приковал к себе всеобщее внимание, — самое интересное, что мы с Хизаром и Санбеком были у Пророчицы!

Тут возбуждённый гул восстановился и мне пришлось приложить не мало усилий, чтобы добиться порядка.

— Пророчица поведала, что лихо Степи в самом деле скоро выльется на землю жутким смертоносным потоком. Она объявила нам, что Хизар есть ни кто иной, как человек с огненным сердцем, способный предотвратить гибель своего народа. Ещё она сказала, что нужно уходить из катакомб.

— Уходит куда? — послышались тревожные вопросы.

— Я поведу вас на Амбухат! — громогласно объявил я.

Все вновь уставились на меня.

— Настало время ахарам объединяться! — продолжал я свой призыв. — Мы отнимем власть у великих ханов, известных своей жестокостью. Вы все так или иначе пострадали от их действий. Кто-то из вас был у них в рабстве, кто-то был ими лишён званий, семьи, дома. Ведь так? Конечно, так, иначе бы вас здесь не было. Хань поощряют распри между кланами, ослабляя и без того измученный народ. Но теперь пришло время создать могучую империю! Страну, где каждый будет защищён от произвола, от насилия и несправедливого наказания. Страну, где не будет места рабству! Мы уподобимся великим королевствам Запада. Только мы станем ещё сильнее!

Я долго не понимал, почему ахары с такой лёгкостью решились тогда покинуть Убежище. Позже, спустя годы после этого собрания, ко мне пришло осознание того, насколько они были измучены на тот момент. Угнетаемые сперва ханами, потом Барутом, люди были готовы на самые отчаянные шаги, чтобы получить хоть какой-то шанс на облегчение своего существования. Однако некоторые сомнения у них всё же возникали.

— Как мы доберёмся до Границы Безопасности? — спросил меня один мужчина с очень умными глазами.

— До земель, которые ночью покрывает магический купол. День пути, — ответил я, — если повезёт преодолеем это расстояние за дневной переход.

— Но с нами будут женщины, дети и старики, — напомнил Санбек, — с ними переход затянется.

Он был прав. Но я не растерялся и посмотрел на Скитальца.

— Джек! — обратился к нему я. — Пришло время раскрыть секрет. Как ты ночуешь в Степи во время своих странствий и остаёшься жив?

Взоры всех присутствующих обратились на белого мужчину. Джек стоял, оперевшись на стену и скрестив на груди руки. Выжидательная пауза затянулась.

— Ну так и быть, — нехотя проговорил Скиталец, — открою вам один способ. Ночные твари не заметят вас, если вы обмажете своё тело мазью, полученной из экскрементов подземных червей.

— Ты смеёшься над нами, бледнокожий?! — возмутился старый Римап. — Что за мерзость ты нам предлагаешь?

— Я смеюсь над вами? Отнюдь, — спокойно произнёс Джек и, отстегнув от пояса кожаный кулёк, кинул его мне. Я схватил мешочек, покачал его в руке, а затем развязал. Жуткая вонь струёй ударила в нос. Поморщившись, я отвернулся, но переждав пару мгновений, вновь начал изучать содержимое кулёка. Осторожно засунул я указательный палец внутрь и почувствовал плотную жижу. Вытащив палец из мешочка, принялся его разглядывать. Люди замороженно следили за моими действиями, морщась от отвращения. Жижа оказалась чёрного цвета с резким неприятным запахом.

— Откуда тебе известен такой способ обмануть лихо Степи? — я удивлённо посмотрел на Джека.

— Не только тебе и твоим соратникам довелось видится с Пророчицей. Кроме того в мире есть отшельники, о которых вы ничего не знаете, но которые невероятно сильны в своих познаниях. Я скитался не мало по свету и видел и слышал много чего такого, о чём вы и не догадываетесь.

— Научишь изготавливать это средство? — спросил я.

— Конечно, — улыбнулся Джек, — раз на кону всё ваше существование.

— Прекрасно! — обрадовался я. — Как вы видите, у нас появились причины и способ поменять нашу жизнь. Я уверен, что многие из вас поддержат моё стремление разбить власть оков, власть немилосердных богатеёв, власть Степи в конце концов!

— Да здравствует Хизар! — выкрикнул кто-то и толпа подхватила этот лозунг.

— Хизар! Хизар! — кричали люди, и я почувствовал как ядовитый поток тщеславия вливается в мою душу.

Глава 11. Исход из катакомб

— Уверен, что всё правильно делаешь? — Одноглазый был как всегда спокоен и рассудителен.

— Ты сам слышал слова Пророчицы, — ответил я, — сам видел, на что я способен. Всё сходится: настало время, когда наполняемость Степи злобой достигла критического уровня и в это же время появляюсь я, человек с огненным сердцем. Разве не об этом наперебой голоса все пророчества о будущем ахаров?

Старик пожал плечами.

— В чём ты сомневаешься? — насторожился я.

— Видишь ли, Хизар, не каждый человек может достойно пройти испытание властью и силой...ты...

Он явно чего-то не договаривал.

— Говори, что тебя тревожит, — почти жёстко потребовал я.

— Ты уверен, что получив власть над своим народом, не станешь для людей куда более худшим тираном, чем великие ханы? — медленно проговорил старик.

Он посмотрел на меня в упор своим единственным выцветшим глазом, в котором читались мудрость, опыт и совершенное бесстрашие. И правда, вряд ли такой вопрос смог бы мне задать Санбек. Я задумался, пытаюсь прислушаться к желаниям своей души. На поверхности её я видел очевидные цели: освободить от устаревшего общественного строя свой народ, привести его к процветанию, создать великую империю, и что самое необходимое: исключить опасность, исходящую из Степи. Но стоило мне глубже устремить свой внутренний взор, как я заметил ещё кое-что. Я почувствовал смутное стремление быть на виду у всех, пользоваться всеобщим уважением, прославить своё имя на века. Все эти низменные желания копошились на самом дне моего сердца, их подавляли высокие мотивы. А что будет, если они возрастут со временем? Если мне не удастся стать справедливым правителем? Вздор! Я не стану таким, как напыщенный хан Амба Кирыш или лицемерным уродом вроде хана Лина Арыша. Таких качеств нет в моей сущности.

— В каждом из нас сидят мегеры, способные вырваться наружу, — старик будто прочитал мои мысли, — в любом случае мы увидим, насколько ты победил собственных монстров. Чуть позже...когда ты станешь правителем над всеми ахарами.

Одноглазый сказал это как бы между прочим, как какое-то будничное известие, хотя речь шла о серьёзных вещах. Я даже разозлился на него, но спорить с ним не хотел. Не дождавись моего ответа, Одноглазый отправился по своим делам.

А дел у нас всех было по горло. Надо было собрать в дорогу провизию, лекарственные снадобья, вооружить мужчин оружием, которое раньше было недоступно, запертое по прихоти Барута на складах. Я приказал убить всех подземных червей и извлечь из их тел как можно больше жира для светильников и факелов. Экскременты этих созданий пошли на изготовление мази по рецепту Джека Скитальца. Не знаю, как Санбек снизошёл до того, что согласился командовать этим процессом, я даже спускаться туда к этим червям не хотел, а уж готовить из них что-то...бр-р! Гадость.

Я всё ещё стоял в одиночестве, размышляя над словами старика, когда позади послышался шорох шагов. Меня затрясло от волнения, ибо я узнал эту поступь. Конечно, это она! Я же находился в юраке Лиманы, а Илона у неё проживала с тех пор, как я принёс

девушку в Убежище.

— Вы голодны, господин? — услышал я тоненький серебристый голосок.

«Опять начинается! Опять она называет меня господином!» — подумал я. За всё это время, как началась подготовка к исходу из катакомб, мы с Илоной практически не виделись, она, видно, успела отвыкнуть от моего присутствия.

Я обернулся и как можно дружелюбнее улыбнулся ей.

— Моё имя Хизар, — мягко сказал я.

Илона, потупив взор, ответила:

— Я знаю...

— Только не говори опять «господин», — взмолился я. — Твоя отстранённость режет мне душу. Знаешь, я не рассчитываю на твою благосклонность, но хотя бы не пугайся меня, не ставь между нами преграду, будь равной мне.

Она молчала, сжав в тонких изящных руках глиняную тувэку, наполненную кашей. Я не выдержал и подошёл к ней. На этот раз она не шарахнулась от меня, что я принял за добрый знак.

— Сама-то ела? — спросил я, вглядываясь в её исхудавшее лицо, — присядь и поешь со мной.

— У меня только одна тувэка... для вас... для тебя, — промямлила девушка.

— А ещё лучше сказать: «Для нас», — проговорил я, а сам испугался своих слов, так как не знал, какую реакцию ожидать от девушки. К счастью, Илона не дёрнулась, не убежала и не упала в обморок.

— Видишь, я оказывается не такой уж и страшный, — пошутил я и тут же про себя отметил, что шутка вышла идиотская. Чтобы не дать красавице опомниться и под каким-нибудь предлогом испариться, я взял её за руку и посадил рядом с собой у очага. Деревянную ложку торчала из каши, я любезно отдал Илоне.

— Кушай, а то поди из сил выбилась, помогая Лимане собираться, — как можно непринуждённое сказал я.

Илона как-то вся напряглась, это чувствовалось, так как мы сидели совсем близко друг к другу. Тем не менее девушка послушалась и начала есть. Я смотрел в пол, чтобы не смущать её взглядом.

— Я наелась, — сказала она, съев половину порции тынчи.

Она протянула мне тувэку. Я принял посудину и начал уплетать кушанье. Илона сидела, не шевелясь. Наверное она боялась встать и уйти без разрешения. В тот момент мне это было на руку. Доев кашу, я отставил посудину в сторону и посмотрел в большие голубые глаза. В них можно было утонуть. И я тонул. По сердцу разлилось тепло, не жар, как при опасности, а нежное приятное чувство.

— Я покажу тебе кое-что, — прошептали мои губы, — смотри!

Я выставил перед собой свою ладонь и призвал огонь, поселившийся в моём сердце после встречи с лихом во время несостоявшегося жертвоприношения. Я уже научился управлять им и теперь вывел на поверхность своей ладони маленькую его струйку. Огненная ленточка обвила мою руку. Илона смотрела широко распахнутыми глазами. Струйка заискрилась, отделилась от плоти и, зависнув в воздухе, начала приобретать форму огненного облачка. Я подавал мысленные приказы этому фантастическому огню. Подчиняясь им, облачко превратилось в огненный цветок. Во взгляде девушки читался теперь не только страх, но и восхищение. Потом облачко обрело очертание корабля с

парусами. Сам я никогда кораблей не видел, но слышал о них от странников. Глаза Илоны округлились, она явно узнала, что это такое.

— Ты видела такие корабли? — спросил я.

— Да, — радостно ответила красавица, — в детстве. Я жила на Западе у самого моря.

— Море... — я сделался задумчивым, — никогда не доводилось мне видеть море.

Расскажи о нём.

И она рассказала! Такого я не ожидал, боялся, что опять станет отмалчиваться, но девушку переполняли эмоции. По-видимому, счастливые воспоминания делают человека более открытым и сильным. Илона говорила о цвете воды, о белоснежной пене на волнах, о криках чаек. Я почти не слышал её, оглушённый счастьем от того, что она наконец со мной разговаривает.

Не знаю, сколько мы так просидели. Наверное долго, потому что Лимана, вернувшись в своё жилище, сказала, что меня повсюду ищут и не могут найти. Нужно было решить некоторые вопросы, связанные с исходом из катакомб. Я был как будто вырван из сладкого сна, но это был не сон! Илона со мной говорила наяву! Окрылённый, я умчался исполнять свои обязанности руководителя.

В первую очередь нужно было решить вопрос с продовольствием. Каждому предстояло запастись пищей. Хотя наше путешествие до населённых земель будет недолгим, но никогда не знаешь, хватит ли тебе пищи пережить зиму. Вторым не менее важным вопросом стала проблема вооружения. Воины показали мне склады с оружием. Просмотр этот несколько опечалил меня: в подземелье оружия оказалось не так много. В большинстве своём это было самое примитивное вооружение: копья, кистени, деревянные дубинки. Мечи и луки почти отсутствовали. Зато на складах в большом количестве обнаружили кожаные панцири для защиты тела и такие же кожаные шлемы. Хоть что-то.

Оценив наши возможности, я приказал мужчинам восполнить запасы оружия. Ведь каждый из них в состоянии смастерить обыкновенный кистень. Верёвок в катакомбах было достаточно, а из самых толстых прутьев надёжного кустарника ломего можно сделать рукоятку. Чтобы подать положительный пример, я и сам приступил к созданию столь нехитрого оружия. Ребятня тут же окружила меня и внимательно наблюдала за моими действиями.

За несколько дней до исхода я решил сделать кистень для своего юного друга Агыра, сына Лиманы. Расположился я намеренно в юраке целительницы, чтобы похвастаться перед Илоной своим мастерством. Мальчонка вертелся возле меня и задавал сотни вопросов.

— Смотри, — сказал я Агыру, — вот прочная рукоятка из ветви ломего, а вот верёвка, прикреплённая к ней.

— А где же камешек? — нетерпеливо спросил мальчик.

— Камешек вот он, — я показал круглый камень с продолбленным отверстием, — его правильнее называть билом. Било может быть не только из камня, но и из твёрдой кости, из железа и даже из глины на худой конец. Било имеет отверстие, чтобы можно было продеть в него верёвку. Видишь? Мы с помощью верёвки закрепили било и теперь оно вместе с рукояткой превратилось в оружие.

— Здорово! У меня теперь есть своё оружие! — заголосил Агыр. Я усмехнулся, потрепал его по голове, а сам краем глаза наблюдал за Илоной, которая в этот момент находилась в помещении и разогревала пищу. Девушка подняла на меня свои восхитительные глаза и, встретившись с моим взглядом, тут же опустила их.

— Это самое лучшее оружие! — продолжал восхищаться моим изобретением мальчик.

— Нет, Агыр, — возразил я, — лучше было бы, чтобы в катакомбах оказалось побольше мечей. Они куда эффективнее.

— А как же кистень? — возразил юный воин. — Кистень тоже хорош в бою.

— Всё это так, — согласился я, — кистень удобен своей гибкостью. Орудия им, можно достать до тела противника, защищающегося щитом. Но у этого оружия есть и свой существенный недостаток.

— Какой? — глаза мальчика округлились.

— Им совершенно невозможно блокировать удары противника, — объяснил я, и Агыр стал задумчиво разглядывать своё оружие.

Тем временем Илона молча протянула мне глиняную тувэку с неизменной тынчой. Я поблагодарил её и принялся есть. Вкус еды сразу мне понравился. В этот раз это было что-то особенно вкусное. Я удивлённо посмотрел на девушку, а она застенчиво улыбнулась.

— Это же тынча? — засомневался я.

— Тынча, — подтвердила Илона.

— Но она гораздо вкуснее, чем то, что я пробовал раньше, — сказал я.

— Это всё потому, что я добавила в кашу сушёных ягод прятанки. Каша из-за этого сладкая... я старалась для тебя.

— Спасибо, — еле ворочающимся от волнения языком пролепетал я.

После обеда мне вновь предстояло отлучиться и потерять из виду милую красавицу. Но я не унывал, ведь Илона перестала испытывать ко мне ужас, а значит я смогу завоевать её доверие.

После недельной подготовки наступил волнующий и судьбоносный момент. Лишь только солнечные лучи выпорхнули из-за горизонта, я вышел на поверхность в полном обмундировании. Поверх плотной куртки я облачился в кожаный панцирь, а на голову надел кожаный шлем, который не только мог защитить от ударов, но и оберегал от холода. За спиной у меня торчал колчан со стрелами. При себе я имел лук, меч, «жало змеи» и собственноручно изготовленный кистень. Взор мой устремился по направлению Амбухата, этого огромного города, который я намеревался превратить в столицу будущей империи. Резкий порыв ветра бросил мне в лицо колкие снежинки, сыпавшиеся из белёсых туч. Зима напомнила о себе, хотя осень всё ещё владела Степью, и я знал, что днём будет не так холодно. А сейчас под ногами хрустел хрупкий иней. Вслед за мной из кратера вылезли воины. Огромный Гурик казался великаном, возвышающимся над поверхностью земли, Марик, не менее могучий, стоял рядом. Из кратера поспешно вылезли Санбек и Одноглазый. Все они были как и я облачены в кожаные доспехи и хорошо вооружены. Вскоре показался и белокожий Джек. Он со знанием дела осмотрелся.

— Лихо не видать, — сообщил он, — оно всё ещё боится солнечного света.

— Но тем не менее нам необходимо спешить, — ответил я. — Санбек! Спустись вниз и вели всем передать, что на поверхности всё спокойно. Можно выступать.

Парень живо нырнул обратно в катакомбы. А я в сопровождении воинов двинулся в нужном направлении. Мы шли медленно. Вскоре я услышал сипение у себя за спиной и обернулся. Это Санбек, запыхавшись, догнал нас. Позади нас из многочисленных кратеров вылезали люди: мужчины, женщины, дети, старики. Мужчины и юноши были вооружены, но не так хорошо, как я со своими ближайшими соратниками. Основным оружием их был всё тот же кистень. Мужчины несли за спиной котомки с провизией. Это же касалось и женщин

и детей. Старики шли налегке, поддерживаемые молодыми помощниками. Процессия передвигалась медленно, но я не торопил их, всё равно ночлежки в Степи нам не избежать, так что нечего изматывать людей быстрым темпом.

Я то и дело оборачивался в надежде увидеть белокожую красавицу. Санбек заметил это.

— Она идёт вон с той группой женщин, — указал он назад, — рядом с Лиманой.

Я не отвечал, раздосадованный, что Санбек угадал мои мысли.

— Зря ты с ней церемонишься, Хизар, — продолжал он, — в твоей власти применить силу. Знаешь, до своего побега, проживая в круглом доме и получая все удовольствия, я понял, что женщины любят либо из-за денег, либо из-за страха.

— Боюсь, что ты слишком рано прервал своё обучение, — сквозь зубы процедил я, — иначе бы узнал гораздо больше.

— Не хочешь не верь мне, Хизар, — пожал плечами Санбек. — Лично я, когда видел какую-нибудь красавицу, долго не раздумывал. Мне принадлежали все те девушки, которых я желал.

— Их тела принадлежали тебе, а их сердца и души? — спросил я.

— До сердец и душ мне не было никогда дела, — усмехнулся парень, — главное обладать красотой. А в душе у женщины пусть хоть кошки скребут, мужчине какое до этого дело?

Я остановился, развернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— Откуда в тебе столько цинизма, Санбек? — поинтересовался я. — Мой отец горячо любил мою мать. После её смерти он так и не женился второй раз, хранил ей верность. Вот это любовь. А ты предлагаешь мне растоптать прекрасный цветок, который надо бы оберегать и возвращать. Нет, друг, тут я с тобой не согласен. И не затевай со мной разговоры на эту тему, иначе мы можем поругаться.

Солнце поднялось высоко над головами. Будь сейчас лето, мы бы изнывали от жары. Но в Степи уже умирала осень. Умирала, чтобы передать власть своей преемнице-зиме. Унылый пейзаж пришёл на смену буйству красок. Кое-где громоздившиеся валуны казались безжизненными обломками исчезнувших цивилизаций, облезлые кустарники напоминали скелеты некогда сильных животных. Добавляло безрадостную картину низко провисающее хмурое небо. Наступал пасмурный полдень, и мы должны были сделать привал, чтобы подкрепиться. Я отдал соответствующий приказ, и вскоре повсюду разгорелись костры, которые удалось развести благодаря обилию низкорослых кустарников эрикса. Его стволы, оставшиеся сухими даже под дождём, сгорали, давая жар, необходимый для приготовления пищи. Я хотел разыскать Илону, но потом решил не смущать её перед многочисленными зеваками. Моё появление возле девушки, конечно, даст повод для слухов. Лучше подожду более удобного момента, чтобы поболтать с ней.

Я обедал вместе со своими соратниками: Санбеком, Одноглазым, Гуриком и Мариком. Отложив посудину в сторону, я решил немного осмотреть местность прежде, чем мы вновь двинемся в путь. Неподалёку стоял Скиталец Джек и, задумавшись о чём-то, вертел в руках необычный предмет. Я пригляделся и понял, что это очки. Они были изготовлены из кожи. Два кожаных круга, испещрённые многочисленными отверстиями, надевались на глаза. На затылке очки стягивались шнуром.

— Что это? — я указал на это диковинное для ахаров приспособление.

Джек вздрогнул от неожиданности, когда услышал мой голос совсем рядом.

— Это...это очки, — рассеянно отозвался он, — очки для защиты глаз от песчаных

бурь. Вам, ахарам, они ни к чему, ведь ваши глаза приспособлены к таким природным явлениям.

Он был прав. Глаза ахаров имели сильно развитое верхнее веко из-за чего казались узкими. Кроме того наши слёзы содержали специальные вещества, убивающие яйца крисков. Криски — это длинные тонкие, как волос, черви. Весной яйца крисков вместе с песком во время бури поднимались в воздух. Ахарам это не страшно, но если паразит попадёт на незащищённые большие глаза бледнокожего человека, то проникал тут же в них и рос там. Заражённый человек сперва не испытывает никаких неприятностей, но по мере роста паразитов, проблем у него становится всё больше. Сперва появляется боль в глазах, потом наступает слепота, а когда криски попадают в мозг, смерть. Много рабов, привезённых из западных королевств, погибало от этой напасти.

Я стоял и напряжённо думал об Илоне.

— Слушай, Джек...отдай мне эти очки, — попросил я.

— Тебе — то они зачем? — ухмыльнулся Джек. — Ты ж ускоглазик, тебе буря не страшна. К тому же сейчас не весна, бояться нечего.

— Значит очки тем более тебе уже не нужны, — ответил я, — отдай их мне.

— Ну вот ещё что! — возразил Скиталец. — Мне они и самому пригодятся весной.

— Ты себе новые сделаешь, — настаивал я, и голос мой стал суровым, а в сердце зародился жар.

— Послушай, Хизар, я понимаю, что ты у нас теперь важная шишка, — начал было Джек, но замер на полуслове, потому что по лицу моему прокатились огненные всполохи.

— Отдай очки! — уже потребовал я, взбешённый пререканием. — Отдай, иначе...

— Иначе что, Хизар? — нервно хохотнул Джек. — Живьём сожжёшь меня?

— Мне не хочется причинять тебе боль, — я уже почти рычал, — но клянусь, если ты не отдашь мне очки, одним странником на этом свете станет меньше!

— Отдай ему очки, — испуганно пролепетал подбежавший Санбек, — он же не шутит. Тем более Хизар просит не для себя, а для девушки, такой же белокожей, как и ты.

— Ты полагаешь, что это похоже на просьбу? — спросил Санбека Джек. — По мне так он пытается отобрать принадлежащую мне вещь.

Нас окутало тягостное молчание. Я сверлил глазами Джека и чувствовал, что его упрямство вот-вот приведёт к беде. И в самом деле, что ему стоило изготовить ещё одни очки для себя, а эти отдать беззащитной девушке? Джек хмуро смотрел то на меня, то на Санбека. В конце концов он нехотя протянул мне очки.

— Держи, — буркнул он, — я всё равно собирался их менять на новые.

Я взял очки и попытался унять гнев, который вспыхнул в груди неожиданно даже для меня самого. Подошедший Одноглазый молча наблюдал, как Джек отошёл, что-то ворча себе под нос. Успокоившись, я решил, что пора продолжить пути и отдал нужные распоряжения.

Толпа людей всколыхнулась, словно волны неведомого мне моря. Я лишь примерно мог провести такие сравнения, ведь море я никогда не видел. Но я интуитивно чувствовал, что сравнение это удачное. Люди, покидая место привала, ходили на единый водоём, который устремился по одному ему ведомому руслу. Вместе с соратниками я возглавлял процессию. Приближённые мои хранили молчание. Я тоже не спешил начать какой-либо разговор. Впереди были долгие часы пути, а потом тревожная, полная опасностей ночёвка. И всё же через какое-то время Одноглазый решился заговорить со мной.

— Скажи мне, Хизар, — тихо проговорил он, — если бы Джек не отдал тебе очки, ты

бы убил его?

Я молчал.

— Когда вы с ним спорили, кожа твоя словно потрескалась, а из трещин вырывались языки пламени, — продолжил старик, — огонь из твоего сердца рвался наружу, и я видел, что ты еле сдерживаешь его. Ты бы истребил Джека, не так ли?

— Если бы Джек не отдал мне очки, я бы испепелил его, — медленно произнёс я.

— То-то и оно... — пробубнил старик, — испытание властью и силой...это то, о чём я говорил тебе, Хизар.

Глава 12. Ночь в степи

В этот предзимний день солнце рано собралось на покой. Когда его лучи придали серым тучам розовый оттенок, казавшийся нелепым на фоне мрачного неба, я задумался о ночлеге. Кругом была безжизненная земля, но я знал, что это иллюзия, и когда наступит ночь, лихие твари выйдут на кровавый промысел. До деревень было уже недалеко, но тьма всё равно настигнет нас в пути. Хорошо, что я приказал каждому жителю катакомб запастись зловонной мазью, сваренной из экскрементов подземных червей. Если Скиталец Джек не врёт, вонь, источаемая этим снадобьем, поможет людям остаться незамеченными для монстров.

— Надо приготовить пищу до того, как стемнеет, — сказал мне Одноглазый, — на ночь костры оставлять нельзя, иначе нам никакое средство не поможет избежать неприятных встреч.

Я кивнул в знак согласия и поманил рукой Санбека.

— Распорядись, чтобы ужин начали готовить как можно быстрее, — приказал я, — с наступлением темноты все костры затушить. И пусть люди не забудут намазаться зловонной мазью.

Санбек низко поклонился мне, выказывая полное подчинение. Думаю, моя перепалка с Джеком его напугала и он теперь готов скатертью передо мной стелиться, лишь бы не вызвать моего гнева. Меня это не радовало. Хотя, если честно признаться, мне начинала нравиться моя роль повелителя и восхваляемого всеми героя. Но друзей я терять не хотел, не желал делать их своими рабами. Так же, как не желал принуждением заставить Илону быть рядом со мной. Мне нужны были настоящие чувства: искренние дружба и любовь. Любовь... какое ёмкое и волнующее слово. Я не ощущал прежде такого трепета при мысли о человеке. Теперь же появилось человеческое существо, ради которого я готов был убить в общем то ни в чём не повинного странника. Странные ощущения завладели моей душой. Я сидел у только что разведённого костра и погружался в мысли. Но они были не о предстоящей опасной ночи, не о противостоянии великим ханам и даже не о будущей державе ахаров. Мысли мои то и дело утекали по направлению к тому костру, возле которого расположились женщины и дети. Я украдкой подглядывал за ними. Видел, что Агыр намеревался пойти ко мне, но мать непустила его. И правильно. Мальчишка сейчас бы напрягал мои нервы своей трескатнёй. А нервы мои были напряжены здорово. Я уже не просто подглядывал, а пожирал глазами костёр, озаряющий прекрасное личико, обрамлённое светлыми волосами. Только окрик Одноглазого заставил меня вернуться к реальности и приступить к ужину. Скучная провизия ни чем не отличалась от пищи бедняков и рабов. Но мы и были бедняками, отброшенными на обочину судьбы. Однако настало время вырвать удачу из рук разжиревших богатеев.

Поужинав, ахары стали тушить костры, и я сразу заметил насколько стало темно. Ночь опускалась на землю тихо, но стремительно. Неприятное зловоние достигло моих ноздрей. В мозгу родилась догадка: это люди, боясь степного лиха, начали смазывать открытые участки тела снадобьем Джека. Я тоже достал из небольшой котомки, болтавшейся на поясе, крошечный кожаный мешочек и развязал его. Вонь ударила мне прямо в нос почти так же ощутимо, как если бы я получил удал по физиономии во время какой-нибудь склоки. Съеденный ужин едва не очутился на земле. Подавив рвотные позывы, я принялся

намазывать шею, руки и лицо этой дрянью.

Закончив неприятную процедуру, я решил, что надо бы сделать обход лагеря, проследить, все ли приняли меры безопасности. Воины выставили часовых. В темноте я подходил к людям и наблюдал, как они, прижавшись друг к другу, укладываются спать. Холод не был нестерпимым, но давал о себе знать. Однако прижавшись к друг другу, ахары составляли единый организм, способный противостоять капризам морозной ночи.

Под предлогом контроля я подошёл и к женщинам с детьми. Лимана уже лежала, обнимая мирно посапывающих Агыра и Шерику. Илона лечь ещё не успела. Увидев меня, она застыла в ожидании. Я с недавнего времени прекрасно видел в темноте, и теперь заметил немой вопрос в прекрасных глазах.

— У меня кое-что есть для тебя, — тихо сообщил я и, взяв девушку за руку, отвёл её в сторону. Илона послушно пошла за мной. Я был настолько взволнован, что уже не замечал вонючки, исходившей и от меня, и от девушки, и от всех остальных.

— Это тебе, — кожаные очки переключались из моей руки в девичью руку, — очки, чтобы защищать глаза во время бури.

— Но... в это время года песчаные бури редкость, — удивилась Илона.

— Мы не можем знать, как изменится Степь, когда, наконец, выплеснет всю свою злобу. Возможно, для белокожих опасность песчаной бури возникнет и зимой. Кто знает? Так что сохрани эти очки у себя, и если возникнет такая необходимость, сразу надень их. Поняла?

— Поняла, — прошептала Илона.

Я продолжал держать её за руку и почувствовал, как тоненькие пальчики задрожали. Моё тело тоже содрогнулось, но не от волнения, а от поднимающейся снизу живота волны чувственности. Эта энергия, не ведомая мне до селе, заставляла сердце бешено отстукивать безумный ритм. Мускулы мои напряглись, чресла налились тяжестью. Если бы на моём месте был Санбек, я знаю, чтобы он сделал. Теперь я его прекрасно понимал, ведь и сам еле сдерживался, чтобы не повалить красавицу на землю, придавив своим сильным телом, объатым страстным пламенем. Я вздрогнул и быстро отпрянул от Илоны. Моё дыхание сделалось шумным и неровным.

— Иди спать, — просипел я, — завтра день будет ещё труднее, чем сегодня. Илона скорее всего поняла, чего избежала, ибо я своим сверхъестественным зрением различил, как побледнело её лицо. Она быстро засеменила к потухшему костру и уже через минуту спряталась от меня за Лиманой и другими женщинами, больше напоминавшими больше неподвижные валуны, чем людей. Переведя дух, я продолжил свой обход усыпающего лагеря.

Всё было тихо и спокойно. Проходя мимо часовых, я выяснял обстановку. Никто из воинов не замечал ничего подозрительного. Росла уверенность, что вонючее снадобье работает. Не слышно было ни рыка тушканов, ни бормотания транкулов, ни треск прорывающегося сквозь почву огня. Лихо не видело нас. Мы обманули Степь. Всё и дальше было бы прекрасно, если бы не одна безумная выходка. Неприятности начались с того, что я услышал во тьме всхлипывания и настойчивый требовательный шёпот. Два голоса: строгий и плаксивый спорили о чём-то, немного отдалившись от спящих путников. Я пошёл выяснить, что случилось. Здоровяк Гурик заметил это и присоединился ко мне. Приблизившись к спорящим, я строго спросил:

— Почему вы отошли от лагеря?

Мне удалось хорошо разглядеть уставившихся на меня женщин. Одна из них была

совсем стара. Узкие чёрные глаза её окружала сеть морщин, а сухой рот беззвучно шевелился. Другая, совсем юная девица, всхлипывала.

— Объясните, в чём дело! — вновь потребовал я.

— Я не хочу! Ясно? Не хочу мазаться этой дрянью! — взвизгнула девушка.

— Моя дура отказывается наносить на своё тело столь отвратительное средство, — объяснила старуха, — уж простите мою неразумную дочь. Может, вас она послушает? Прикажите, господин, и она не посмеет вам перечить, как перечит немощной матери.

Я грозно взглянул на девушку, ожидая повиновения. Но к моему полному изумлению и ужасу девица отчаянно заверещала, оглашая окрестности.

— Я вам не рабыня, не презренная служанка, что бы так унижать меня! — орала она. — Это нечистоты! Зачем мазаться этой дрянью?

Старуха кинулась на дочь и попыталась заткнуть ей рот, но та вырвалась.

— Вот он! — указала она на меня длинным тонким пальцем. — Пусть он защитит нас от лиха! Ты же обладаешь силой, не так ли, Хизар? Вызови огонь и попали наших врагов!

Её крик переполошил лагерь. Я услышал голос Одноглазого и Джека. Они, встревоженные истерическими воплями, спешили в нашу сторону. Санбека не было, он стоял на часах. Дальше события развивались стремительно. Я слишком поздно понял, что девица безумна. Как только её попытался схватить огромный, как скала, Гурик, она ловко прошмыгнула у него между ног и пустилась наутёк в самое сердце Степи. Девушка при этом продолжала истошно орать:

— Зря! Зря мы покинули Убежище! Человек с огненным сердцем вместо того, чтобы защитить нас своим пламенем, заставляет мазать тело зловонной дрянью, чтобы заглушить человеческий запах!

— Её надо срочно остановить, иначе она привлечёт к лагерю внимание тварей, — крикнул подбежавший Одноглазый. Я стряхнул с себя оцепенение и тут же бросился догонять безумную. Старик и великан неслись за мной, но не поспевали. Позади в чёрное бездонное небо поднимался стон старухи. А потом случилась катастрофа. Вопли сумасшедшей девки были услышаны. Степь тут же отреагировала на появление людей. Во тьме стали различимы многочисленные грубые голоса, и я посетовал на то, что девица не успела отбежать далеко от лагеря. Теперь нашу стоянку могут обнаружить, как уже обнаружили эту сумасшедшую.

Они появились из-за ближайшего холма. Широкоплечие, сгорбленные фигуры с свисающими ниже колен руками, в которых были каменные топоры — излюбленное оружие транкулов. Девушка пока ещё не заметила их и неслась прямо к своей гибели. Она и не слышала их голосов, ведь сама продолжала орать и обвинять меня во всех бедах нашего народа. Транкулы, заметив человека, подняли такой гомон, перемешанный с рычанием, что безумная, наконец, обнаружила их. Девушка резко остановилась, потрясённая жутким зрелищем: на неё уже неслись три здоровенные фигуры, вырвавшиеся вперёд из основной массы подземных людей. Где-то сбоку послышался боевой клич, означающий, что часть транкулов ринулась к лагерю. Нет, они не могли знать, что там расположились на ночлег люди. Средство, изготовленное из экскрементов плотоядных червей, надёжно скрывало человеческий запах. Но у транкулов есть одна особенность: когда они обнаруживают в Степи человека, то некоторые из них кидаются на добычу, а остальные разбегаются в разные стороны и прочёсывают местность, надеясь, что человек путешествовал по Степи не один. Я понял, что транкулы неизбежно обнаружат лагерь. Да, у нас много воинов, но так же много

женщин и детей, которые могут пострадать во время схватки.

— Проклятье! — вырвалось у догнавшего меня Одноглазого.

— Они сожрут её! — выпалил подоспевший Гурик. Он хотел кинуться вперёд, чтобы защитить девушку, но я остановил его.

— Назад! — потребовал я. — Её не спасти да и тебе не справиться в одиночку с таким количеством врагов. Бежим в лагерь! Наши люди нуждаются в защите!

Соратники без пререканий подчинились мне, и мы со всех ног помчались обратно. Я знал, что подбежавшие к девушке транкулы первым делом размозжат её череп каменными топорами. Они всегда так делают. Сразу после расправы, подземные дикари примутся поедать мозг жертвы. Это у них что-то вроде ритуала: мозг первого убитого в схватке человека, по их поверьям, необходимо сожрать, чтобы племя одержало победу.

К счастью, мы подоспели к лагерю минутой раньше, чем наши противники, и я успел поднять тревогу. Что тут началось! Крики, вопли, плач и стон. Чуть позже ко всем этим звукам присоединилось рычание транкулов и хруст раздробленных костей. Наши воины мужественно держали оборону. Я остановился и сосредоточился. Усилием воли вытаскивал я из глубин души ярость, облаченную в огонь. Кожа моя треснула, и лицо объяло пламя. Первая струя огня, исходившего из моей ладони, опалила здорового транкула. Я видел, как его глаза, расположенные на коротких хоботках, бешено вращаются, а с кривыми зубами рот исказился от боли. Враг заметался по земле, сжигаемый заживо огнём. Его сородич, оказавшийся неподалёку, направил оба хоботка, увенченные глазами, на меня. Определив источник опасности, транкул швырнул в меня свой каменный топор с такой силой, что я еле успел увернуться от стремительно летящего в мою голову орудия. Но на этом транкул не остановился. Он издал клич, в результате чего ему на подмогу тут же явились ещё пять подземных людей. Их сгорбленные фигуры начали окружать меня. Я направил огненную струю в метателя топора, однако он был уже готов к такому манёвру и отскочил. Тут же я почувствовал удар в плечо: кто-то отпихнул меня. Я обернулся. Это был Санбек. Парень уже сражался с транкулом, который, видимо, подкрался ко мне сзади и хотел пробить череп, но вовремя подоспевший Санбек отпихнул меня, чем спас от тяжёлой травмы. Я, упав, смог с неожиданной точки метнуть струю пламени в свирепого транкула, который намеревался вернуть свой топор. В тот момент, когда он нагнулся к земле, чтобы поднять оружие, то на мгновение потерял меня из поля зрения. Я не мешкал ни секунды, и вскоре здоровяк с леденящими сердце криками запылал подобно огромному факелу. Его серая кожа лопалась, в результате чего вытекавшая бурая кровь начинала пениться и шипеть.

Между тем схватка продолжалась. Женщины, дети и старики сбились в большую кучу, которую плотным кольцом окружили сражающиеся. Я обвёл взглядом поле битвы и ринулся туда, где в ряду обороняющихся уже начала образовываться брешь. Я не мог без разбора метать огненные струи, боясь испепелить не только врагов, но и соплеменников. Пришлось на время забыть про огонь и обнажить меч. Лезвие легко пронзало грубую серую кожу и отсекало противные хоботки, на которых располагались глаза. Благодаря этим хоботкам, подземные люди могут отлично обзирать окрестность. Хоботки крепились к макушке и имели возможность вращаться независимо друг от друга. Поэтому транкул может одновременно видеть и перед собой, и то, что происходит у него за спиной. Я ослеплял врагов, разрубая мечом эти мерзкие глазастые отростки. Как только транкул лишался зрения, он был обречён.

В пылу битвы я не прекращал думать об Илоне. Моя душа рвалась к ней, но я не имел

права поддаваться эмоциям. Мне надо было командовать воинами и поспевать туда, где дела были совсем плохи. Вот я увидел Одноглазого, которого швырнул на землю транкул. Хорошо, что они не сцепились в схватке. Транкул не бросился на старика, а решил прикончить его ударом топором. Когда длинная рука замахнулась, я, воспользовавшись моментом, направил огонь на нападавшего. Ладони мои гудели, потрясаемые мощным потоком, вырвавшимся из моей плоти. Транкул моментально вспыхнул, выронив топор. Убедившись, что с Одноглазым всё в порядке, я поспешил к Марику, который почему-то сражался левой рукой, видно, правая конечность была повреждена. Толстый транкул махал каменным топором, тесня Марика. Тот в свою очередь предпринимал попытки с помощью кистеня лишить противника оружия. Соратник мой замахнулся, и верёвка, крепившая каменное било к рукояти, несколько раз обмоталась вокруг рукоятки топора противника. Мирак резко дёрнул рукой, вырвав оружие из ладони транкула. Если бы правая рука воина была цела, то он, несомненно, нанёс бы последующий решающий удар. Но Мирак не смог это сделать из-за ранения. Я кинулся прямо на врага и обхватил его руками. Мы упали на землю. Транкул яростно рычал, пытаясь вырваться из моих объятий. Я зажимал руки всё тесней, пока не раздался хруст ломающихся рёбер. Вскоре враг был обезврежен. Он тяжело дышал, видно, сломанные кости пронзили его лёгкие в нескольких местах сразу. Марик удивлённо посмотрел на меня. Ещё бы! Кости подземных людей обычному ахару сломать не под силу. Но многое во мне изменилось после той памятной ночи, когда я, прикованный цепями к столбам, ожидал смерти.

Битва продолжалась ещё долго, но в конце концов враг отступил. В предрассветных сумерках мы, обессиленные, повалились на землю. Надо было прейти в себя после жестокой схватки. Даже я нуждался в отдыхе. Ко мне, ковыляя, подошёл Джек и сказал:

— Лимана мертва.

— Что! — выпалил я, вскакивая на ноги.

— Идём, — бросил мне Скиталец и заковылял обратно к плачущим женщинам.

На земле, окружённая людьми, лежала Лимана. Её чёрные волосы трепал налетевший ветер. Если бы не пятно крови у её изголовья, я бы решил, что она спит или в обмороке. Но рыдающая рядом Илона разбивала все надежды. Рядом отчаянно голосил Агыр. Шерика, напротив, молча сидела, уставившись невидящими глазами в одну точку. Я рухнул на колени рядом с целительницей и заплакал, не боясь показаться слабым.

— Зачем ты покинула нас? — шептал я, наклонившись к обезображенной ударом голове целительницы. — Ты же знаешь, что без тебя нам будет сложно. А как же твои дети? Лимана! Как же Агыр и Шерика? Посмотри на них! Открой глаза! Я приказываю тебе открыть глаза!

Я обнял бездыханное тело и разрыдался от горя и бессилия. Мне вторили плачущие голоса ахаров, лишившихся своей соплеменницы. Илона, всхлипывая, присела рядом со мной.

— Как это произошло? — спросил я.

— Лимана защищала детей, — дрожащим голосом ответила Илона, — своих и чужих. Она старалась пропихнуть малышей глубже в толпу, чтобы враги не добрались до них. Ведь транкулы вытягивали детей за ноги и тут же убивали. Агыр рвался в битву, но мать не пускала его. Однако мальчишка всё же вырвался из её рук и метнулся в самую гущу дерущихся. Он махал своим кистенём, но все эти попытки были бесполезны. Один транкул схватил мальчика и начал душить. Лимана кинулась на выручку сыну. Она вонзила кинжал в

плоть врага, тот выпустил мальчонку из рук и повалился на землю. Но уже другой враг замахнулся топором на Агыра, и Лимана, заслонив собой сына, получила смертоносный удар в висок.

Забрезжил рассвет. Я поцеловал Лиману в лоб и поднялся на ноги.

— Позаботься о её детях, — попросил я Илону.

— Конечно, — подавленным голосом ответила она.

Всё ещё роняя слёзы, я принялся обходить лагерь, подвергшийся ночному нападению свирепых транкулов. Павших было не мало, хотя и далеко не все враги унесли ноги с места битвы. Необходимо было позаботиться о погибших. О том, чтобы закапывать тела в промёрзлую землю, не могло быть и речи. Времени у нас было мало, надо было затемно пересечь Границу Безопасности. Остаться ещё на одну ночь в Степи точно не стоило. Единственным вариантом было предать тела огню. Вместо приготовления завтрака ахары занялись разведением погребальных костров. Вскоре дым горящей плоти распространился по округе, являясь свидетельством жесточайшей схватки со степным лихом, коим являются транкулы и прочие жуткие твари.

Глава 13. Казнь соратника

Мы продолжали путь в скорбном молчании. Я, погружённый в свои мысли, не замечал, как мимо проплывают холмы и одинокие печальные кустарники. Ветер, подвивая, вторил моей душе. Смерть Лиманы произвела на меня удручающее впечатление. Но разве мы могли избежать жертв? Разве можно получить свободу, не пролив на её священный алтарь кровь? О! Я бы не дрогнул, если бы пришлось умереть за свой народ! Но погибла Лимана, женщина с несчастной судьбой и такой отзывчивой душой, ведь, чтобы быть хорошей целительницей, надо любить людей. Лимана любила людей.

Я не заметил, как меня нагнал Одноглазый. Он кашлянул, привлекая к себе внимание. Я обернулся и вопросительно посмотрел на него.

— Хизар, — начал он, — ты должен знать...Джек этот... Скиталец который...он болтает лишнее.

— Что он болтает?

— Говорит, что это ты виновен в смерти Лиманы. Он баламутит народ: то к одним прибьётся, то к другим. И речи у него мятежные.

— Я разберусь с этим, — фыркнул я, хотя мне совсем не хотелось выяснять отношение с кем бы то ни было.

Когда половина светового дня уже прошла, мы сделали привал, чтобы перекусить и отдохнуть. Это был удобный случай для серьёзного разговора. Я выцепил взглядом фигуру скитальца и направился в его сторону. Джек стоял ко мне спиной и о чём-то полусшёпотом беседовал со стариками.

— Уж не меня ли вы обсуждаете? — громко спросил я.

Он обернулся. Его лицо скривилось от насмешливой улыбки, а старики потупили взор.

— Даже если и так, разве запрещено обсуждать тебя? — с вызовом бросил Джек.

— Обсуждать или осуждать? — уточнил я. — Ты считаешь, что я виноват в гибели Лиманы?

— А кто же ещё? — при молчаливой поддержке стариков Джек решил идти в словесную атаку. — Ты должен был предвидеть, что ночёвка в Степи может плохо обернуться. Надо было исключить все риски или вообще не покидать Убежище.

— Не покидать Убежище! — вспыхнул я. — Надо было оставаться в катакомбах и ждать, когда транкулы, потеряв страх перед солнечным светом, лавиной ринутся в подземелье? Или ждать прихода тушканов? Может надо было пригласить в гости песчаных людей? Тебе, как никому другому, известно, что Степь меняется. Твари уже почти не боятся солнечных лучей. Они стали сильнее. Разве не должен был я увести свой народ из катакомб, чтобы люди не оказались там запертыми, словно в ловушку?

Джек молчал и хмурился. Я тоже больше не собирался раскидываться словами и напоследок произнёс:

— Не играй со огнём, Джек. Ещё раз я узнаю, что ты ведёшь такие гнилые речи, я убью тебя.

Не дожидаясь ответа, я развернулся и отошёл от своего обвинителя, оставив в недоумении всех, кто слышал наш диалог.

Через час мы продолжили путь. Санбек шёл со мной рядом.

— Слышал, что ты угрожал Скитальцу, — начал он заискивающим тоном, — правильно.

Необходимо держать людей в крепких руках, иначе ахаров никогда не объединить в одно целое. Не давай людям спуску, Хизар. Вот такой мой совет.

— Я учту твоё мнение, — нехотя отозвался я, показывая всем своим видом, что не хочу продолжать разговор. Санбек пожал плечами и чуть отстал от меня.

Путь продолжался ещё около двух часов. Вдруг ко-то закричал:

— Граница Безопасности! Мы дошли!

Я напряг зрение. В самом деле впереди виднелись окрашенные в красный столбы, означающие, что в этом месте проходит граница ночного купола. Когда мы приблизились к ним, я осмотрел почву. На земле была видна борозда, уходившая далеко в обе стороны. Борозда образовалась в месте, где магический купол неоднократно соприкасался с почвой.

— Дошли! — радостно воскликнул Санбек. — Теперь можно безбоязненно ночевать под открытым небом!

— Ну, под открытым небом, надеюсь, ночевать не придётся, — проговорил Одноглазый, — я знаю эти места. Немного пройдем и наткнемся на большую деревню с вместительными юраками.

— Какому клану принадлежит деревня? — спросил я.

— Клану Обэк, — сообщил старик и многозначительно посмотрел на меня.

— Клану Обэк! — я не смог сдержать волнения. — Это клан, руководимый мерзавцем Омисом Обэком! Он и его люди убили мою семью!

— Значит ты сможешь отомстить! — обрадовался Санбек. — Воинов у нас предостаточно. Нападём на деревню, перебьём всех мужчин, а женщин... — он похотливо усмехнулся, — женщин используем по назначению.

— Нет! — рявкнул я, и парень отшатнулся от меня, ошарашенно моргая глазами.

— Слушайте меня все! — призвал я внимание соратников. — Никого мы грабить не будем! Мы войдём в деревню. Если поганый Омис и его воины будут там, мы начнём сражение против них. Но только против них! Мирных людей не трогать! Не трогать и тех воинов, которые откажутся биться с нами. Я запрещаю грабить и насиловать, убивать без причины и разорять жилища. Мы единый народ! Как мы построим сильную империю, если продолжим резать друг друга? Я приказываю каждому из вас вести себя достойно и справедливо. Каждого, кто нарушит приказ, ожидает смерть! Марик, проследи, чтобы мои слова были переданы каждому человеку.

— Будет выполнено, Хизар! — Марик с готовностью и каким-то особенным восторгом принялся выполнять эту задачу: отправил с соответствующим поручением людей, что бы те обошли всю толпу ахаров и громогласно объявили о моём решении.

Я же поручил Гурику выслать вперёд отряд разведчиков, чтобы они разведали обстановку в деревне. Уже через несколько минут от нас отделилась группа молодых мужчин и направилась в указанном Одноглазым направлении. Мы двинулись за ними следом.

К деревне мы приблизились незадолго до заката. Многочисленные юраки казались безжизненными памятниками. На улице не было ни одного человека. Разведка доложила мне, что в деревне практически нет воинов. Видимо проклятый Омис со своим сбродом трётся возле великих ханов, чтобы повысить свой статус, выполняя какие-нибудь подлые и жестокие поручения. Они бросили своих женщин, стариков и детей, совершенно не заботясь об их участи.

Я вышел в центр деревни и громогласно произнёс:

— Приветствую вас, ахары! С вами говорит Хизар Марэк! Я- человек с огненным сердцем и я обещаю вам защиту и процветание в том случае, если вы признаете мою власть!

Я сделал паузу. Мои люди взирали на меня с большим вниманием. Что же касается жителей деревни, то они, поняв, что никто не собирается их грабить и убивать, начали потихоньку выглядывать из своих юрак. Некоторые даже осмелились выйти наружу.

— Грядут великие перемены! — продолжил я. — Степь уже совсем не та, что была прежде. Скоро, совсем скоро она обрушит свою ярость на ахаров! Но я знаю, что мы сможем противостоять Степи! Для этого надо объединиться и стать наконец сильным народом! Хватит междоусобиц! Хватит несправедливости! Хватит рабства! Отныне женщины не должны бояться рожать новых воинов, а старики не должны умирать в нищете. Детей не должна постигать смерть от руки грабителя, а юные девицы должны перестать бояться насилия!

Деревенские высыпали из юрак и стали впитывать такие желанные слова. Я видел по их глазам, что речи мои проникают прямо в исстрадавшиеся сердца.

— Я клянусь вам, что отныне нельзя будет безнаказанно обидеть слабого и беззащитного! Каждый преступник: насильник, грабитель, убийца, вор должен понести наказание! — заявил я. — И наказание суровое! Пусть этим наказанием станет смерть! Я со своими людьми направляюсь в Амбухат, дабы свергнуть несправедливую власть великих ханов, избавить от гнёта мой народ, а затем дать достойный отпор Степи! Степь покорится ахарам! Сейчас я прошу ночлега для себя и своих людей, чтобы завтра со свежими силами мы могли двинуться на город.

Я ещё много чего говорил. Ахары задавали мне вопросы, на которые мне надо было отвечать честно и открыто, чтобы завоевать доверие людей. И люди начали верить мне. Нас разместили на ночлег в деревне. Женщин, детей, стариков гостеприимно пригласили в юраки, мужчины расположились между жилищами. Нам довелось даже плотно поужинать, причём не надоевшей тынчой. Нас угощали лонией, сваренной с лапшой и кусками верблюжатины, вином из январского винограда и мучными лепёшками. Но я не терял бдительность и приказал выставить часовых.

Перед тем, как идти спать, я захотел увидеть Илону. Мне непреодолимо тянуло к ней. Девушка расположилась в центральной юраке вместе с детьми бедной Лиманы. Она, уложив ребят спать, вышла зачем-то из жилища и сразу наткнулась на меня. Девушка вздрогнула, но не от ужаса передо мной, а от неожиданности. Длинные ресницы часто захлопали, словно опахало какой-нибудь знатной дамы Запада.

— Прекрасный вечер, — заметил я и почувствовал, как широкая улыбка появилась на моём лице.

— Вечер изумительный, — улыбнулась в ответ Илона, и моё сердце возликовало.

— Не хочешь прогуляться под звёздным небом. Здесь, в пределах действия магического купола, мы в безопасности.

Девушка молча кивнула, и мы пошли подальше от любопытных взоров.

— Что говорят обо мне хозяева юраки, в которой ты разместилась?

— Они сказали, что сперва боялись тебя. Опасались, что начнёшь грабить, имея столько воинов в своём распоряжении, — поведала мне Илона, — но теперь в их сердцах затеплилась надежда на то, что легенды не врут.

— То есть они верят мне? — обрадовался я. — Верят, что я человек с огненным сердцем?

— Они хотят в это верить, — отозвалась девушка.

— А ты? Ты веришь мне? — спросил я, замирая от волнения.

— Я верю тебе, Хизар, — Илона взглянула мне прямо в глаза, и этот взгляд, казалось, обжигал мне душу. Жар прокатился волной по моему телу. Я несмело приобнял девушку, готовый в случае её сопротивления тут же отпустить её. Но она не сопротивлялась. На висках моих запульсировали вены. Я прерывисто задышал.

— Что же это значит, прекрасная Илона? — пересохшим языком прошептал я. — Не значит ли это, что я могу рассчитывать на нежные чувства...

— Можешь, — последовал короткий ответ. Я крепче прижал девушку к своему телу. Она по-прежнему не оказывала никакого сопротивления.

— Тогда скажи мне, Илона, — что ты чувствуешь?

— Я чувствую, что сердце моё не сможет больше без тебя, — произнесла красавица и тут же спрятала лицо на моей груди.

Мы больше ничего не говорили. Просто стояли и наслаждались обществом друг друга. Над нами сияли звёзды, где-то недалеко засверкали всполыхи: это маги, исполняя свой долг, простирали над землями ахаров защитный купол. Я забыл обо всём. Забыл о мести врагам, о степных тварях, о бесконечных бедах своего народа. Для меня в тот момент существовала лишь Илона, этот чудный цветок, что был мною спасён от чудовищной смерти. Я содрогнулся при мысли, что стало бы с Илоной, не окажись мы с Санбеком тогда возле Жертвенника.

— Мне надо идти к детям, — тихо сказала моя красавица, — они могут проснуться и испугаться, не обнаружив меня рядом.

— Тогда идём, — нехотя отозвался я.

Проводив Илону до юраки, я ещё долго стоял рядом с жилищем и блаженно улыбался, даже когда девушка юркнула в узкий проход.

— Милостивый господин, — вдруг услышал я старческий голос за спиной. Обернулся. Передо мной, опираясь на посох, стоял пожилой ахар. Он укутан был в короткий румых на верблюжьем меху. Из-под румыха виднелся хатыль зелёного цвета, что выдавало в старике родственника ненавистного хана Омиса Обэка.

— Я слушаю тебя, старик, — голос мой сделался суровым.

— Меня зовут Форэм Обэк, — представился собеседник, — я дядя главы нашего клана, Омиса. Но не спеши хвататься за меч, ибо я не причастен к смерти твоих близких.

— Не беспокойся, — отозвался я, — таких стариков не казнят. Но с чем пожаловал ты ко мне?

— Я вижу, что ты благородный человек, Хизар Марэк, — объяснил Форэм, — ты не стал мстить нашей деревне за смерть отца и братьев, хотя другой перерезал бы сейчас всех жителей, оставшихся без защиты воинов. Но ты иной, и потому я верю, что тебе уготована особенная судьба. Проследуй за мной в мою юраку, чтобы я мог угостить тебя, как дорогого гостя.

Было в этом старике что-то особенное. В нём сочетались мудрость и бесстрастность, свойственная людям, почти отжившим свой век. Советы таких старожил бесценны, и потому я без промедления воспользовался приглашением.

Когда я вошёл в юраку Форэма, ноздри мои защекотал приятный запах люкинды, большой лепёшки с верблюжатиной. Обычно такое блюдо могли позволить себе люди зажиточные. Клан Обэк был не таким богатым, но кусок верблюжатины для гостя нашёлся.

Это польстило мне. По приглашению хозяйки я уселся возле очага и разделил со стариком позднюю трапезу. Когда посуда была отставлена в сторону, а кувшин опустошён, старик, помолчав, сказал:

— Племянник мой, Омис Обэк, сверг когда-то меня с трона. Точнее он проделал тонкую работу, чтобы вынудить меня передать власть в его руки. Подданные наши были им подговорены, воины изменили мне. В тот день мерзавец ещё не на столько обнаглел, чтобы резать всех подряд, поэтому я остался жить. А теперь я стар и я больше не конкурент хану Омису. Но не это меня печалит, Огненное Сердце. Я стражду, наблюдая унижение наших людей. Хан ни сколько не заботится о своей деревне. Он оставил нас прозябать здесь в Степи, а сам трётся возле великих ханов в Амбухате. Сколько времени прошло после священных дней Харун-Даха, а наш горе-глава так и не вернулся сюда. Выручка от торговли не дошла до жителей деревни. Просмотри: здесь нет ни хана, ни воинов. Кто защитит нас в случае набега соседей? Тем более кто встанет на нашу защиту, если степное лихо и впрямь прорвётся сквозь купол?

— Я бы оставил тебе часть своих людей для охраны, но у меня на счету каждый воин, не так уж нас и много.

— Я понимаю это, Хизар, — кивнул Форэм. Я прошу тебя лишь об одном: убей проклятого Омиса. Он разорил наш клан.

— Я непременно сделаю это, — мысли мои закипали при воспоминании об этом негодяе.

— Вот и славно, — вздохнул старик, — а теперь пора спать.

Он указал мне на ложе, а сам разместился на соседнем. Утомлённый, я сразу закрыл глаза.

Ночь пролетела быстро. Казалось, мои веки только сомкнулись, но тут пришлось проснуться из-за дикого шума. Я вскочил. Свет сверху струился из дымового отверстия. С улицы раздавались крики и плач.

— Хизар! Хизар! — послышался голос Одноглазого. — Беда!

Я выскочил из юраки, обнажив меч и сверкая глазами. Ахары отпрянули от меня. Следом из жилища вышел и Форэм.

— Один из наших убил ребёнка! — выпалил Одноглазый, не дожидаясь вопросов. — Вон его ведут наши воины!

Я посмотрел, куда показывал Одноглазый. И правда мои воины вели мужчину, руки которого были скручены за спиной. Следом за ними шла вопящая женщина. Лицо схваченного было опущено вниз, а голову покрывал капюшон.

— Кто нарушил мой приказ? — взвыл я. — Это Джек Скиталец?

В глубине души я даже надеялся, что это Джек. Мне этот чужестранец не нравился своим независимым поведением. К тому же он мог вести подрывную деятельность, настраивая против меня людей, что уже случалось. Какой удобный случай расправится с опасным человеком законно.

Схваченного подвели ближе, и сердце моё вздрогнуло, пот выступил на лбу. Это был Санбек...

Молчанием окрасилось степное неприветливое утро. Народ сходилась всё ближе. Даже орущая женщина, казалось, онемела. Санбек поднял на меня глаза и его рот скривила презрительная улыбочка. Он первый начал разговор.

— Хизар, прикажи отпустить меня. Ничего особенного не случилось. Я просто решил

развлечься со служанкой вот и всё.

— Причём здесь ребёнок? — строго спросил я.

— Он убил моего сына! — взорвалась новой волной отчаяния женщина. — Бедная моя девочка приглянулась этому хищнику! Он напал на неё и повалил наземь! А мой младший сынишка кинулся защищать сестру, тогда этот изверг одним ударом вышиб из него жизнь!

Негодование вскипело в моей груди, глаза в любой момент могли начать метать искры.

— Ты что наделал! — взревел я. — Я что сказал? Я сказал никого не трогать!

— Но, Хизар, это всего лишь слуги...они почти рабы, — запинаясь отозвался Санбек. От его ухмылки не осталось и следа.

— Я говорил тебе сотню раз, что рабство надо искоренять! И прежде всего надо искоренять его из сознания людей! Я так и не смог вышибить его из твоей головы!

— И что ты со мной сделаешь? — нервно рассмеялся Санбек. — Прикажешь выпороть в присутствии толпы? Из-за какой-то челяди?

— Отойдите от него, — приказал я воинам.

Те повиновались.

— За нарушение приказа, за убийство невинного дитя ты проговариваешься к смерти, — слова мои монотонным ритмом оглушили виновника трагедии. И в тоже время резали мою душу.

Лицо Санбека перекошилось от ужаса и удивления.

— Постой, Хизар, что ты несёшь? — пролепетал он в волнении. — Я же спас тебя, помнишь? А перед этим я привёл тебя в катакомбы, помог там освоиться...ты не можешь...

— Могу... я должен, — тихо, но жёстко ответил я, еле сдерживая боль, терзавшую мне грудь. — Я обещал жителям этой деревни, что никто из них не пострадает. Я предупреждал, что смертью покараю того, кто ослушается меня. Как теперь отказаться мне от своих слов? Если каждый воин начнёт по собственной прихоти казнить и насиловать, мы превратимся в мародёров и грабителей. Но у ахаров должно быть другое будущее. Они должны стать великим народом! Отныне никто не посмеет нарушать приказ и измываться над своими же беззащитными соплеменниками.

— Ты не можешь меня убить! — истерично заорал Санбек и бросился на меня. Но я уже воздел карающую длань к небу. Мгновение и струя пламени впилась в тело моего соратника, перед которым я был в долгу. Пламя тут же обволокло Санбека, причиняя ему нестерпимую боль. Он орал так, словно глотку рвут десяток человек. Запах палёной плоти заставил присутствующих закрыть носы. Люди в ужасе застыли, они были не в силах отвести взгляд от чудовищного зрелища: Санбек катался по земле в предсмертных муках. Его пожирал огонь. Женщины плакали, старики увели подальше детей, воины молча взирали на жуткую картину. Я закрыл глаза, чтобы не видеть, как обугленные руки и ноги дёргаются в последних конвульсиях. Из-под закрытых век моих катились слёзы, и мне пришлось отвернуться. Открыв вновь глаза, я увидел перед собой Одноглазого. Старик смотрел на меня в упор своим единственным глазом. И во взгляде этом не было ни осуждения, ни страха. Он кивнул мне, а я, изнывая от невыразимой душевной боли, быстрым шагом пошёл прочь от места казни. Я убегал от смерти соратника, убегал от страшной реальности, убегал от самого себя, но я знал, что с намеченного пути я уже не сойду.

Глава 14. У стен Амбухата

После казни Санбека прошло несколько дней. Я избегал все разговоры о произошедшем. Нестерпимая боль щемила сердце. Кипучая деятельность помогала её заглушить. Первым делом я отправил послов во все ближайшие деревни с призывом вступить в мою армию и идти вычищать Амбухат от тирании великих ханов. И это возымело успех. Многие главы менее влиятельных кланов согласились выступить против ханов Амбы, Лина и Эгги. К тому же выяснилось, что головорезы Омиса Обэка уже успели изрядно набедокурить практически во всех селениях ахаров. Они вели себя нагло, враждебно по отношению к собственному народу. Их не могли остановить защитники деревень, так как вооружённых до зубов грабителей стало слишком много. Послы не только призывали от моего имени покончить с тиранией, но и объявляли, что явился в Степь человек с огненным сердцем, который, как предсказано в легендах, подарит своему народу светлое будущее, создав могущественную империю. Надо сказать, что ахары свято чтут предания, поэтому многие, увидев мои сверхспособности, моментально признали меня своим владыкой и избавителем. Сам же я начинал тяготиться ролью всенародного героя. Теперь я понимал, что имела ввиду Пророчица, о чём предупреждал меня Одноглазый. Став предводителем освободительного движения, я взвалил на свои плечи невероятно тяжкое бремя ответственности. Отныне и я, чтобы удерживать власть в своих руках, должен буду забыть о милосердии к нарушителям законов и правил, мною установленных. Санбек стал первой жертвой моей власти, моего долга и предназначения.

В деревне мы дожидались тех, кто откликнется на мой призыв. Всё это время я постоянно советовался с Одноглазым и Форэмом Обэком, составляя план захвата Амбухата. Сложность заключалась в том, что город защищают воины, отличающиеся непревзойдённым мастерством, выносливостью и бесстрашием. Все знали, что воины Амбухата будут драться до последней капли крови. В народе ходили легенды об их свирепости. Одним своим видом они могли устрашить неокрепшие сердца. Страшные железные маски закрывали их лица, придавая своим хозяевам вид жутких демонов. Кольчуги и железные перчатки с острыми шипами дополняли этот образ. Оружие у воинов Амбухата тоже было отменным: длинные обоюдоострые мечи, кинжалы «жало змеи», метательные диски с острыми краями, называемые часто «солнцем погибели».

— Больше всего нам доставят проблем именно эти воины, — говорил я своим соратникам. — С боевыми магами, создающими защитный купол, нам тоже придётся столкнуться. Жаль, что мы не знаем подробного плана Круглого дома, в котором маги обучаются и живут.

— Если бы ты не убил Санбека, мы бы узнали от него много подробностей, — заявил Джек, — ведь парень прожил в Круглом доме год.

Я гневно посмотрел на Скитальца, тот невозмутимо стоял, скрестив руки на груди.

— Хочешь сказать, что не надо было карать его? — процедил я сквозь зубы.

— Хизар, ты, как новоявленный правитель, должен был предвидеть последствия своих действий, — дерзко ответил Джек.

— Я тебе ничего не должен, понял! — гнев начинал шевелиться в моей душе.

— Как и я тебе, — ухмыльнулся Джек, — я ведь не ахар, просто странник.

— Так чего же ты делаешь в моей армии?

— А куда мне ещё податься? Степь вот-вот взбесится, на запад я возвращаться не хочу... здесь моё место. Интересно будет проверить, действительно ли ты человек с огненным сердцем, которому прочат великое будущее.

— Почему ты не хочешь возвратиться в родные края? — подозрительно прищурившись, поинтересовался я.

— А этого я тебе не скажу, Хизар, — буркнул Джек.

— А если я заставлю?

— Будешь пытаться меня своим огнём? — насторожился Скиталец. — Тогда чем ты отличаешься от проклятых ханов? Или от того же Омиса Обэка?

— Для предателей я постараюсь ни чем от них не отличаться! — мои кулаки сжались.

— Успокойся, Хизар! — окликнул меня Одноглазый. — Правитель должен держать свои чувства под контролем.

Держать свои чувства под контролем! Порою это невыносимо сложно. Особенно, когда тебя провоцируют. Я понял, что необходимо сократить контакты с Джеком до минимума, иначе быть беде. Необоснованная казнь могла здорово подмочить мою репутацию. Меня и так многие побаивались. Хуже всего, что после расправы над Санбеком страх передо мной вернулся к Илоне. Девушка старалась не показываться мне на глаза и сразу пыталась уйти при моём приближении. В такие минуты моя душа походила на вымокшую под дождём рваную тряпку. Во мне таилась могущественная сила, но она ничего не могла сделать, чтобы решить сердечные дела. Любовь не выносит принуждения, и мне было это известно. Единственным разумным решением оказалось оставить Илону в покое. Пусть привыкнет к тому, что я не только спасаю, но и караю. Отныне это тоже моя обязанность. Но примет ли красавица в своё сердце меня таким? Народ принял. Принял своего огненного человека. С каждым днём армия моя росла. Ханы приезжали лично, чтобы засвидетельствовать свою верность мне. Они приводили с собой воинов, которые пополняли войско. Народ рукоплескал мне, когда я выходил из юраки. Время отчаянных действий наступало.

Наконец пришёл день, когда наше многочисленное войско тронулось в сторону Амбухата. Кроме воинов деревню покинули некоторые женщины и дети. Илона не хотела идти к стенам города, но я настоял, опасаясь, что степное лихо может вот-вот прорваться за купол. Тогда незащищённых жителей деревни ждала бы гибель. А среди воинов были шансы уцелеть. Илона взяла с собой и осиротевших Агыра и Шерику. Казалось, что дети повзрослели на несколько лет.

До Амбухата было всего два дня пути. В первую ночёвку я обходил войско. Немногочисленные женщины и дети расположились поодаль. Сердце моё рвалось к ним, ибо невыносимо было долго не видеться с Илоной. Возле небольшого валуна я разглядел ребёнка, который сидел на корточках, понунив голову. Это был Агыр. Мальчик сидел и горько плакал, думая, что его никто не видит. Мне была известна причина его горя. Она была известна всем. Но что можно было сделать? Мёртвые не возвращаются на нашу грешную землю.

— Эй, Агыр, — вкратчиво сказал я, обнимая мальчика за плечи, — мужчины не должны плакать.

Я знал, что это самое идиотское утешение, какое только можно выдумать, но опыта общения с детьми у меня почти не было и я пытался говорить с Агыром, как со взрослым человеком.

— Это я виноват, — всхлипнул мальчик, — я не послушал маму и ринулся в бой...если

бы я этого не сделал, маме не пришлось бы меня спасать...

— Мы этого не знаем, Агыр, — мягко сказал я, — возможно, твоя мать всё равно погибла бы...каждый уходит в предназначенное ему время...и ты не виноват, ты вёл себя, как мужчина, как храбрый ахар.

Ребёнок перестал всхлипывать и вдруг прильнул ко мне своим тщедушным тельцем. Я гладил его по жёстким спутанным волосам и сам еле сдерживал слёзы, вспоминая добрую Лиману. Так нас и нашла Илона, вышедшая на поиски исчезнувшего подопечного. Девушка вздрогнула, увидев меня. Глаза её широко распахнулись. Илона хотела уйти, но я остановил её.

— Не торопись уходить, Илона, — попросил я, — вот Агыр, которого ты, вероятно, ищешь. Мне же пора, не буду мешать вам устраиваться на ночлег...

Я не знал что ещё сказать, молчала и Илона. Мы стояли друг на против друга и не смели шевельнуться. Наконец, призвав всю свою храбрость, я попытался взять девушку за руку.

— Не надо, Хизар, — красавица отпрянула от меня, увлекая за собой мальчика, — не надо...

Мне оставалось только растерянно пожать плечами и убраться прочь. В тот момент одиночество грызло моё сердце. Да, среди верных мне воинов я был как никогда одинок.

Утро разлило над Степью тусклый свет. Земля, покрытая тонким слоем выпавшего ночью снега, казалась угрюмой и пустынной. Эта мрачность сочеталась с разъедающей тоской, поразившей мою душу. Но, как сказал Одноглазый, правитель не должен давать волю чувствам. Не должен. Теперь жизнь моя подчинялась строгим правилам. И не только действия, но и малейшие движения души, малейшие стремления сердца. Я был чего-то не должен или, наоборот, что-то должен. Такие понятия, как «хочу» или «не хочу» навсегда остались в прошлом. И всё же я хотел. Хотел, чтобы Илона открыла мне своё сердце, чтобы она верила мне, а не боялась.

Двинулись в путь. Напряжение чувствовалось в каждом взгляде, в каждом шёпоте, в каждом движении, ведь мы приближались к Амбухату, единственному крупному городу, построенному нашим народом. Разумеется великие ханы уже знают о нашем приближении. Оставалось только гадать, что они предпримут: вышлют ли нам на встречу войско или предпочтут обороняться за городскими стенами. Первый вариант был желаннее. В этом случае нам удалось бы уничтожить много воинов Амбухата. А если они засядут в городе, как в крепости, задача усложнится. Однако это не должно нас останавливать.

Наконец через несколько часов по полудню впереди показались городские стены. Мы приближались. Казалось, что город вымер. Ворота были закрыты, снующие туда-сюда торговцы исчезли, на башнях не видно было людей.

— Похоже, что великие ханы заняли выжидательную позицию, — хмыкнул здоровяк Гурик.

— Да... — задумчиво протянул Одноглазый, — штурмовать придётся.

— Мы изначально знали, что так может быть, — сказал я, — стены, правда, высоковаты...

— Высоковаты стены! — хохотнул Джек Скиталец. — Видел бы ты стены западных городов! Вот там стены так стены, а тут одно посмешище!

— Хочешь сказать, что на Западе города лучше защищены? — спросил я, посмотрев на Джека в упор.

Он ни чуть не смутился.

— Да, Хизар, — ответил Джек, — ахары — славный народ, но города вы строить явно не умеете. Стены западных городов гораздо выше и сработаны они из камня, а не из навоза. Ты запросто сможешь призвать свой огонь и сжечь стены Амбухата.

— Сжечь город? Ни за что! — возмутился я.

— Я сказал, что ты можешь сжечь только стены, — возразил Джек.

— Но пожар перекинется и на здания, — продолжал спорить я.

— А ты контролируй огонь, — парировал Джек, — ты же человек с огненным сердцем. Что тебе стоит управлять пламенем?

Я задумался. Управлять огнём я, конечно, мог, но это было в бою при атаках противника. И то сказать я не мог использовать пламя, когда враг и соратник находились слишком близко друг к другу. Ведь огонь мог поразить не только противника, но и преданного мне воина. Тогда мне приходилось браться за меч. Смогу ли я сделать так, чтобы огонь уничтожил только стены, а пламя при этом не перекинулось бы на городские строения?

— Скиталец прав, Хизар, — Одноглазый положил мне руку на плечо, — ты должен попытаться.

— Хорошо, — произнёс я после недолгого раздумья, — но прежде отправим послов в город. Предложим ханам сдаться.

Неудержимый смех Скитальца огласил Степь. Воины тревожно переводили взгляд то на меня, то на Джека. Я не мог проглотить эту обиду, это явное проявления неуважения ко мне.

— Смеёшься надо мной, Джек? — почти как змея, прошипел я.

— Да брось, Хизар! — сквозь хохот проговорил насмешник. — Сам подумай, не глупо ли со стороны великих ханов добровольно отдавать свою власть?

— Не глупо, коли они хотят жить! — грозно произнёс я. — А не глупо ли тебе смеяться надо мной?

— Только не надо мне угрожать, человек с огненным сердцем, — Скиталец сделался серьёзным, — я волен смеяться над кем захочу, если услышу глупость. Отправишь послов, впустую потеряешь время.

— И всё же долг обязывает меня прежде попытаться решить дело миром, — нахмурился я, — там, за городскими стенами не только наши враги, но и наши друзья, жаждущие освобождения от гнёта.

— Ах да, я и забыл, что ты играешь в благородного героя, — кривая ухмылка вновь появилась на лице Джека. Этого стерпеть уже было невозможно. Я кинулся на Джека и схватил его за горло. Цепкие мои пальцы почувствовали жар, поднимающийся из глубин моего существа.

— Что же ты меня шутком выставляешь! — заорал я, сотрясая противника, как мешок с просом. Джек попытался разжать мои пальцы. Лицо его покраснело, глаза выпучились.

— Хизар, стой! — послышался голос Одноглазого.

Я усилием воли заставил себя разжать пальцы и отшвырнул Скитальца на землю. Тот закашлялся, держась за горло и тяжело глотая воздух.

— Приготовить послов для переговоров, — отдал я приказ и поспешил заняться этим вопросом, не обращая внимания на Джека, хотя ярость бурлила во мне.

Через пару часов группа посланников была сформирована. Она состояла из пяти воинов, руководил которыми наш великан Гурик. Я возлагал на него большие надежды, так как громила был не только великим воином, но и умным человеком. Он должен был убедить

великих ханов сдать, уступить право правления человеку, предназначенному судьбой для создания империи ахаров. Простой народ любил сказания о человеке с огненным сердцем. Люди ждали перемен в своей жизни, во мне крепла уверенность, что народ поддержит меня. Но существовала опасность, что ханы не дадут послам пообщаться с горожанами, поэтому пришлось поломать голову прежде чем найти способ донести до населения важную новость о прибытии предсказанного героя. Способ этот предложил Одноглазый.

— Надо чтобы с воинами в город проник смыслённый ребёнок и разнёс радостную весть о том, что пророчества начали исполняться, — заявил старик.

— И как мы это сделаем? — спросил Марик.

— Очень просто, — Одноглазый хитро прищурился, — Гурик настолько большой, что под его плащом спрячется ушлый мальчишка. Как только группа окажется за воротами, ребёнок спрыгнет со спины великана и помчится по городу, затеряется в толпе, а потом разнесёт благостные вести. Уверен, горожане, уставшие от деспотизма, встанут на твою сторону, Хизар.

План, конечно, был сомнительный, ведь ребёнок мог испугаться, мог быть схвачен воинами Амбухата, стражниками ворот, да мало ли что ещё могло стрястись. В конце концов мальчишке могли просто не поверить. Однако никаких других идей, как переманить на свою сторону горожан не было. Пришлось согласиться на предложение Одноглазого.

— Осталось выбрать подходящего ребёнка на эту роль, — подвёл итог Марик.

— Я знаю, кто отлично справится с этим заданием, — сообщил я и тут же направился к группе женщин, отыскивая глазами Илону.

Увидев меня, девушка вздрогнула и опустила глаза.

— Где Агыр? — как можно мягче спросил я.

Илона удивилась, но спрашивать ничего не стала. Она молча привела ко мне мальчика. Я присел перед ним на корточки и потрепал по чёрным сальным волосам.

— Как дела, вони? — спросил я Агыра, тот внимательно посмотрел мне в глаза, — у меня есть важное задание для тебя. Только ты сможешь с ним справиться.

Илона, услышав эти слова, явно занервничала. Она перепугалась за ребёнка, к которому успела привязаться всей душой. Я почувствовал некоторую вину перед ней, ведь никто не мог знать наверняка останется ли Агыр в живых. Я решил честно сказать мальчику, что задание опасное и начал объяснять задачу более подробно. Агыр слушал, а глаза его разгорались воинственным огнём. Ещё бы, это же было настоящее дело, достойное мужчины. В отличие от Агыра Илона не пришла от услышанного в восторг.

— Ты понимаешь, что мальчик может погибнуть? — тихо произнесла девушка.

— Мы все можем погибнуть, — так же тихо ответил я, — потому мы должны использовать всякую возможность для победы. Я понимаю, твоё сердце тревожится за дитя, но Агыр рождён мужчиной и сейчас его помощь нам просто необходима. Он уже не младенец. Дети Степи взрослеют рано.

Больше мне нечего было сказать в своё оправдание. Да, я решил использовать дитя для достижения своих целей. Да, это было опасно, но куда более опасно было бездействовать, ждать, пока Степь войдёт в полную силу, а разрозненные ахары не смогут ей сопротивляться.

Наконец группа была готова. Гурик шёл позади всех. Под его плащом, прицепившись к спине громилы, укрылся Агыр. Шедший впереди воитель держал над головой два

скрещенных меча, что означало желание начать мирные переговоры. Этот знак древний, как наш народ, был понятен любому в Степи. Группа двинулась к городским стенам. Как только воины пройдут за ворота, Агыр спрыгнет со спины Гурика и стрелой помчится прочь от стражников, разнося благую весть о появлении легендарного героя. Воины же должны предложить великим ханам сдать город. Я через своих посланников обещал сохранить жизнь ханам Амбе, Лину и Эгги, несмотря на их заговор против моего отца. Хана же Омиса Обэка я требовал выдать мне для свершения над ним возмездия за непосредственное убийство моих родных. Разумеется, я не собирался прощать и великих ханов. Я обещал им пощаду лишь для того, чтобы они без боя сдали город. Позже я бы и с ними расправился, нашёл бы их на краю Степи, достал бы из-под земли, но сейчас необходимо было действовать не так кардинально.

Потянулись неимоверно долгие часы ожидания. Ночь укрыла Степь, но та всё ещё не могла справиться с магическим куполом. То тут, то там видны были всполохи: работали маги, охраняя земли ахаров от степного лиха. Мы, находясь под стенами Амбухата, были в относительной безопасности. По крайней мере могли не опасаться тушканов, песчаных людей, транкулов и цэрэгов. Мучительно захотелось увидеть Илону. Мои ноги сами направились к ночлегу женщин. Красавица лежала, обняв спящую Шерику и укрывшись плотным полотном из верблюжьей шерсти. Я присел рядом, прислушиваясь к мирному посапыванию ребёнка. Девушка же спала беспокойно. Она то вздрагивала, то беспокойно начинала ворочаться. Возможно, она даже во сне чувствовала моё присутствие. Эти мысли погнали меня прочь, не хотел мешать Илоне спать. Сердце моё ныло, но что я мог сделать?

Когда забрезжил бесцветный рассвет, воины пробудились от того, что часовые дали тревожный сигнал. К нам приближался человек верхом на верблюде. Вроде бы один воин не должен вызывать опасения, но какое-то дурное предчувствие охватило мою душу. Я приказал приготовиться отразить любую атаку. Мы встали плотной ошестинившейся стеной, поджидая посланника. Верблюд приблизился к нашему стану. На нём восседал человек в железной маске, облачённый в мощные доспехи. Это был воин Амбухата. Безмолвный, как статуя, грозный, как сама смерть. Человек, не проронив ни слова, кинул на землю большой мешок и, развернув верблюда, направился восвояси. Одноглазый хотел было приблизиться к мешку, но я остановил его:

— Не надо! Я сам.

— А вдруг там ядовитая змея какая-нибудь? — запротестовал старик.

— Ну значит она предназначена мне, — нервно рассмеялся я, — зачем тебе рисковать? Тем более я уверен, что теперь мне нечего опасаться яда. Ты забываешь, кто перед тобой. Я человек с огненным сердцем! Меня не так-то просто убить.

— Ты забываешь насколько коварны ханы, — возразил Одноглазый, но послушаться меня не посмел.

Я приблизился к мешку и замер, увидев на нём кровь. Напряжение сдавливало мне виски. Сделав глубокий вдох, я развязал мешок и перевернул его... на землю выпали отрубленные головы наших послов, среди которых голова Гурика казалась гигантской. Сдавленный стон разнёсся над нами. Я не сразу сообразил, что это мой собственный голос прорезал тишину. Грудь разрывало от смешанных чувств: ярость и горечь душили друг друга, превратив моё сердце в арену для смертельной схватки. Дрожащими руками я перекачивал головы, чтобы убедиться, что все мои послы мертвы. Пять голов. Пять, а не шесть. Значит, Агыра не поймали. Оставался шанс, что мальчонка справится со своей задачей. Но стало ясно, что кровопролития избежать уже не получится.

Глава 15. Штурм Амбухата

Около полудня мои воины выстроились вдоль стены с главными воротами в Амбухат. Зловещая тишина, как болото, топила все положительные чувства, но я не позволял высказывать соратникам никаких отчаянных мыслей. Теи не менее мои нервы были напряжены до предела. Я знал, что мне придётся попытаться сжечь стены города, однако я не должен позволить огню перекинуться со стен на другие здания. Все в напряжённом ожидании смотрели на меня. Женщины наши находились на некотором расстоянии.

Я напряг все свои силы и приступил к делу. Прежде всего я сосредоточился на своей внутренней мощи, уже клокодавшей в сердце. Мощь эта горячей волной поднималась из глубин моего существа. Руки мои задрожали, кожа на них начала лопаться, выпуская огненные языки. Пламя бурлило во мне с нарастающей силой, будто в душе поднимался настоящий ураган. Я воздел руки к небу, и тут же огненные потоки вырвались из моих ладоней и растеклись по пространству, превращаясь в огненную волну, хлынувшую на городские стены.

В этот же миг на стенах показались человеческие фигуры. Я напряг зрение и понял, что это маги. Их седые волосы не позволяли в этом усомниться. Маги так же воздели свои руки, и тут же сияющие потоки вырвались из их ладоней, превращаясь в яркую, блистательную стену. Свет был настолько ярок, что мои воины зажмурили глаза. Однако я продолжал смотреть на всё это великолепие. Если бы не обстоятельства, при коих явлено это чудо, я бы радовался, как ребёнок, удивительному зрелищу. Но расслабляться было нельзя. Я напряг мышцы и выпустил из своего нутра мощный поток энергии. Огненная стена уплотнилась и ускорила своё передвижение к городу. Минута, ещё, и две силы (моя огненная и сила магов) столкнулись между собой! Я почувствовал сильнейший удар, от которого не смог устоять на ногах и рухнул на промёрзшую землю. Снежный покров тут же зашипел, испаряясь от исходящего от меня жара. Люди мои охнули, но я сразу поднялся на ноги. Меня давила огромная сила: маги старались во всю, их сияющая стена не давала волне из огня приблизиться к стенам Амбухата. Меня трясло от напряжения.

— Пора? — спросил Одноглазый, осторожно приблизившись ко мне и закрывая лицо от моего жара рукой.

— Давай! — прохрипел я, и тут же ощутил новый толчок, но на этот раз я не упал, а просто преклонил одно колено, сиюсь сопротивляться магической силе. Всё моё тело изнывало от напряжения. Я силился разглядеть, что происходит на стене, ведь от этого зависел наш успех, наша судьба. Ещё накануне мы с Одноглазым условились, что в нужный момент он пошлёт смертоносную стрелу в одного из магов. Это обстоятельство должно нарушить согласованность действий защитников города. Я знал, что старик не промахнётся. Имея всего один глаз, он не растерял былую сноровку и меткость. Одноглазый должен был под прикрытием нескольких воителей подобраться к стене вплотную. Безумно медленно потянулись минуты, наполняя меня отчаянием, ибо я уже решил, что план наш провалился. Но вот защитная оболочка, создаваемая магами дрогнула, и я понял, что старый вояка выполнил свою задачу.

Я, почувствовав брешь в магической защите, встал, выпрямился, напряг мускулы и огромным усилием воли обрушил огненную волну на городские стены. Они мигом вспыхнули, как степной сухостой. Я видел, как в панике заметались маги. Потеряв одного из

своих соратников, они не смогли удерживать сияющую защиту, которая лопнула, как пузырь на воде. Ошметки блистающей магической материи разлетелись в разные стороны. Стены пылали, но я должен был не пустить свой огонь в город. Это было чрезвычайно трудно, так как огонь рвался и бесновался, требуя для себя новую пищу. Я знал, что крыши домов могут вспыхнуть, ведь огонь стремился перекинуться со стен на здания. Мне показалось, что пламя, исходящее из моего нутра, обладает разумом. У него есть желания и стремления, совсем как у людей. И, подобно людям, оно жаждало крови и смерти. Я мысленно приказал огню довольствоваться только стенами, которые сторали быстро. Чёрным сделалось всё вокруг, дышать стало тяжелее. Треск пламени, запах гари, крики — всё это создавало чудовищный хаос и походило на конец света.

Я почувствовал, что у меня получается держать пламя в узде. Оно, уничтожив стены, начало потухать. Мы ждали. Ждали, когда огонь утихнет настолько, что можно будет ворваться в город, не страшась получить смертельные ожоги. Наконец то, что осталось от стен, грохнулось с треском на землю. Земля вокруг горела. Я отдал приказ готовиться к наступлению, но враги опередили нас! С криками сквозь дымовую завесу, окружившую город, на нас ринулись те самые знаменитые воины Амбухата, самые бесстрашные вассалы великих ханов. Их железные маски скрывали лица и от этого делалось жутко, ведь воображение сразу рисовало свирепых сверхлюдей, способных противостоять целой армии. Я видел, как передние ряды моего войска дрогнули, а это означало, что сердцами овладел страх перед легендарными защитниками Амбухата. Опрометью я ринулся вперед. Руки мои вновь запылали в пламени, и вот уже выпущенная мною огненная стрела поразила одного из страшных воинов. Пламя врезалось в железную кольчугу и тут же расплавил её. В теле врага появилась обугленная дыра. Но к моему удивлению и к настоящему ужасу многих умирающий воин не издал ни звука. Он схватился руками за рану, а потом молча рухнул на землю.

Я продолжал посылать в сторону врагов огонь, но, наученные горьким примером, они ловко уворачивались от расплавляющей всё на своём пути струи. Не далеко стоял Марик. Его огромная фигура казалась каменным изваянием. Вдруг он обернулся и встретился взглядом со мной. Мужественное лицо выражало решимость. Он молча кивнул мне, а потом с воём ринулся в атаку. Остальные, воодушевлённые его примером, кинулись следом. Лязг металла звенел постоянно в моих ушах, и вскоре я настолько привык к нему, что перестал его замечать. Сражение было яростным. Не даром воины Амбухата славятся во всех землях ахаров. И мои воители, и враги слились в единую копошащуюся массу, поэтому я уже не смог применять огненные потоки.

Я сжал рукоять кистеня и бегло огляделся. Вот огромный враг, облачённый в броню, воздел руку, чтобы метнуть «солнце погибели», метательный диск с острыми краями. И целился он в Марика. Здоровяк из-за своего роста был отличной мишенью. Марик не видел угрожающей ему смертельной опасности, он дробил голову одного из воинов Амбухата, сорвав с того железную маску. Диск разрезал воздух. Я действовал с нереальной скоростью: размахнулся и бросил свой кистень наперерез «солнцу погибели». И это сработало! Удар, и кистень мой сбил диск. Я спас жизнь Марику, хотя он даже не догадывался об этом.

Битва продолжалась. Трупы усеяли землю, облачённую теперь в окровавленный снег. Я удивлялся тому, что маги не возобновляют свою борьбу, неужели все они погибли? Как бы там ни было никакой магии не чувствовалось.

И это было очень кстати, так как армия моя и без того таяла на глазах. Однако я видел,

что и многие легендарные воины уже мертвы. Мы явно одерживали победу, но какой страшной ценой! Повсюду стонали раненые, погибшие орошали землю кровью, Мне было не известно, жив ли Одноглазый. Так же мысли об оставленных позади женщинах и детях гложили меня. Что если мы всё-таки проиграем? Что будет с ними? К сожалению оставить в деревне мы их не могли, так как Степь вот-вот прорвёт всякие преграды, мешающие её лиху напасть на приграничные поселения ахаров.

Тем временем мои воины наконец начали теснить врагов к беззащитному городу. Оборона Амбухата слабела. Вот уже мои люди с победными криками хлынули в город. Я рванул за ними. Очень скоро я обогнал соратников и, как положено предводителю, первым вступил на улицы Амбухата.

Мы замерли, потрясённые тем, что увидели: многие жители были убиты. Тела их заполонили узкие улочки. Я недоумевал, кто так жестоко расправился со своими же соседями. Здесь лежали и мужчины, и женщины, и старики, и дети.

— Что здесь произошло? — ошарашенно спросил я.

— Кто-то стонет! — услышал я знакомый и ненавистный голос. Это был Джек Скиталец. Он подбежал к израненному мужчине, облачённому в какое-то тряпьё. Я тоже подошёл к несчастному и опустился перед ним на колени.

— Кто напал на вас? — с сочувствием спросил Джек.

— Это...это приказ великих ханов... — прохрипел умирающий. — Откуда ни возьмись в городе объявился мальчишка...он говорил всем, что явился человек с огненным сердцем и призывал покориться ему...

— Агыр! — не сдержав волнения, выпалил я. — Где он? Где мальчик?

— Не знаю... — раненый поднял на меня не видящий взгляд, но его сознание, уже объятые смертью, продолжало бороться, — многие горожане воодушевились известием, что среди ахаров объявился человек с огненным сердцем. Они собрались на площади перед Круглым домом и потребовали от великих ханов сдать город...люди захотели жить под властью легендарного героя...

Раненый закашлялся, хватаясь за горло. Дыхание его стало прерывистым, но он продолжал говорить через силу:

— Ханы приказали убить всех собравшихся на площади простоллюдинов...воины устроили резню...преследовали разбегающихся в панике горожан, не щадя никого...

— И где теперь эти мерзавцы?! — с негодованием воскликнул я. — Или они способны воевать лишь с безоружными, а против нас, сломивших силу воинов Амбухата, они страшатся выступить?!

Раненый уже не мог ответить мне. Его голова бессильно поникла. Зато на мой вопрос ответил безумный, взорвавшийся, словно вулкан, рёв голосов. Я вздрогнул от неожиданности. Оглядевшись, я и мои воины увидели многочисленных врагов, которые, как тараканы, ползли из всех щелей. Из каждого здания выскакивали хорошо вооружённые люди. Только тут я увидел Одноглазого, который оказался ближе всех к врагам.

— Берегись! — отчаянно закричал я старику, но невероятный гомон глушил мой голос. Однако прежде чем расстояние между моими воинами и врагами сократилось слишком сильно, я успел послать в сторону нападавших струю пламени. Первые вражеские ряды вспыхнули, оглашая всё вокруг безумными криками. Одноглазый обернулся и весело подмигнул мне. Потом он воздел руку и, что-то прокричав, ринулся в бой. Сражаться на узких улочках было непривычно. Это тебе не Степь, где можно использовать

многочисленные манёвры, которым мальчиков обучают с детства.

Очень скоро враги начали одерживать победу в основном благодаря лучникам, засевающим на крышах домов. Я и несколько воинов, среди которых был и Джек, устремились в дома, чтобы, поднявшись на крыши, поразить вероломных негодяев. Мы убивали стремительно и безжалостно, резали, кололи, били, терзали. Страшное сражение продолжалось очень долго. Казалось прошла вечность, прежде чем победа вновь потекла к нам в руки. Когда лучники на крышах были уничтожены, мы остановились, чтобы перевести дух, ведь предстояло ещё идти к Круглому дому, в это змеиное логово. Я уже собирался было начать спуск, как вдруг Джек крикнул, непроизвольно хватая меня за руку. В первую секунду во мне вспыхнула ярость от такого бесцеремонного отношения, ибо я считал, что Скиталец не достоин касаться меня, человека из легенд.

— Смотри же наконец! — взволнованно заорал мне на ухо мой извечный оппонент, и волнение в его голосе заставило меня опомниться и посмотреть туда, куда он показывал.

Сперва я принял это за бред, игру взбаламученного битвой воображения. Но, приглядевшись, я понял, что увиденная мною картина реальна. Там внизу по узкой улице бежала маленькая девочка. То, что она кричала, разобрать было сложно, но голосок я узнал. Это была Шерика! Шерика! Здесь, в охваченном огнём сражения городе! Но на этом потрясение моё не закончилось, ибо в следующее мгновение я увидел, как следом за девочкой бежит, что-то отчаянно крича, моя Илона! Откуда здесь два этих хрупких и прекрасных существа? Они оставались в нашем военном лагере и должны были там ожидать исход битвы за Амбухат!

— Вперёд, Хизар! — рявкнул Джек, — надо перехватить их, пока они не нарвались на наших врагов.

Возмущаться бесцеремонностью Джека было некогда. Скиталец был прав, поэтому я мигом помчался по хлипкой лестнице, не замечая удивлённых возгласов соратников. Джек побежал за мной.

— Илона! — истошно орал я, несясь вдоль стены.

— Шерика! — вторил мне Джек.

Так мы бежали, всё дальше отдаляясь от соратников. Лабиринт узких улиц кружил мне голову. Я не заметил, в какой момент отстал от меня Джек. Возможно, он не смог угнаться за мной. Я слышал, как где-то позади он зовёт Илону и Шерику. В голове промелькнула мысль: не ловушка ли это? Но я отмахнулся от неё, однако продолжал недоумевать, как это девушка и девочка оказались в гуще военных событий, когда им было приказано дожидаться известий в лагере.

Приглушённый писк привлёк моё внимание. Он исходил из мрачного дверного проёма. Кто-то ойкнул, потом послышался удар. Я рванул в здание, выставив вперёд руку с обнажённым мечом. В полнейшей тишине я обследовал одноэтажное здание, больше походившее на разграбленный склеп. Повсюду была кровь. Несколько убитых людей лежали на полу. Я понял, что это жертвы кровавой расправы, учинённой воинами ханов. Что-то хрустнуло в дальнем тёмном углу.

— Выходи! — резко скомандовал я. — Выходи, или я испепелю тебя на месте! Сторишь заживо внутри этого дома!

Я воздел руку, призывая огонь. Языки пламени начали плясать на кончиках моих пальцев.

— Ну зачем же так невежливо, брильянтовый мой, — мерзко, словно зловонная жижа,

пробулькала голос, который тут же всколыхнул во мне новую волну ярости. Да! Это был хан Амба Кирыш! Один из властных негодяев, приговоривших моего отца и братьев к смерти! Но воспользоваться правом мести я в эту минуту не успел, потому что, когда жирный хан, трясая своими многочисленными косичками, выплыл из тьмы, я с замиранием сердца увидел, что одна могучая рука сжимает шею перепуганной Шерики, а другая держит у её горла двойной кинжал «лезвие змеи».

— Тише, Огненное Сердце! - прошипел Амба. — Ты же не хочешь, чтобы хрупкая шейка была насквозь проткнута сразу в двух местах!

Я молчал, яростно взирая на злейшего врага. Сердце моё колотилось в бессильной злобе.

— Прости, Хизар! — прохрипела Шерика.

Амба, наслаждаясь моим бессилием, чуть ослабил хватку, чтобы девочка могла говорить.

— Ну, крошка, — усмехнулся он, — скажи своё последнее слово.

Я сжал кулаки, которые пылали, объятые огнём.

— Хизар, — вновь прохрипела Шерика, — я искала брата... искала Агыра... волновалась за него...

— Как мило, — жирный щёки Амбы заколыхались от мерзкой улыбки, — сестра побежала разыскивать братца в город, охваченный огнём сражения! История достойна того, чтобы стать легендой. Ты же любишь легенды, не правда ли, Хизар?

— Заткнись! — злобно процедил я. — Ты не можешь её убить.

— Правда? — с издёвкой ответил хан. — И почему же?

— Потому что это твоя дочь! — выпалил я.

Сквозь жир на лице Амбы всплыло удивление.

— Что ты несёшь, брильянтовый мой? — с раздражением спросил он.

— Лимана! Так звали мать этой девочки! — сообщил я. — Это имя тебе знакомо, мерзавец! Несчастную женщину ты сделал своей наложницей, казнив её мужа!

Тут крайнее удивление вместе с ужасом отобразилось и на лице Шерики.

Амба молчал и сопел, как разъярённый бык. На миг мне показалось, что он готов отпустить девочку, но тут подонок внезапно расхохотался.

— Вот ведь ирония судьбы! — воскликнул хан. — Я собирался убить девчонку сразу после рождения.

— Ты собирался принести дитя в жертву Степи! — напомнил я хану.

— Теперь девчонка не уйдёт от предначертанной ей участи! — прорычал Амба.

— Убьёшь свою дочь? — с сомнением спросил я.

И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Я полагал, что Амба будет до последнего прикрываться ребёнком, чтобы избежать расправы. Но вместо этого он, безумно захохотав, вонзил двойное лезвие в шею несчастному ребёнку! Шерика вскрикнула. Я тоже. Следующие события посыпались настоящим градом. Амба швырнул в мои объятия девочку, тут же из коридоров, соединяющих центральное помещение, в котором разворачивалась вся эта драма, высыпали многочисленные воины. Почти одновременно с этим в дом вбежала растрёпанная и заплаканная Илона, а следом за ней ворвался Джек и с криками кинулся на наших врагов. Я, прикрывая собой обездвиженную Шерику, бросился к Илоне. Девушка схватила на руки ребёнка и выбежала на улицу. Мы с Джеком сражались бок о бок. Сражались отчаянно и жарко. Врагов было так много, что я не успевал сосредоточиться, чтобы метнуть исходящее

из моего сердца пламя. Вдруг с улицы послышались крики, а потом в дом ворвались мои воины. Враги дрогнули, они уже не пытались прикрыть толстое тело своего господина. Амба жался к стене, со страхом взирая на происходящее. Его люди дрогнули и пустились бежать. Я вытянул вперёд руку и грозно произнёс:

— Познай мой гнев, шакал!

Тут же пламя, вырвавшись из моей ладони, объяло Амбу. Истошный вопль огласил своды дома, да так, что крыша над нами содрогнулась. Амба метался в жуткой агонии, поджигая иссохшие стены. Я и мои воины выбежали из объятого огнём здания. Я тут же принялся искать Илону. Меня трясло при мысли, что с ней могло случиться в этом проклятом городе. И я увидел её. Она стояла на коленях и, закрыв лицо руками, плакала. Рядом лежала Шерика. Её лицо было неподвижно, глаза, застыв, смотрели в небо. Кровь перепачкала её одежду и смуглую кожу. Я бросился к ней.

— Шерика! Шерика! — звал я ребёнка, сотрясая за хрупкие плечи.

Но Шерика ничего не отвечала мне. Она была мертва.

Глава 16. Великий хан

Могильное безмолвие разлилось по узким улицам. Наши поверженные враги неподвижно лежали на земле. Пошёл снег, его белизна сильно контрастировала с пылающим домом, в котором догорали останки хана Амбы. Я молча глядел на неподвижную девочку, глотая горькие слёзы. Потом я взглянул на Илону. Девушка, словно почувствовав на себе мой взгляд, подняла свои прекрасные и заплаканные глаза. Эти глаза! Сейчас, когда их обволокла пелена слёз, они ещё больше походили не видимое мною никогда море. Впрочем я уверен, они прекраснее моря. Мне дико захотелось поцелуями осушить все эти слёзы, испытать их, как пьют воду из живительного родника. Я медленно приблизился к белокожей красавице. Внезапно Илона пала передо мной ниц и разрыдалась. Я так смутился, что не сразу нашёлся, что сказать.

— Хизар! — горестно воскликнула девушка. — Это я виновата в смерти Шерики! Если хочешь, казни меня! Я себя никогда не прощу!

— Что ты такое говоришь, родная моя, — поспешил я успокоить Илону, — разве твоя рука нанесла бедному ребёнку смертельную рану? Это сделал проклятый Амба. Я сам видел это.

Илона продолжала всхлипывать, тогда я поднял её с земли и принялся вытирать слёзы, стекающие по нежной коже.

— Она...она была при мне... — сквозь рыдания продолжала девушка, — я следила за ней...но потом я отвлеклась...отвлеклась, чтобы разогреть для девочки еду...а она...она убежала сюда, в Амбухат... Я не уследила...я виновата...

Вновь воздух сотрясли рыдания. Сердце моё терзалось. Я притянул Илону к себе и крепко обнял её.

— Ты ни в чём не виновата, любовь моя, — прошептал я ей на ухо.

Она ничего не ответила, только тело её продолжало сотрясаться в моих крепких объятиях. Так мы и застыли. Вокруг нас стояли мои воины и тоже молчали. Они походили на каменные изваяния. Только Джек уселся на землю, обхватив поникшую голову руками. Джек...а ведь он, при всей нашей взаимной неприязни, мог спокойно убить меня, когда мы вдвоём сражались против ханских воинов. Но он не сделал этого, он мужественно принял бой и бился плечом к плечу со мной.

Снегопад усилился. Белоснежный покров, словно саван, покрыл мёртвые тела. Илона, уткнувшись в мою грудь, казалось, впала в оцепенение. Вдруг детский крик всколыхнул скорбную картину. Моя любимая вздрогнула и с волнением стала озираться по сторонам. Я и сам разволновался, услышав голос Агыра. Мальчишка бежал к нам, размахивая руками.

— Хизар! — прокричал он радостно, — Хизар! Там Одноглазый вместе с небольшим отрядом выбил двери Круглого дома! Эти шакалы в западне! Поспешите утолить свою месть!

Я молча отстранился от Илоны.

— Береги себя, — тихо сказал я ей, — побудь рядом с павшими, ибо битва ещё не закончена и тебе не следует идти к Круглому дому вместе с мужчинами.

— А вдруг горожане нападут на меня? — с испугом спросила девушка.

— Не нападут! — с гордостью заявил Агыр. — Ведь я исполнил поручение Хизара! Я всем рассказал о появлении человека с огненным сердцем! Жители Амбухата полностью поддерживают тебя, Хизар!

— Да...и многие уже поплатились за это своими жизнями, — угрюмо пробормотал я. — Ты же, Агыр, достоин всяческих похвал, теперь ты настоящий мужчина. И будь им, достойно приняв весть о кончине сестры.

Агыр застыл, раскрыв рот. Его блуждающий взгляд наконец остановился на маленьком теле, припорошенном снегом. Мальчик безмолвно подошёл ближе и пал на колени возле Шерики. Его пальцы задрожали, когда он коснулся длинной пряди чёрных волос, когда стряхивал снег с родного и застывшего лица...

Невыносимо было смотреть на это и я отвернулся.

— За мной, — отдал я лаконичный приказ и двинулся по улице, ведущей к Круглому дому. Сердце моё пылало. Я был уверен, что оставшиеся в живых враги укрылись в главном здании Амбухата. Амбу я убил. Но надо было ещё расправиться с Лином, Эгги и Омисом.

Мы двигались быстро и слаженно. Снегопад резко кончился, из-за белёсых туч показалось солнце, будто оно подглядывало за страшной драмой, разыгравшейся на земле. Когда мы приблизились к Круглому дому, то обнаружили, что дверь выломали, а из самого здания доносились звуки сражения. Я тут же ринулся внутрь, за мной последовали и соратники. Внутри уже было полно трупов, среди которых я со скорбью узнал своих сподвижников. Марик полулежал, прислонившись к стене. В его могучей груди торчала стрела, но он всё ещё дышал. Я кинулся к нему.

— Марик! — я с сочувствием оглядел здоровяка.

— А...Огненное Сердце... — прохрипел он, — я счастлив, что служил тебе...не надеялся дожить до исполнения пророчеств, но небо было благосклонно ко мне...

— Тебе не надо сейчас много говорить, Марик, — перебил я раненого, — побереги силы.

Он что-то прохрипел, но потом потерял сознание. Я с яростью ударил стену, отчего по ней расползлась трещина. Я не мог помочь Марику, поэтому поспешил вступить в битву. Сражение шло в том самом злосчастном зале, в котором нас с отцом так холодно приняли великие ханы. В этом же зале, вероятно, подлецы замыслили и своё гнусное преступление. Я ворвался туда, подобно смерчу, и тут же увидел Одноглазого, который чем-то победоносно размахивал и восторженно кричал. Секунду спустя я понял, что старик держит в руке чью-то голову. Замешкавшись, я чуть не пропустил удар, который поспешил мне нанести мечом воин в железной маске. В последний миг я отскочил, развернулся и в свою очередь нанёс удар своим оружием. Железо взвизгнуло, встретившись с плотной бронёй. Клинок мой не нанёс нападавшему существенного урона. Не даром воины Амбухата надёжно защищены. Враг предпринял новую атаку. Наши мечи скрестились, высекая искры. Вокруг царила смерть: люди рубили, секли и стреляли друг в друга. Не осталось никакого благолепия от роскошного интерьера. Кровь, кровь и кровь украшала теперь место вальяжной и необременительной жизни. Извернувшись, я всё-таки смог вонзить свой меч в прорези для глаз, что виднелись на железной маске. Клинок со скрежетом прошёл через прорезь и вонзился в плоть противника, отчего тот дёрнулся и осел на пол.

— Отличная работа, Хизар! — весело крикнул мне Одноглазый, оказавшийся рядом. Он швырнул мне под ноги голову, которой размахивал. Голова была покрыта седой шевелюрой, испачканной теперь кровью. Морщинистое лицо обезобразилось застывшем на нём ужасом. И тем не менее я узнал это лицо. Это был хан Эгги Элыш.

— Хизар! Я отомстил! Слышишь? Отомстил! — Одноглазый в ту минуту казался обезумевшим от радости. Он, упоённый мстостью и кровью, продолжал рубить врагов, не

взирая на свой возраст. Бой продолжался. Мы теснили врагов. Однако я нигде не мог отыскать ни хана Лина, ни головореза Омиса.

— Лин на крыше! — прокричал кто-то. — Он окружил себя магами!

Я ринулся по хлипким лестницам. Теперь я не боялся высоты, как то было при первом моём посещении города. На крыше творилось безумие. Сперва я не понял, что происходит. Кто-то метал потоки магии. Слышались заклинания. Горячая струя ударила мне в грудь. От дикой боли потемнело в глазах, я рухнул навзничь.

— Убейте его! — истошно заорал голос.

Я мотнул головой, заморгал глазами. Потом зрение прояснилось и я увидел кричавшего. Это был хан Лин Арыш. Он, окружённый своими людьми, приказывал магам прикончить меня, указывая в мою сторону дрожащей рукой.

— Ты не уйдёшь от возмездия, Лин! — прорычал я.

Один из магов прокричал заклинание и швырнул в меня новый поток чуть светящейся энергии. Но вдруг кто-то пустил такой же поток наперерез первому! Два потока столкнулись. Пространство пошатнулось.

— Что ты делаешь, предатель?! — Лин взбесился неожиданным поступком одного из магов. Это был рослый молодой мужчина с длинными седыми волосами, облачённый в железную броню, такую же, как и у его соратников. Маг воздел руку и резким движением опустил её вновь отчего крыша заходила ходуном, а остальные маги попадали.

— Проклятый Унбек, ты что творишь?! — завопил Лин.

— Я выполняю свой долг, великий хан! — прокричал в ответ мятежный маг. — Мы должны передать власть Огненному Сердцу!

И с этими словами Унбек направил потоки магии в сторону остальных магов. Те попадали и, пригвождённые волшебной силой, не могли встать.

— Огненное Сердце! — прокричал мне мой неожиданный союзник. — Быстрее! Ты должен обезглавить магов!

Я и мои воины тут же воспользовались ситуацией. Подскакивая к обездвиженным противникам, мы безжалостно срубали головы. Но не мешкала и ханская стража. Воины Амбухата то и дело посылали свои смертоносные диски, стреляли из луков. Ряды моих подчинённых редели, но снизу прибывали всё новые и новые воины. Я с удивлением увидел, что среди моих сторонников появились просто одетые мужчины, вооружённые кто чем: вилами, топорами, просто обыкновенными палками. Скоро я понял, что это уцелевшие горожане, преодолев свой страх, перешли на мою сторону и теперь жаждут вступить в бой. Они уже, собственно в него вступили. Бой продолжался после этого не долго. Оставшихся в живых воинов в железных масках мы повязали, используя верёвки своих кистеней. Поднялся холодный ветер. Он трепал длинные чёрные усы и малиновый хатыль трясущегося хана Лина. Негодяй стоял на краю крыши. Я, откинув меч в сторону, стал медленно приближаться к нему.

— Пощади меня, достопочтенный Хизар Марэк, — заскулил он, как побитый пёс, — это всё негодные Амба с Эгги придумали. Я отговаривал их нападать на твою семью.

Его мерзкое хныканье было мне противно, оно рождало новые волны ярости в моей душе.

— Снимай хатыль, подонок! — отозвался я глухим голосом, — ты не достоин быть великим ханом!

Лин усердно закивал головой и, поспешно сняв хатыль, кинул его в мою сторону.

Ханское одеяние упало мне под ноги. Я ухмыльнулся.

— Пожалуйста, Хизар, — продолжал скулить Лин, — помилуй меня! Изгони в Степь! Любую кару я приму, только не лишай меня жизни.

Я молчал, давая врагу высказаться. Все безмолвно наблюдали за этой сценой. Наконец он заткнулся, напряжённо выжидая моего ответа.

Я глубоко вздохнул и промолвил:

— За многочисленные преступления и за предательство своего народа хан Лин Арыш приговаривается к смерти!

Больше я не слушал причитаний Лина, а молча поднял карающую руку, призывая огонь. Ладонь моя наполнилась пламенем. Секунда, и смертоносная струя ринулась на хана. В этот раз я равнодушно слушал предсмертные вопли. Во мне не осталось ни капли жалости. Тело Лина, объятые пламенем, рухнуло с крыши и догорало уже на земле. Я продолжал стоять на месте, сжимая кулаки. Какой-то воин подошёл ко мне, поднял валявшийся у моих ног малиновый хатыль и накинул мне его на плечи. Тут же солнце буквально вырвалось из-за туч, озарив меня своими лучами. Другой соратник подал мне мой меч, который я в порыве эмоций так бесцеремонно кинул. Я поднял окровавленный клинок и он блеснул на солнце.

— Да здравствует великий хан Хизар! — прокричал Одноглазый.

— Хизар! Великий хан Хизар! Огненное Сердце! — слышался хор голосов, и я стоял на крыше, усеянной трупами, и с радостной гордостью внимал этим славословиям.

Битва завершилась нашей победой. Все три великих хана были мертвы. Горожане, вставшие на мою сторону, ликовали. Они прочили мне величие и невероятную судьбу. Первым делом я приказал разослать гонцов во все населённые пункты, где проживали ахары, и рассказать им обо всём случившемся, а так же о том, что я намерен создать единое государство. Да и решить что-то с обороной было необходимо, ведь Степь могла восстать в любую минуту. Так же послы должны были объявить всем мой призыв встать под мои знамёна и дать отпор степному лиху.

После того, как гонцы пустились в путь, я призвал к себе Унбека, то самого мага, что в разгар битвы встал на мою сторону.

— Приветствую тебя, друг, — обратился я к нему, — скажи, что побудило тебя совершить столь благоразумный поступок?

— Приветствую тебя, великий хан Огненное Сердце! Я предвидел твоё появление, — ответил Унбек.

— Вот как? — я был немного удивлён.

— Да, — продолжил маг, — несколько дней подряд мне снился один и тот же сон. Я видел, как молодой мужчина, облачённый в синий хатыль идёт войной на Амбухат. Потом некий голос мне сообщал: «Тот, которого считали мёртвым, возродился из пламени и вскоре облачится в малиновый хатыль. Ему служите, ибо сердце его пламенеет от любви к своему народу». Я говорил об этом ханам, но они сперва отмахивались от меня. Когда сон повторился трижды и я опять об этом уведомил правителей, они испугались не на шутку, но запретили мне говорить кому-либо под страхом смерти. Я бы сказал о том другим магам, но хан Амба угрожал мне расправой над моими близкими. Поэтому я молчал. Однако когда в городе объявился мальчишка и начал рассказывать о том, что явился человек с огненным сердцем, народ всполошился. Люди вспомнили легенды и пророчества. Они потребовали от ханов повиновения тебе.

— Но мерзавцы учинили расправу над ними! — воскликнул я.

— Да, — подтвердил Унбек.

— Что ж теперь ханы мертвы.

— И многие маги, — вздохнул Унбек.

— В городе остались другие маги? — оживился я. — Ведь необходимо ночью раскинуть защитный купол над землями ахаров.

— Остались лишь ученики, не участвующие в битве, — вздохнул Унбек, — но среди них есть те, кто находится на последней ступени обучения. Возможно, они смогут создать купол под моим руководством.

— Будем надеется на это, мой друг, — я похлопал по плечу мага и продолжил, — собери этих учеников и подготовь их к ночной миссии.

— Будет исполнено, Огненное Сердце! — с готовностью отозвался Унбек и отправился выполнять поручение.

Между тем мои воины вместе с жителями тушили очаги возгорания в разных частях города. Кто-то уже разложил погребальные костры. До темноты необходимо было управиться со всеми делами. Я поспешил к Илоне. Теперь девушка успокаивала Агыра, который никак не хотел отдавать тело мёртвой сестры для сожжения.

— Дайте ему попрощаться с Шерикой, — обратился я к соратникам, занимающимся сожжением павших. Они согласно кивнули и удалились. Я крепко обнял мальчика, и он разрыдался на моей груди.

— Терпи, Агыр, — сказал я ему, — твоей матери и сестре теперь хорошо, а наша битва ещё продолжается. Я тебе говорил, что ты должен быть мужчиной. Ты им уже стал. Твоя помощь сильно помогла мне. Уверен, Лимана и Шерика, глядя на землю с небес, гордятся тобой.

Мальчик продолжал всхлипывать. Я взглянул на Илону, по щекам которой продолжали катиться слёзы. Наконец, тянуть с погребальным костром было уже нельзя. Я кивнул, и стоящие рядом мужчины подняли тело Шерики и понесли его туда, где уже полыхали костры. Мы предали тело девочки огню, как и положено в таких случаях. Илону трясло, а Агыр уже успел успокоиться. Казалось, он впал в забытье. Я боялся за него, ведь за последние несколько суток ребёнок подвергся ужасным потрясениям. После того, как всё было кончено, я велел накормить Агыра. Илона исполнила это с торжественной грустью. После трапезы мальчик уснул. Илона бережно накрыла его войлочным одеялом, заботливо принесённым местной жительницей. Я залюбовался девушкой, её ласковыми движениями, когда она кутала Агыра в одеяло. Ярость моя, вызванная битвой, перестала клочкотать в моём сердце, но теперь в нём полыхали другие чувства. Я приблизился к Илоне и вновь утонул в её больших глазах, так испуганно смотревших на меня. Я взял девушку за руку. Она не стала вырываться.

— Илона, прошептал я, почти задыхаясь.

Дальше я не мог говорить. Вместо слов я притянул её к себе и осторожно поцеловал в губы, едва касаясь её своими губами.

— Хизар...я не...я не знаю, что тебе сказать. Ты теперь великий хан, а я рабыня...

— Бывшая рабыня, — возразил я, — я хочу, чтобы ты облеклась в малиновый хатыль, как и я.

— Но это возможно только если я стану женой великого хана, — пролепетала она.

— Ты хочешь стать моей женой, Илона? — замирая от волнения, спросил я.

— Я даже другой расы...

— Это всё не важно, — остановил я её, а потом ещё крепче обнял и поцеловал вновь, на этот раз более настойчиво. И она ответила на мой поцелуй.

Мы стояли среди хаоса, среди стенаний, стонов и плача, среди догоравших зданий и целовались, не обращая внимания на всё это, наплевав на изумлённые взгляды людей. Я теперь не хотел скрывать своих чувств. И Илона тоже.

Глава 17. Лихо Степи

Не знаю, сколько мы так простояли с Илоной... мне не хотелось возвращаться к реальности. Тем не менее голос Одноглазого заставил меня это сделать.

— Хизар, там это... воины пленные. Что с ними делать-то?

Это были действительно воины Амбухата. Те самые страшные вассалы великих ханов. Лишь трое из них остались в живых. Маски их были сорваны, оружие отобрано. Они стояли, окружённые моими людьми, и гордо взирали на своих пленителей. В их очах не было смирения, в них читалась надменность и бесстрашие. Я невольно зауважал этих головорезов, хотя как их можно уважать? Уверен, это в основном они, элитные воины, учинили расправу над горожанами.

Я приблизился к ним. Илона шла следом за мной, она боялась отходить от меня и на шаг.

— Любовь моя, — прошептал я ей на ухо, — пойди, найди Агыра. Вдруг он проснулся уже.

Она чуть помедлила, а потом, опустив глаза, послушно ушла. Я слегка улыбнулся, на этот раз радуясь её покорности, ведь то, что будет происходить дальше, ей видеть не следует.

— Воины Амбухата! — крикнул я, когда девушка отошла на значительное расстояние. — Вы храбро сражались, но попали в плен. Оставить в живых я вас не могу, ибо мне известно, что нрав ваш, как у диких зверей. Сердца ваши никогда не предадут ханов. А главное вы повинны в убийствах мирных и безоружных людей.

Я замолчал, давая пленникам возможность отвечать, но они с надменными улыбками молчали. Выждав паузу, я продолжил:

— Тем не менее вы достойны умереть, как мужчины, от меча. Я не стану вас сжигать, как сжёт уже многих мерзавцев и трусов.

Снова молчание.

— Обезглавить их! — приказал я, и мои люди обнажили мечи.

Ни единый мускул не дрогнул на лицах воинов Амбухата. Таких пленников нельзя оставлять в живых. Мы не стали затягивать с казнью. Осуждённые встретили свою смерть, улыбаясь. От этого даже жутко стало. Удар мечом, ещё удар и ещё. Всё кончено! Тела я приказал сжечь предварительно сняв броню, которая нам пригодится.

Вечер наступил быстро. Темнота пугала. Я огорчился, увидев учеников магов: слишком молоды они были. Сомнения закрались в мою душу. Сможем ли мы пережить сегодняшнюю ночь? Унбек почтительно поклонился мне и доложил:

— Огненное Сердце! Твои новые подданные готовы исполнить свой долг!

Я внимательно посмотрел в глаза юношам. Они смотрели твёрдо, уверенные в своих силах.

— Это лучшие наши ученики, — пояснил Унбек. — большинству из них даже уже доводилось вместе с магами участвовать в создании купола. Есть шансы, что сегодня всё получится.

И у них получилось! Правда к утру юноши совсем обессилили, но со своей работой они справились отлично. Надо отдать должное Унбеку, который многое для этого сделал. Маг не только руководил созданием купола, но и во время приходил на подмогу тому, у кого иссякали силы. Обычно купол в состоянии поддерживать четыре мага. Учеников же

понадобилось гораздо больше. Унбек помог создать им купол, а потом, отсоединившись от энергетического потока, то и дело подменял какого-нибудь ослабевшего юношу, давая тому время восстановиться. Под утро все нуждались в основательном отдыхе. Я распорядился о том, чтобы мага и учеников как следует накормили и дали им выспаться.

Таким же образом мы пережили ещё две ночи. На исходе третьей ночи после захвата Амбухата мы увидели вдалеке вереницу людей. Они шли с востока. Сразу же мои воины привели себя и своё оружие в боевую готовность. Но биться не пришлось. Пришельцы оказались простым людом, бежавшим с восточных окраин владений ахаров. Их старейшины тут же попросили встречи со мной. Их проводили в Круглый дом, который, подвергшись несильным разрушениям во время штурма, оставался весьма сносным местом для проживания.

— О Хизар, Огненное Сердце! — воскликнул человек в сиреновом хатыле. — Прими нас в своё войско! Твои гонцы возвестили нам обо всём произошедшем!

— Да какие из вас воины? — хмыкнул Одноглазый.

Тут же ко мне приблизился Раненый Марик, который всё-таки выжил и достаточно быстро начал идти на поправку.

— Хизар, — сказал здоровяк, — погляди на них. Это же пастухи, а не воины.

— Но ведь и я пас скот всю свою жизнь, — возразил я, — тем не менее толк в битве от меня какой-нибудь да есть.

Марик смутился от моих слов и замолчал.

— Как твоё имя? — обратился я к человеку в сиреновом хатыле.

— Я хан Яла Ламэк, — представился тот. — Пришли мы к тебе не только потому что прослышали о явлении человека с огненным сердцем, но и потому что сами убедились в том, что Степь больше не хочет мириться с магическим куполом. Мы живём у самой границы и видели, как в позапрошлую ночь степные чудища то и дело пытались прорваться через купол. Такого раньше никогда не бывало. Защита вот-вот рухнет, ибо монстры становятся всё сильнее. Мы хотим встать под твои знамёна, Хизар, чтобы принять смертельный бой и умереть воинами, а не как скот, который просто перережут.

— Это делает вам всем честь, — одобрил я такое стремление. Что же, надеюсь, вы не единственные, кто внял моему призыву.

Я оказался прав. Днём ещё четыре клана пришли в Амбухат и засвидетельствовали свою верность мне. Я чувствовал, что назревает страшная гроза, что нам предстоит битва, которой ахары не видели с самых первых дней своего существования. Огонь в моём сердце то и дело вспыхивал, я чувствовал необычайное напряжение. И предчувствие это к вечеру стало усиливаться.

— Скажите всем, пусть готовятся к битве этой ночью, — приказал я Одноглазому и Марику, которые полностью разделяли моё мнение.

Перед наступлением темноты я разыскал Илону. Бедняжка так устала за эти дни, что уже спала, даже не дождавшись ужина. Теперь Агыр заботливо накрыл девушку одеялом. Я присел рядом и принялся легонько гладить белокурые волосы. Губы мои расплылись в улыбке от нахлынувшей нежности. Сколько слов я хотел сказать Илоне, но замирал, глядя в её глаза. Теперь же я готов был излить на неё все невысказанные комплименты и ласковые слова, но она спала. Оставалось любоваться её красотой. Но любоваться долго не пришлось. Вскоре мои уши уловили нарастающий гомон. Ко мне бежали взволнованные люди, среди которых я узнал Одноглазого.

— Хизар! — прохрипел он. — Степь!

Я мгновенно всё понял. Темнота ещё не успела завладеть землёй, но твари всё-таки вышли из своих убежищ. И слова Унбека подтвердили мою догадку.

— С востока к нам движутся песчаные вихри! — взволнованно сообщил маг.

Так и есть! В это время года песчаных бурь не бывает, значит Степь всё-таки вышла из повиновения, взбунтовалась, накопив силы за столько веков жестокости. Жестокости людей, ведь это мы подпитывали лихо своими стычками.

Илона вздрогнула и проснулась. Она резко села и огляделась, в недоумении хлопая глазами. Началась суета. Женщины, крича и плача, прятали детей в уцелевших домах. Старики делали тоже самое. Мои воины, как проверенные, так и вновь прибывшие из многочисленных деревень, начали готовиться к бою. Лязг оружия и громкие команды вносили свою лепту во всеобщий шумовой поток. Ученики магов во главе с Унбеком первыми выбежали навстречу опасности. Они по ранее обговорённому нами плану должны были создать вокруг Амбухата хоть какую-то магическую защиту. Я бегло переговорил с воеводами. Как-то так само собой получилось, что эти люди стали лидерами среди воителей. Такими были Одноглазый и Марик, таким был и старик Форэм Обэк. Хотя последний в силу возраста уже не мог воевать, но зато пользовался почётом и к его мнению прислушивались. Я не нашёл ничего лучше, как сделать этих лидеров воеводами. Надо сказать, что армия моя формировалась спешно и в критической ситуации, поэтому создавать хорошо организованное войско было некогда. Армия моя состояла из пастухов и вояк, привыкших к кратковременным стычкам с соседними племенами, и воевод, готовых жизнь положить за свой народ. Ну и я сам, человек с огненным сердцем, человек из легенд, что-то да значил в судьбе ахаров. Я чувствовал, что предстоит решающая схватка, от результата которой будет зависеть наше дальнейшее существование.

Я подбежал к Илоне, одарил её беглым поцелуем и, приказав найти надёжное укрытие, а главное надеть защитные очки, побежал к юным магам. Да, они не были полноценными магами, ибо не прошли всё обучение. Тем не менее эти благородные юноши несколько ночей умудрялись сдерживать свирепый натиск.

— Приготовиться! — заорал Унбек, и я увидел, как глаза его вспыхнули зеленоватым пламенем.

Тем временем гигантские песчаные воронки рассыпались на множество мелких, которые в свою очередь начали приобретать форму высоченных песчаных людей. Сильный ветер погнал на Амбухат чёрные тучи. Видимость ухудшилась. Послышался жуткий, почти замогильный голос, и песчаные люди устремились к городу.

— Благословенный ветер! — что есть мочи заорал Унбек, и маги, услышав такую команду, принялись совершать руками невообразимые жесты. Через пару мгновений в руках юношей появились сильнейшие потоки воздуха. Все как один, маги резко направили их в песчаных людей. Поток каждого ученика, устремляясь в сторону врагов, соединялся с другим таким же потоком. Наконец сильнейший порыв воздуха, которым управляли маги во главе с Унбеком, обрушился на неприятеля. В одно мгновение песчаные люди рассыпались, но я знал, что радоваться рано, ведь эти монстры имеют привычку вновь возникать из песка. Так было и в этот раз. Не успевали исчезать одни песчаные люди, как тут же возникали другие и вновь бросались на город. Маги должны были управлять своим волшебным ветром так, чтобы он разбивал вражеские ряды, но они не успевали уничтожать вновь возникающих врагов. Очень скоро юноши, не закалённые в боях, выдохлись. Но тут им на помощь

подоспели мои воины. Они кинулись на врагов, разбивая песочные тела мечами. Я наблюдал за сражением с небольшого холма, ожидая ещё и других монстров. И чудовища не заставили себя долго ждать. Знакомый рык огласил окрестности.

— Тушканы! — прокричал хан Яла Ламек и повёл своих людей в атаку. Тут уже и мне пришёл черёд вступать в битву. Я берёг свою огненную силу, так как какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что сражение предстоит жестокое. Поэтому я не спешил призывать свой огонь, а ловко орудовал мечом. Невероятная сила и скорость позволяли мне пронзать тела монстров. В какой-то момент я увидел, что Одноглазый слишком сильно выдвинулся вперёд и оказался в окружении нескольких тварей. Старик проявлял удивительную сноровку, отбиваясь от жутких зубов, но он совсем позабыл о смертоносных иглах, что венчают кончик хвоста тушканов. Я уже поднял было руку, чтобы направить на чудищ огненный поток, как вдруг один из них, когда Одноглазый отвлекся на другого врага, схватил старика и поднял его над землёй. Я замер, рука моя дрожала, объятая пламенем. Ещё мгновение, и тушкан со всей своей чудовищной силой шмякнул Одноглазого о замёрзшую землю! В следующий миг гигантская игла пронзила грудь моего соратника. Я заорал, но не позволил тушкану вцепиться Одноглазому в голову. Мой огонь тут же поразил монстра, который, издав дикий вопль, заметался по полю битвы, опаливая и сородичей, и некоторых моих воинов. Я бросился к старику.

— Одноглазый! — воскликнул я срывающимся голосом.

Старик что-то хрипел, а изо рта его потекла кровь.

— Хизар... — раненый беспомощно посмотрел на свою окровавленную грудь.

Я схватил его за руку и почувствовал как она дёргается, сотрясаемая предсмертными конвульсиями.

— Друг мой! — застонал я. — В недобрый час ты покидаешь меня!

— Хизар... — прохрипел старик, — обещаю тебе... слышишь? Обещаю, что не станешь кровожадным монстром... не станешь таким, каким были Амба, Лин и Эгги...

— Я обещаю, друг! — плакал я, не веря, что судьба забирает у меня самого надёжного товарища. — Ты только живи! Живи!

Одноглазый лишь криво улыбнулся, а потом единственный глаз его закрылся, чтобы уже больше никогда не открыться.

Горе разрывало мне грудь. Я хотел было вынести тело друга с поля боя, но этому помешали неожиданно появившиеся сторбленные фигуры транкулов, скрывааемых до этого момента сгущающейся тьмой. Их рёв раздавался со всех сторон. Люди мои храбро встретили этих чудовищ. Ахары ожесточённо срубали омерзительные хоботки, на которых вращаются глаза транкулов. Ослепляя их таким образом, с самими монстрами справиться получалось куда быстрее. Но опять-таки количество врагов значительно превосходило наши силы. Со всех сторон продолжала греметь битва. К воинственным крикам и к стонам, к лязгу оружия присоединился теперь хруст костей и жуткое чавканье. Это транкулы, разможив каменными топорами людям головы, спешно поедали мозги своих жертв. Убив очередного противника, я огляделся и заметил, что многие маги уже мертвы или ранены. Унбек тщетно пытается воспользоваться своей силой: одному ему не совладать с таким количеством врагов. И вот уже в обороне города появилась брешь. Тут же гигантский тушкан, совершив огромный прыжок, оказался на улицах Амбухата!

— Илона! — невольно вырвалось из моей груди. Я хотел помчаться наперерез монстру, с которым уже сражались мои люди.

— Я позабочусь о ней! — услышал я неожиданную реплику. Обернулся. Это был Скиталец Джек. Вот уж кому я не хотел бы доверять жизнь своей возлюбленной.

— Я позабочусь о ней, — повторил Джек, тяжело дыша, — ты нужен здесь. Он указал на Степь, — без твоего огня город не выстоит. Я хотел было возразить, но тут земля содрогнулась от подземного толчка. Ахары, транкулы, тушканы, не выдержав тряски посыпались на окровавленную землю, как сыпется просо из порвавшегося мешка. Мне показалось, что все сражающиеся замерли, ожидая дальнейших событий.

Джек опомнился первым и, ничего не больше не сказав, помчался в город. Сердце моё рвалось на части: я всей душой стремился к Илоне и в тоже время долг обязывал меня присутствовать на поле сражения. Толчок повторился ещё раз. Тьма уже была совсем густой. Вдруг из этой тёмной гуши выплыло ещё более тёмное пятно. Оно казалось огромным и вскоре, к ужасу людей, оно приобрело очертание гигантского ящера.

— Цэрэг! Цэрэг! — раздались крики. — Гигантский цэрэг!

— Цэрэг... — простонал я, но не от того, что увидел это чудовище. Совсем нет! Я застонал от нового потрясения, ведь верхом на цэрэге восседал наездник!

— Там человек! Цэрэгом управляет человек! — закричали самые глазастые воины. Я воздел руку и огонь на моих ладонях осветил мрак. Разглядывая наездника, я поймал себя на мысли, что фигура его что-то смутно напоминает мне. Я пристальней разглядел человека. Он был облачён в чёрный хатыль. Чёрный хатыль! По поверьям ахаров в таком облачении щеголяют лишь самые могущественные колдуны, вставшие на сторону зла. Такими колдунами обычно становились отцеубийцы или преступники, совершившие в священные дни Харун — Даха кровопролитие. Лицо этого человека до глаз скрывала обмотанная вокруг головы тряпица. Сами же глаза излучали белёсый свет, наводящий ужас на моих воинов.

— Что это за чучело такое к нам пожаловало? — услышал я удивлённый голос Марика где-то неподалёку. И тут же пугающий человек направил на него взгляд. Цэрэг, словно подчиняясь мысленным приказам, — тоже резко повернулся в сторону Марика.

Тем временем транкулы, воспользовавшись этим замешательством, возобновили своё наступление. Вновь окрестности утонули в криках и рычании. Цэрэг кинулся на Марика, и тот еле успел отскочить в сторону. Огромные зубы щёлкнули совсем рядом с головой моего товарища. Я, больше не мешкая, направил огненную струю против цэрэга. Ящер взвыл, получив пламенный удар по груди. Наездник же расхохотался.

— О Хизар, Огненное Сердце! — смеясь, прокричал он. — Неужто ты думаешь совладать со степным лихом?

Услышав голос противника, я был поражён теперь не меньше, чем все остальные. Ярость, гнев, месть — вот что вертелось в моей голове при звуках этого голоса.

— Я вижу, ты узнал меня Хизар Марэк, — громовым раскатом прокатилось над Степью, — я уже говорил тебе, что я колдун! Теперь скрывать это нет смысла. А ты, я вижу, не ожидал увидеть старого приятеля, не так ли?

Я задрожал от гнева и напряжения.

— Сними с лица эту тряпичную маску, мерзавец! — потребовал я.

Противник расхохотался и показал наконец своё лицо. Это был мой злейший враг. Это был Омис Обэк.

Глава 18. Чёрное пламя

— Что, Хизар, вылупился? — гоготал Омис. — Удивлён? Помнишь, я говорил тебе, что обладаю некоторыми способностями? Хотя, признаюсь, я тоже удивлён тем, что ты тогда выжил, но я намерен это исправить.

Произнеся эти слова, он поднял одну руку и из неё тот час полился поток огня, только чёрного цвета, как будто дым не рассеивается, а приобретает вид пламени. Люди попятнулись от восседавшего на цэрэге колдуна. Тот этого и добивался, напуская на людей страха. Потом он что-то крикнул и ящер под ним поднялся на дыбы, оглушая всех громогласным рёвом.

— Все назад! — скомандовал я и тут же поспешил атаковать врага. Обе руки мои извергли из себя огненные струи, устремившиеся на Омиса. Тот среагировал моментально, пустив чёрный огонь навстречу моему потоку. Два пламени, чёрное и оранжевое, врезались в друг друга. Послышался треск, земля сотряслась. Многие воины попадали, а транкулы и тушканы тут же стали набрасываться на людей. Битва разгорелась с новой силой. Я удерживал струю огня из последних сил. Колдун оказался невероятно силён. Он, шутя, сдерживал мой натиск.

— Ну что, Огненное Сердце, не совладать тебе со степным лихом! Лихо теперь подвластно мне! Я властитель Степи! Падите передо мной ниц, ахары!

— Стоять насмерть! — рычал я.

Тем не менее некоторые из моих людей побросали оружие и встали на колени.

Марик, увидев это, рассвирепел. Он живо подскочил к одному такому горе-воителю и снёс ему голову. Находившиеся рядом люди шарахнулись от него, а потом, опомнившись, продолжили сражаться. Вдруг Омис резко прервал свой натиск, чёрное пламя рассеялось, и я, не удержав равновесие, грохнулся на землю. Цэрэг тут же начал бешеную скачку: он топтал воинов, как сонных мух, бил их шипастым хвостом, рвал когтями. Я рванул к нему, вновь призывая свою силу. Огонь, вырвавшись из моих ладоней, объял ящера. Чудище заметалось из стороны в сторону, сбросив наездника. Пока монстр сгорал заживо я кинулся на Омиса, но он отбил мою атаку мечом. Я атаковал вновь, используя кистень. Верёвка намоталась на клинок противника и я силой рванул её на себя. Омис вскрикнул, когда меч был резко вырван из его руки. Я бросился на безоружного врага, но тот отпрыгнул в сторону и вновь явил чёрный огонь. Не успел я опомниться, как в тёмное пламя сгустилось до такой степени, что напомнило по форме изогнутый меч. Омис держал его уверенно и незамедлительно бросился в атаку. Я попытался заблокировать удар своим оружием, но был отброшен на несколько метров. Колдун тут же подлетел ко мне и попытался отрубить голову, но я вовремя сгруппировался и откатился ещё дальше. Неожиданно появился Унбек, а ведь я считал его погибшим. Маг распростёр свои руки, создавая магический купол. Вероятно, этим куполом он хотел накрыть колдуна, чтобы лишить его волшебной силы. Однако Омис резким движением левой руки направил на новоявленный купол новую струю чёрного огня, отчего купол лопнул. Поток воздуха меня вновь откинуло, только теперь в самую гущу таркунов. Они, увлечённые битвой, не заметили меня. Я вскочил. Меча в моей руке уже не оказалось. Зато руки пламенели, готовые послать на врагов карающий огонь. Я не знал, что стало с магом, зато я вновь увидел своего врага. Он, заметив меня, каким-то невероятным образом переместился в пространстве и очутился рядом со мной.

Замахнувшись своим мечом из чёрного пламени, он рубанул изо всех сил. Оглушённый падением, я не успел отразить удар. Резкая боль впилась в мою левую руку. Сперва я не понял, что произошло, но мой огонь на пострадавшей руке начал гаснуть. Наконец пламя совсем потухло и я увидел, что лишился руки по локоть! Тогда я почему-то не чувствовал боли. Всё происходило будто не со мной. Я уловил быстрое движение соперника и на этот раз успел отпрыгнуть от очередного удара. Собрав все свои силы, я выпустил огненную струю в Омиса, но тот, словно охраняемый невидимой стеной, остался цел. Вдруг он начал убегать от меня в сторону города. Сперва я удивился, но потом сообразил, что колдун заманивает меня в город. Но зачем? Мысль об Илоне, подобно молнии, вспыхнула в моём сознании. Я бросился за Омисом в Амбухат. Плевать, что это ловушка! Плевать, что он заманивает меня в замкнутое пространство, где я, боясь поразить своих же воителей, не смогу использовать свой огонь в полную силу. Илона! Только она сейчас жила в моём сердце.

Омис передвигался с фантастической скоростью. Я бежал следом, отбиваясь от транкулов и уворачиваясь от тушканов. То и дело мне приходилось разбивать песчаные тела степных монстров. Я боялся опоздать, было предчувствие, что Омис знает об Илоне, о моих чувствах к ней. Как он мог узнать? Всё просто: он же могущественный колдун, умеющий раскрывать чужие тайны. Я бежал, забрызгивая и без того окровавленную землю красными струями, хлеставшими из обрубка, которым стала моя левая рука.

Добравшись до Амбухата, я нырнул в гремящий оружием город. Только сейчас я осознал, что оборона города окончательно прорвана. И, как назло, я так серьёзно ранен. Теперь я начал ощущать слабость от кровопотери. Чтобы продолжить борьбу, надо было остановить кровь. Я огляделся. Подходящих материалов для затягивания раны не было. Мозг мой бешено соображал и я не нашёл ничего лучше, как прижечь рану своим же собственным огнём. Вновь призвав пламя из глубины своего существа, я уставился на огонёк, играющей на моей здоровой руке. Мигом приложил обрубленную конечность к этому пламени. Боли не было или же от потрясения я её просто не чувствовал. Кровь вскипела и запеклась, образуя плотную корку. Запахло горелой плотью. Я уселся на несколько минут, чтобы перевести дух. Мимо носились воины.

— Вам плохо, господин? — услышал я чей-то вопрос и не сразу сообразил, что это меня спрашивали.

— Вы ранены? — вновь спросил зрелый мужчина, вооружённый одним только кистенём.

— Всё в порядке, — пробормотал я и встал на ноги.

— В Круглом доме жуткая битва! — прокричал мимо пробегающий воин, — нужна подмога!

— Круглый дом! Там же укрылись женщины и дети! — выпалил я и во весь дух помчался туда. На самом деле в ту минуту мне было плевать на женщин и детей. Я думал лишь об Илоне.

Ворвавшись в здание, я тут же оценил обстановку, она была не из лучших: моих людей теснили транкулы, а тушканы уже не сражались, а жадно пожирали павших. Я начал метать огонь из единственной руки в этих тварей. Люди, увидев это, воодушевились и принялись бороться с удвоенной силой. В какой-то момент мне показалось, что мы начали побеждать, но тут к своему ужасу я услышал крики Илоны. Я замер. Звуки доносились снаружи. Наверное подонок настиг девушку, когда та попыталась покинуть здание, в очередной раз ставшее местом битвы. Я тут же выскочил из Круглого дома и застыл, во все глаза наблюдая

за тем, как Омис, схватив Илону за волосы, тащит её в сторону Степи.

— Омис! — заорал я и голос мой пересилил шум сражения, а может у колдуна был сверхъестественный слух. Он даже не обернулся, хотя и замер на секунду. Я бросился за ним, но не успел я настигнуть врага, как на него бросился один из моих воинов. Соратник спрыгнул с крыши соседнего здания прямо на спину Омису, когда тот волок девушку мимо. От неожиданности колдун разжал пальцы, и Илоне удалось вырваться.

— Илона! — срывал я голос. — Илона!

Я был уже близко и потому она услышала меня.

— Хизар! — бросилась она ко мне со слезами на глазах.

— Спрячься куда-нибудь, — поспешно ответил я и пронёсся мимо, намереваясь вступить в смертельную хватку.

Между тем Омис боролся с напавшим на него воином. Колдун был значительно сильнее. Соратник мой то и дело с грохотом ударялся то о стены, то о землю.

— Хизар! — прокричал мне мужчина, освободивший Илону. — Поджарь мерзавца!

Я с изумлением узнал голос Скитальца.

— Джек? — удивлённо пробормотал я.

Джек вцепился врагу в горло, тот наносил мощные удары по корпусу смельчака.

— Огонь! — охрипшим голосом кричал мне Джек. — Быстрее, Хизар, направь на него струю своего огня!

— Но тогда ты погибнешь вместе с ним! — возразил я.

— Плевать! Жарь его! — орал в исступлении Джек.

Я взглянул на свою руку, объятую пламенем. Нет, я не мог убить Джека. Только не сейчас, когда он спас Илону. Вместо этого я временно затушил пламя и, подбежав к Омису со спины, наотмашь ударил его кулаком по голове. Омис ударил Джека на этот раз гораздо сильнее, от чего тот выпустил из рук его горло и, согнувшись пополам, упал. Колдун медленно обернулся ко мне, и я не узнал его лицо. Оно исказилось до неузнаваемости, приобретая черты хищного зверя со страшным оскалом. Я понял, что сейчас злодей начнёт биться в полную силу.

— Хизар, — прохрипел корчившийся на земле Скиталец, — ему надо отрубить голову... только так его можно убить...

Я стал оглядываться по сторонам, ища подходящее оружие, ведь свой меч я давно уже выронил. Омис тем временем вновь сотворил из чёрного огня клинок, которым замахнулся на меня, но я вовремя увернулся. Однако равновесия не удержал и упал прямо под ноги врага. Омис ударил мечом, я откатился, и клинок врезался в землю. Краем глаза заметил, как Джек ползёт к валявшемуся возле павшего воина мечу. Скиталец взял меч и закричал:

— Держи, Хизар!

Он кинул клинок в мою сторону, но Омис сбил его на лету своим колдовским оружием. Его жуткая морда расплылась в чудовищной ухмылке. Но я не растерялся, а рухнул на живот, накрыв собой сбитый меч. Омис нанёс удар вновь, но я уже успел перевернуться на спину и встретить его клинок, выставив оружие перед собой. Удар! Скрежет металла! Шипение огня, словно он опалил мокрые дрова. Омис бил вновь и вновь, не давая мне встать. И вдруг что-то произошло. Он вскрикнул и обернулся. Из спины его торчала рукоятка кинжала. Это Джек нашёл в себе силы встать и нанести ранение врагу. Я не медлил ни секунды, и прежде, чем колдун опомнился, нанёс рубящий удар. Послышался звук рассекаемого воздуха, а потом брызнули струи крови. Голова Омиса дрогнула и, отделившись от тела, упала под мои ноги.

Я в ярости рубанул по ней ещё раз, рассекая ненавистное лицо. Тело колдуна рухнуло и задымилось. Я тяжело дышал, не веря, что всё кончено. Убедившись, что колдун мёртв, я подбежал к Джеку, который лежал на земле и стонал от боли. По всей видимости, у него были переломаны рёбра.

— Он умер? — спросил меня Скиталец.

— Похоже на то, — ответил я, — а тебе, дружище, нужна помощь.

Я попытался поднять его, чтобы отнести в безопасное место, но смельчак остановил меня.

— Нет, — сказал он, — помощь нужна нашим людям. Теперь, когда мы справились с Омисом, ты сможешь одолеть лихо.

— У меня осталась только одна рука, — проворчал я.

Джек оглядел меня и, улыбнувшись, проговорил слабым голосом:

— Зато у тебя огненное сердце. Иди, помоги нашим, а я как-нибудь сам...

Он был прав, моим людям нужно было подкрепление. Я, пожав ему руку, побежал в Круглый дом. Потребовалось много моих сил, чтобы уничтожить чудовищ. После этого я побежал из города. Там битва была в самом разгаре, но монстры, лишившись руководителя в лице Омиса, отступали. Мои воины преследовали чудовищ и добивали их. С особо крупными тушканами пришлось разбираться мне. Через пару часов битва была закончена нашей победой, но потом ещё в течение недели мы выходили в Степь и добивали монстров, намереваясь полностью уничтожить степное лихо.

Сразу после победы я побежал разыскивать Илону, страшаясь за её судьбу. Встречные люди кланялись мне, воины, ликуя, приветствовали, но я ничего этого не замечал. В мозгу лишь пульсировало: «Илона! Илона! Илона!»

И я нашёл её, дрожащую среди каких-то обломков.

— Илона! — выпалил я.

Она подняла на меня свои необыкновенные глаза и радостью озарилось её лицо. Девушка вскочила и побежала мне навстречу. Смертельная усталость, овладевшая мной, моментально исчезла. Я летел к ней, словно у меня выросли крылья. Да! Я летел на крыльях любви. Мы встретились, и я прижал её к своей груди, в которой бешено стучало сердце. Я целовал её волосы, лоб, щёки, шею. Она плакала и смеялась. Мы и не заметили, как вокруг нас столпились люди. Они хлопали и радостно восклицали. Голос Марика перекрывал все остальные звуки.

— Да здравствует великий хан Хизар! Человек с огненным сердцем!

— Хизар! Хизар! — слышались голоса.

Я обнимал любимую и плакал, как ребёнок, всё ещё не веря в победу.

Наконец Илона вспомнила о моём увечье и бережно погладила изуродованную руку.

— Видишь, какой я теперь урод, — горько усмехнулся я.

Она взглянула на меня с любовью и сочувствием.

— Ты прекрасен, — пролепетала Илона.

— Ты выйдешь за меня замуж? — выпалил я.

— Ты уже знаешь, что я согласна, — улынулась девушка и поцеловала меня.

Восторженный гул заставил меня осознать, что мы не одни. Я огляделся и вдруг вспомнил про Джека.

— Джек! — закричал я. — Найдите Джека!

И его нашли. Он лежал без сознания. Я приказал оказать ему помощь. Скитальца

положили на мягкое ложе. Мои люди обошли весь город и нашли нескольких целителей, теперь их помощь нужна была как никогда. Занялись ранеными. Джек долго не приходил в себя. Я напряжённо смотрел на его неподвижное тело. Наконец он всё-таки открыл глаза. Я впервые рад был ему.

— Джек, — проговорил я, присаживаясь рядом, — ты оказался настоящим другом... а я... я так ошибался на счёт тебя...

— Не надо лишних слов, Огненное Сердце, — через силу улыбнулся раненый, — побереги их для своей невесты, а мне достаточно пожать руку.

Я сжал его ладонь.

— Ты поправишься, — уверенно заявил я.

— А куда я денусь? — усмехнулся Скиталец, — ведь всё интересное только начинается. Не могу же я пропустить становление великого государства ахаров.

Я ещё немного посидел рядом с ним, а потом, передав соратника на попечение целителей, пошёл осматривать войско.

Оказалось, что победа досталась ахарам чудовищной ценой. Павших было слишком много для того, чтобы точно подсчитывать их количество. Повсюду уже готовили погребальные костры. К счастью, Унбэк выжил. Я невероятно обрадовался, увидев мага среди раненых. Илона же ходила по всему городу, разыскивая Агыра. Оказалось, что парень, участвуя в сражении, был ранен и потерял сознание. Илона тащила его до дома, в котором мы наспех обустроили лазарет. Мы боялись, что Агыр умрёт, но он оказался живучим.

— Почему бы нам не усыновить его? — спросил я невесту.

— Обязательно надо это сделать, — поддержала меня Илона.

Через две недели после победы состоялась наша свадьба. Конечно, нельзя сказать, что торжество прошло в идеальной обстановке, всё-таки вокруг были руины. Город предстояло восстанавливать. Но это обстоятельство не помешало закатить пирушку на всю округу. Ещё бы! Великий хан женится! Илона была прекрасна и в этот день счастлива как никогда. Её облачили в белоснежное пышное платье, какие принято носить на Западе. Это платье мы обнаружили в кладовых Круглого дома, видимо ханы, ведя торговлю с некоторыми западными странами, принимали диковинную одежду в качестве платы. Невеста моя выглядела потрясающе. Я даже дар речи потерял, увидев её. Сам же я облачился в малиновый хатыль. Местные умелицы подсуетились и успели соткать мне ханскую повязку, расшитую золотом. Теперь она красовалась на моём лбу, символизируя бесконечность моей власти. После бракосочетания мы с женой стояли и смотрели друг на друга влюблёнными глазами. Я не слушал поздравлений, не обращал внимание на подносимые нам подарки. Я глядел только на Илону и тонул в её глазах.

— Любимый, ты хотел сделать какое-то заявление, — напомнила мне она.

Я встрепенулся. В самом деле, как я мог забыть?

Оглядевшись, увидел Агыра и поманил его к себе. Мальчик подошёл несмело, не понимая, зачем я это делаю.

— Друзья мои! — обратился я к народу. — Хочу представить вам теперь нашего с Илоной сына!

Все с недоумением смотрели на меня.

— Я хочу сообщить вам, что намерен усыновить Агыра! Теперь этот смелый маленький воин наш с Илоной сын! Сын хана Хизара Марэка!

— Да здравствует Агыр Марэк! — крикнул кто-то, и народ возликовал.

Агыр, шокированный невероятным событием, смущённо улыбался. Я же чувствовал, как моё сердце пламенеет от любви к Илоне, к Агыру, к своему народу. Среди присутствующих я заметил Джека Скитальца. Тот стоял, опираясь на палку и улыбался. Я кивнул ему, чувствуя благодарность, ведь если бы не его смелый поступок, этой свадьбы могло бы и не быть. Джек радостно подмигнул мне и поплёлся в лазарет, потому что был ещё слишком слаб, чтобы участвовать в пирушке. Агыр и тот был в куда более лучшем состоянии. Но я знал, что время всех исцелит. У нас у всех впереди была яркая жизнь, мы начали новую эпоху в истории нашего народа, и огненное сердце подсказывало мне, что всё у нас получится.

Прошло двадцать лет после памятной битвы за Амбухат и за само существование ахаров. Я со своими соратниками много сделал для воссоединения племён в одно государство, которое решено было назвать Великим Ахарским ханством. Мы строили города, развивали торговлю с соседними странами, учились строить корабли. Степное лихо больше не тревожило нас. Монстры либо исчезли совсем, либо убрались дальше на восток. По крайней мере больше никто их не видел. Я старался быть справедливым правителем, памятуя об обещании, которое я дал умирающему Одноглазому. Но всё же иногда приходилось поступать довольно жёстко, карая преступников и смутьянов.

Мы с Илоной жили в мире и согласии. Любимая жена родила мне трёх дочерей, а совсем недавно на свет появился наш долгожданный сын.

Агыр вырос и превратился в статного, сильного и смелого мужчину. Ему предстояло перенять власть над ахарами, как только подойдёт срок, а когда младший брат подрастёт, передать власть ему.

Скиталец Джек несколько лет прожил с нами, а потом по своему обыкновению пустился в очередное путешествие. На этот раз путь его лежал на Запад, в родные земли.

Унбэк восстановил магическую школу и каждый год набирал учеников. Только теперь юные маги не умирали так скоро, потому что отпала необходимость каждую ночь тратить жизненные силы для создания защитного купола. Отныне маги занимались целительством, боевым волшебством, а так же естественными науками.

Однажды, в третий день праздника Харун-Дах, в Амбухат явился таинственный странник. Лицо его скрывал капюшон, а сам он облачён был в длинные чёрные одежды. Пришелец потребовал встречи с великим ханом, и стражники проводили нежданного гостя в мои покои.

— Приветствую тебя, странник, — обратился я к гостю. — Я Хизар, прозванный Огненным Сердцем. Что привело тебя в мой дом?

Тут таинственный человек откинул капюшон. Илона, сидящая подле меня и кормившая грудью новорождённого сына, невольно вскрикнула. Воины потрясённо уставились на пожилую женщину в чёрном плаще. Её незрячие глаза, казалось, смотрели на меня в упор. Конечно я сразу узнал её.

— Пророчица! — потрясённо произнёс я.

— Приветствую и тебя, Огненное Сердце, — проскрипела в ответ она, — сколько лет прошло с тех пор, как мы виделись с тобою в моём кратере?

— Двадцать лет, — ответил я. — Где ты всё это время пропадала? И как выжила, когда степное лихо взъярилось?

— Не те вопросы ты задаёшь, Огненное Сердце, — отозвалась старуха. — Спроси лучше, зачем я здесь.

— И зачем? — немного опешив, поинтересовался я.

— А затем, великий хан, что государству твоему грозит опасность, — шокировала пророчица своим ответом всех присутствующих.

Воцарилось молчание. Каждый переваривал в своём мозгу услышанное.

— И какая же опасность, позволь спросить? — обратился я вновь к гостю. — Опять с востока? Степь решила вернуть своё владычество над ахарами?

— Нет, Хизар, — возразила Пророчица, — на этот раз беда придёт с Запада. Готовься к войне, великий хан, готовься к войне.

Я хотел было открыть рот, чтобы задать очередной вопрос, но гостя вдруг хлопнула в ладоши и тут же её объял густой белёсый дым. Когда дым рассеялся, мы никого не увидели на том месте, где стояла старуха. Пророчица исчезла!

Ошарашенные, мы застыли на месте, а потом я сказал своим приближённым:

— Никому не рассказывать о том, что здесь произошло. И сегодня же пошлите разведчиков к нашей западной границе.

— Слушаюсь, великий хан, — отозвался Марик и удалился, чтобы собрать группу из самых надёжных людей.

Я ощутил, как в моём сердце бушует огненное море, оно почувствовало угрозу для нашего государства. Меня бросило в жар, даже железный протез на моей левой руке нагрелся. Илона испуганно смотрела на меня.

— Что ж, — произнёс я, — будем готовиться к войне.

На моей коже заиграли огненные язычки. Я верил, что моего огня хватит на всех врагов и готовился принять новый вызов, отразить очередной удар судьбы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net